

HARLEQUIN®

ANNE GRACIE

RITA AWARD FINALIST

Grallant Waif

HARLEQUIN HISTORICALS®

Англия, 1812 год Отчаянная, но умеющая держать себя в руках, Кейт Фарли оказалась совершенно одинокой в этом мире, и теперь ее мучает только один вопрос — чем заняться, чтобы иметь еду и крышу над головой. Измученный герой пиренейской войны Джек Карстерз ничего не хочет в этой жизни, кроме как быть оставленным в покое, чтобы погрузиться в свое собственное отчаяние. К счастью, у Джека есть бабушка — сильная и надменная леди Кейхилл. Не считаясь с желаниями Кейт и Джека, леди Кейхилл тайно замышляет примирить эти две несчастные души, но добьется ли она успеха Кейт Фарли была совершенно ошеломлена, когда ее отказ принять предложение «милостыни» леди Кейхилл привел к тому, что ее затолкали в роскошную карету. Но истинная причина выходки пожилой женщины стала оглушительно ясна после встречи с ее загадочным внуком, Джеком Карстерзом. Раненный на Пиренейском полуострове, отвергнутый собственным отцом и брошенный невестой, Джек укрылся в своем загородном поместье, но Кейт не могла стерпеть такого поведения. Внезапно Джек обрел цель в жизни — избежать попыток мисс Фарли вмешаться в выбранный им образ жизни. Ведь, если он не будет бдителен, Кейт непременно преуспеет и заставит его захотеть вернуться в человеческое общество!

Анна Грейси

Отважная бродяжка

*Перевод: Jolie, Karmenn, KattyK, Lady Elwie, Lark ,
Marigold, na, Nara, vetter, Zirochka Нюпочек ,*

*Редактирование: code burger, Nara, vetter,
Zirochka, Москвичка*

Подготовка файла: Федор

Кент, Англия. Конец лета 1812 года.

— Нет, нет, папа. Я не выйду. Ты не можешь меня заставить!

— Пожалуйста, конфетка моя, прошу тебя. Это не займет много времени, а меня он, боюсь, и не заметит.

Статный темноволосый мужчина, ждущий в одиночестве в гостиной, обернулся на голоса, раздававшиеся снаружи. Повернувшись слишком резко, он не удержался от негромкого ругательства, его лицо исказилось от боли. Далее он двигался более осмотрительно, осторожно сгибая ногу и опираясь на свою палку. Его внезапная бледность постепенно исчезала вместе с медленно уходящей болью.

Он бросил взгляд в сторону голосов и сглотнул, нервно дергая шейный платок, чем разрушил весь эффект, которого так добивался в течение нескольких часов. Его одежда была самого прекрасного качества, хотя и слегка устаревшего фасона; казалось, все шилось на более плотную фигуру: пальто, вместо того чтобы облегать, свободно висело везде, кроме плечей. Сам джентльмен — высокий, широкоплечий и мрачно красивый, хотя и несколько худой, почти на грани измождения — предавался созерцанию, стоя у окна и безучастно взирая на открывавшийся перед ним вид.

Джек Карстерз был сыт по горло ожиданием. Не для того он в течение многих часов трясся в закрытой карете, спеша добраться сюда... чтобы оказаться предоставленным самому себе в закрытой же гостиной в течение почти что получаса. Слишком долго для человека, который провел последние три года на свежем воздухе, командуя отрядом под предводительством Веллингтона на Пиренейском полуострове. Он открыл французские двери, ведущие на террасу, и вышел наружу на прохладный свежий воздух, и был немедленно вознагражден сладким мелодичным голосом своей возлюбленной.

Джек нетерпеливо пошел вперед. Три года, и вот теперь ожидание позади. Спустя несколько мгновений он снова будет держать ее в своих объятиях, и кошмар закончится. Он торопливо хромал на звук голосов, вылетающих из открытых французских окон дальнего конца террасы.

— Нет, папа, ты должен сам ему сказать. Я не желаю его видеть, — Джулия явно сердилась, в ее голосе звучало раздражение.

Никогда прежде Джек не слышал его таким.

— Конечно, конечно, моя дорогая, я поговорю с ним и расскажу всю правду, но ты должна понять, что тебе необходимо пойти со мной, по крайней мере, хотя бы потому, что иначе он мне не поверит.

Джек замер. Всего лишь месяц назад, перед самым ранением, он получил от Джулии письмо, полное надежды и любви. И та же почта принесла ему весть о смерти отца, спустя несколько месяцев после самого события, поскольку это письмо гуляло по всему полуострову.

Такой чудесный, так хорошо врезавшийся в память Джека голос стал еще более обиженным, как у ребенка.

— Я не хочу его видеть, не хочу. Он изменился, я знаю, я видела его из окна.

Отец Джулии, всегда потакавший своей красавице дочери, на этот раз оказался

относительно настойчив.

— Хорошо, хорошо, моя дорогая, но чего же ты ожидала. В конце концов, он был на войне, а война меняет человека, — мягко уговаривал он.

Джулия издала короткий звук, который любой менее учтивый джентльмен назвал бы фырканьем.

— Он... теперь он уродлив, папа, его лицо обезображено.

Бессознательно Джек провел пальцем по все еще грубому мертвенно бледному шраму, разделившему пополам его щеку от виска до рта.

— И он едва может ходить. — Ее голос стал мягким, умоляющим: — Пожалуйста, папа, не заставляй меня говорить с ним. Я не смогу даже смотреть на него, с этой его неестественно торчащей ногой. Было бы лучше, если бы он умер, а не вернулся таким, каков он сейчас.

— Моя дорогая! — ее отец был потрясен.

— О, я знаю, это выглядит жестоко, — продолжала Джулия, — но как только я подумаю о своем красивом Джеке и о том, кем он теперь стал, я готова расплакаться. Нет, папа, это совершенно невозможно.

— Ты и в самом деле уверена в этом, моя дорогая?

— Конечно, уверена. Ты же сам мне сказал, что отец оставил его ни с чем. Я не могу выйти замуж за нищего. — Она топнула ножкой. — Из-за этого я ужасно сердита, столько времени пропало впустую, все это время ожидания. И, в любом случае, лучшее, на что он теперь способен — это идти, не падая, а значит, можно быть совершенно уверенным, что он никогда снова не сможет со мной танцевать, как раньше...

Голос Джулии затих, поскольку на нее нахлынули воспоминания о тех волшебных мгновениях, которые она провела, танцуя с ним, являясь центром внимания всех присутствующих, предметом зависти каждой женщины в зале. Она снова топнула ножкой, злясь на то, что внезапно оказалась лишена всего этого.

— Нет, папа, это совершенно невозможно! Теперь я рада, что когда-то ты не позволил нам формально объявить о нашей помолвке, хотя в то время я думала о тебе, как о жестоком чудовище.

Джек услышал достаточно. С побелевшим и мрачным лицом он отодвинул портьеру, скрывавшую его, и вошел в комнату.

— Думаю, сказано достаточно, не так ли? — произнес он тихим, убийственным голосом.

Возникло небольшое замешательство, пока эти двое осознавали, что же он мог услышать. Никто из них не знал, сколько времени он пробыл за портьерой. Джек спокойно прохромал к двери и многозначительно открыл ее, давая понять отцу Джулии, чтобы тот оставил их наедине.

— Полагаю, ваше присутствие больше не потребуется, сэр Филлип, — сказал он, — не могли бы вы быть столь любезны и оставить нас одних, сэр?

Сэр Филлип Давенпорт пришел в неистовство.

— Послушайте, Карстерз, я не позволю приказывать мне в моем собственном доме! Я вижу, что для вас это — невероятное потрясение, но теперь вы не имеете средств на содержание моей дочери...

— Спасибо, сэр, — прервал его Джек. — Я понимаю, о чем вы говорите, но думаю, что заслужил любезность остаться всего лишь на несколько мгновений с той, с которой был

обручен.

Натренированный годами командный голос возымел свой обычный эффект. Отец Джулии явно почувствовал себя неудобно и сделал несколько шагов к двери.

— О, но... — начала Джулия.

— По-моему, наша помолвка еще не расторгнута и, полагаю, у меня имеется законное право быть оповещенным об этом лично, — Джек снова махнул рукой отцу Джулии, призывая его оставить их. Заметив, что тот, борясь со своей надменностью, колеблется и проявляет беспокойство, Джек вкрадчиво добавил: — Уверяю вас, Давенпорт, несмотря на то, что за это время я мог сильно измениться во многих отношениях, я — все еще джентльмен. Ваша дочь со мной в полной безопасности.

Сэр Филип ушел, оставив свою дочь смущенной и сердитой. Наступила долгая пауза. Джулия быстро и изящно прошла по комнате, громко шурша своими юбками, что стало единственным звуком, раздававшимся в комнате. Искусные движения предназначались для того, чтобы показать роскошное прекрасное тело, заключенное в самое изысканное лондонское платье, подчеркнутое модной золотистой прической и точно подобранными драгоценностями, охватывающими ее гладкую белую шею и запястья. Наконец Джулия заговорила:

— Мне жаль, если вы слышали то, что вам, возможно, не понравилось. Но вы должны знать, Джек, что, подслушивая чужие разговоры, никогда не услышишь о себе ничего хорошего. — Она изящно пожала плечами, скользнула к окну и стала пристально вглядываться вдаль, по-видимому, поглощенная открывающимся за террасой видом модно благоустроенного сада.

Лицо Джека выглядело зловеще: серовато-багровый шрам, пересекавший его щеку, резко выделялся на бледной коже.

— Черт побери, Джулия, вы хотя бы могли высказать мне все это в лицо — в то, что от него осталось, — горько добавил он. — В некоторой степени именно по вашей вине я оказался в такой ситуации.

Она повернулась, ее прекрасные губки сложились в негодующую гримаску:

— Нет, в самом деле, Джек, как вы можете обвинять меня в том, что с вами случилось?

Он сардонически ухмыльнулся и пожал плечами, которые тут же натянули легкое, слегка потертое, но высококачественное пальто.

— Возможно, не вы непосредственно. Но когда мой отец приказал разорвать нашу помолвку, вы бросились ко мне и просили твердо стоять на своем. Что я, конечно, и сделал.

— Но разве я могла знать, что этот неприятный старик действительно лишит вас наследства за неповиновение?

Голос и глаза Джека стали холодными:

— *Этот неприятный старик* был моим отцом, и я предупреждал вас, что он так и сделает.

— Но он любил вас до безумия! Я была уверена, что он всего лишь блефует... пытаюсь заставить вас танцевать под свою дудку.

Голос Джека оставался тверд:

— Вот почему я купил офицерский чин, если вы помните.

Красивые глаза переместились на его тело, пройдясь по неприятно травмированной щеке и неестественно вытянутой ноге.

— Да, и это погубило вас!

Она отвела взгляд, на ее лице явно читалось отвращение.

Мгновение он молчал, вспоминая сказанное ею своему отцу.

— Мне сказали, что я никогда не смогу снова танцевать. Или ездить верхом.

— Точно, — согласилась она, не обращая внимания на его жесткий пристальный взгляд. — И разве этот отвратительный шрам на вашем лице исчезнет? Сомневаюсь. — Внезапно показалось, что она поняла всю жестокость своих слов: — О, простите меня, Джек, но в Лондоне вы были таким красавцем... прежде чем... — она указала рукой на столь неприятную ей отметину.

С каждым произнесенным словом она все больше выдавала себя. Боль, разочарование, гнев нахлынули на Джека и резанули внутренности, наподобие ножа. Поступок его отца навсегда охладил чувства этого красивого, пустого существа. В глубине души Джек, как и Джулия, никогда не верил, что отец действительно лишит его наследства, но оказалось, тот умер, так и не простив своего сына. Это причиняло Джеку сильнейшую, глубоко спрятанную боль: не потеря наследства, а потеря любви отца.

Почувствовав себя неловко под пристальным изучающим взглядом бывшего жениха, Джулия несколько раз прошлась по комнате, нервно перебирая украшения и изящные безделушки, беря их в руки и вновь ставя на место.

Джек наблюдал за нею, думая при этом, что память о ее изяществе и красоте поддерживала его в самые худшие моменты жизни. Было так замечательно представлять — в жаре, пыли и крови войны на полуострове, — что где-то его ждет прекрасная, полная жизни женщина. И все это, безжалостно сказал он себе, являлось всего-навсего плодом его собственного воображения. В действительности она оказалась пустой, красивой, черствой маленькой сучкой.

— О, будьте честны, Джек. — Она развернулась и остановилась перед ним. — Вы больше не тот человек, за которого я согласилась выйти замуж. Можете ли вы обеспечить мне запланированную нами жизнь? Нет, — она пожала плечами. — Сожалею, Джек, но, как это не неприятно для нас обоих, вы должны понимать, что теперь это совершенно непрактично.

— Ах, непрактично? — отозвался он саркастическим эхом. — И что же в точности непрактично? Внезапное отсутствие у меня состояния? Мое обезображенное лицо? Или идея танцевать с уродливым калекой и таким образом стать объектом насмешек? Это, да?

Она съежилась, испугавшись яростных нот в его голосе.

— Именно это непрактично, ведь так? — рычал он. — А я благодарю за это Бога.

Она вглядывалась в него, пытаясь осмыслить значение его последнего высказывания.

— Это... это означает, что вы не хотите жениться на мне? — ее голос перешел на визг от изумления и зарождающегося негодования.

Это она собиралась дать ему отставку, а не наоборот.

Он иронично поклонился:

— Я не только не желаю жениться на вас, я почти рад моим несчастьям, открывшим мне глаза и позволившим избежать гибельной судьбы.

Она впиалась в него взглядом, ее часто вздымающаяся грудь когда-то так привлекала его.

— Мистер Карстерз, вы не джентльмен!

Он улыбнулся ей в ответ резкой, уродливой гримасой:

— А вы, мисс Давенпорт, ни в коей мере не леди. Вы — пустая, жадная, холодная маленькая сучка, и я благодарю свою удачливую звезду, что вовремя обнаружил правду. Бог

всегда помогает бедному дураку, которого вы, так или иначе, заманиваете в свои сети.

Она в бешенстве топнула ногой:

— Да как вы смеете? Покиньте этот дом немедленно... немедленно, вы слышите меня?

Или вас, урод... раненный вы или нет, вас выбросят вон!

Он быстро захромал к ней, и она в страхе отпрянула назад.

— Только верните мне мое кольцо, — сказал он устало, — и ваш дворецкий избежит неприятной и затруднительной ситуации, выкидывая на улицу калеку.

Она резко прижала левую руку к груди и прикрыла большое бриллиантовое кольцо другой рукой.

— О, но я очень привязана к этому кольцу, Джек, — сказала она голосом маленькой капризной девочки. — Я действительно любила вас, вы же знаете. Конечно же, вы хотите, чтобы у меня на память о вас что-то осталось?

Он стоял и смотрел на нее, а отвращение неумолимо заполняло все его существо. Затем он развернулся и тихо захромал прочь из этого дома.

Глава 1

Лондон. Конец осени 1812 года.

— Боже! Ты хочешь сказать, мой внук даже не принял тебя после того, как ты проехала, уж не знаю, сколько миль, чтобы увидеться с ним? — Леди Кейхилл хмуро глянула на внучку. — О, ради Бога, Амелия, немедленно прекрати реветь и расскажи все подробно! С самого начала!

Амелия тут же проглотила рыдания:

— Дом обшарпан и выглядит весьма неприглядно, хотя конюшни, кажется, достаточно хорошо...

— Меня нисколько не волнуют конюшни! Что с моим внуком? — сердито прервала ее леди Кейхилл.

— Его слуга сказал мне, что Джек ни с кем не видится.

Пожилая леди нахмурилась:

— Что значит «ни с кем»?

— «Ни с кем», бабушка, значит «вообще ни с кем». Он, то есть Джек, притворился больным и послал мне записку, выражая благодарность за мое беспокойство и сожаление, что не может оказать гостеприимство. Гостеприимство! Собственной сестре!

Амелия нащупала в ридикюле новый носовой платок, промокнула навернувшиеся слезы и продолжила:

— Разумеется, я настаивала, чтобы пройти к нему и ухаживать за ним, но его человек — иностранец — даже не позволил мне подняться по лестнице. Отсюда я заключила, что Джек был вовсе не болен... просто... пьян! Он совершенно никого не принимает. И, по словам слуги, ведет себя так с тех самых пор, как вернулся из Кента.

Пожилая леди долго сидела молча, обдумывая услышанное.

— Кент, говоришь? Господи, как бы я хотела, чтобы ему никогда не встречалась эта отвратительная маленькая давенпортская шлюшка. — Она взглянула на внучку. — Я предсказывала, помнишь, что рано или поздно помолвка будет расторгнута...

— К сожалению, да, бабушка.

— Замечательно! — страстно произнесла леди Кейхилл. — По крайней мере, теперь он избавлен от этой мерзкой гарпии.

— Но, бабушка, кажется, это разбило ему сердце.

— Ерунда! У него прекрасное сильное сердце. В нем течет моя кровь, разве нет? Когда доживешь до моих лет — прекратишь нести всякую чушь о разбитых сердцах и другой подобной несуразице. Тела излечиваются, и сердца — тоже.

Вновь последовало длительное молчание.

— Но в том-то и дело, бабушка! — произнесла наконец Амелия. — Тело ведь не всегда удастся вылечить, не так ли? Слуга Джека утверждает, что его нога все еще очень плоха и постоянно болит, хотя он и может ходить.

Леди Кейхилл вспомнила, как выглядел ее любимый внук, когда однажды приезжал с войны в Испании. Каким высоченным, крепким парнем был до своего последнего отъезда. А теперь...

Она впила взглядом во внучку:

— Никогда не произноси при мне подобного вздора, девочка, слышишь?! Никогда! Мой мальчик все такой же прекрасный молодой человек, каким и был всегда, заруби себе на носу! В нем никогда не исчезнет боевой дух.

— Боевого духа я не заметила, бабушка.

— Ты пытаешься убедить меня, девочка, что мой внук совершенно пал духом и скрывается от мира просто потому, что расстроилась его помолвка с этой красивой бессердечной гадюкой? Тьфу, ты! — фыркнула леди Кейхилл. — Ты не заставишь меня в это поверить, да не за какие коврижки.

— Верно, — медленно произнесла Амелия. — Но это лишь вершина айсберга... Говорят, он больше никогда не сможет ездить верхом. А сколько его друзей убито на войне... И, бабушка, вы же знаете, какую боль причинил ему папа, оставив, по сути, нищим...

— Бог его знает, что за блажь тогда нашла на вашего отца, — согласилась леди Кейхилл. — Мало, что лишил мальчика наследства, но, видите ли, завещал ему «все, что найдется в моих карманах в день смерти...» Тьфу! Полное безумие! Какое величайшее совпадение, что он умер аккуратно после ночи, которую провел за карточной игрой в клубе "Уайтс" [\[1\]](#). Не выиграй он тогда тот документ — право собственности на "Севеноукс", — сейчас у мальчика и крыши над головой не было бы!

Леди Кейхилл снова раздраженно фыркнула. Да, Джеку пришлось пережить несколько ужасных ударов судьбы, причем один за другим. Но, даже делая скидку на излишнюю драматизацию, свойственную Амелии, кажется, Джек со всем этим плохо справляется. Нельзя было допускать, чтобы он впал в такую хандру. Необходимо что-то предпринять, как-то вывести его из этого состояния.

В дверь тихо постучали.

— Ну, в чем дело, Фитчер? — рявкнула пожилая леди, издерганная беспокойством за внука.

— Простите меня, миледи, — поклонился дворецкий. — Вам только что доставили письмо.

Он снова поклонился хозяйке, протягивая на серебряном подносе запечатанный лист бумаги.

Леди Кейхилл взяла его и пренебрежительно сморщила нос, заметив сколь неразборчив почерк.

— Фу, — пробормотала она, — даже без подписи.

Она перевернула листок и сломала печать. Затем пробежала текст глазами, хмурясь и что-то сварливо бормоча себе под нос. Наконец разочарованно бросила бумагу на пол.

— Что там, бабушка?

— Проклятье, не разобрать ни слова. Скверный почерк и отвратительное правописание. Ума не приложу, кто бы мог послать мне такую абракадабру. Брось это в огонь, девочка!

Молодая женщина подняла и разгладила листок:

— Хотите, я попробую прочитать?

Услышав от бабушки очередное фырканье, она посчитала его за согласие и начала читать вслух, иногда застревая на орфографических ошибках и неразборчиво написанных словах, которых оказалось великое множество:

«Миледи мне должно быть стыдно обращаться к Вам так как Вы находитесь гораздо

выше моего положения чтобы писать графням но я не могу представить кто еще повернется к...»

— Так это просьба! — негодуя воскликнула вдовствующая графиня. — В огонь и немедленно!

— Думаю, не стоит, бабушка, — заметила Амелия, просмотрев письмо дальше. — Позвольте мне закончить.

«...моей бедной девочке оставшийся совершенно одной в мире без семьи что позаботилась бы о ней но это действительно кажется позором что дочь аристократа должна стать прислугой чтобы остаться в живых...»

Глаза леди Кейхилл зажглись гневом:

— Ей-богу, она пытается подсунуть нам одну из девиц, прижитых вашим отцом где-то на стороне!

— Бабушка! — покраснела потрясенная Амелия.

— О, не будь такой лицемеркой, девочка. Ты должна знать, что у вашего отца было немало любовниц после кончины вашей дорогой матушки, но они ничего для него не значили, так что брось притворяться. Однако к нам это дело никакого касательства не имеет. Уверена, ваш отец не оставил бы ни одного прижитого им ребенка без обеспечения. В конце концов, он был джентльменом, хоть и глупцом! Говорю тебе, сейчас же брось эту дерзкую бумагу в огонь!

Но внучка забыла о стыдливости и жадно продолжала читать:

— Нет, подождите, бабушка, послушайте вот это:

«И поскольку я была ее старой нянькой даже если некоторые и говорят что я недостаточно хороша чтобы быть нянькой у дочери викария это ложится на меня чтобы сообщить Вам к чему пришла моя девочка поскольку Вы были крестной матерью мисс Марии ее бедной усопшей матери...»

На этом месте леди Кейхилл восторженно вскрикнула и подалась вперед, в ее глазах появился неподдельный интерес.

«...и ее единственному оставшемуся ребенку ничего теперь не остается как поступить в услужение не соглашаясь чтобы я предоставила ей приют. По правде сказать мне и одной тесновато потому прошу Вас миледи пожалуйста помогите мисс Кейт поскольку Бог мне свидетель нет никого другого кто поможет.

Искренне Ваша Марта Беттс».

— Вы знаете кого-то из этих людей, бабушка? — любопытствовала Амелия.

— Полагаю, что да, — медленно произнесла леди Кейхилл, забирая письмо и просматривая его снова. — Думаю, девочка — дочь моей крестницы Марии Фарли, или Марии Делакомб, как ее звали до замужества. Она вышла замуж за пастора и умерла при рождении дочери... почитай, лет двадцать тому назад. До этого она успела родить двух мальчиков, теперь уж и не вспомню их имен. После ее смерти я потеряла связь с ее

родными, но, возможно, это именно та самая семья.

Она вгляделась в адрес:

— Как я понимаю, это Бедфордшир? Точно. Хм. Одна, без семьи? Что могло случиться с отцом девочки и ее братьями?

Какое-то время леди Кейхилл хмуро смотрела на письмо, затем решительно метнула его на приставной столик.

— Что вы собираетесь делать, бабушка?

Леди Кейхилл приказала подать херес и печенье.

***

Как только прибыл муж Амелии, все перешли в столовую обедать. За крем-супом из водяного кресса ^[2]леди Кейхилл объявила о своем решении.

— Но, бабушка, вы действительно в этом уверены? — Амелия выглядела расстроенной. — Такая длительная поездка. Что если Джек и вас не примет?

Леди Кейхилл бросила на внуку взгляд величественного презрения.

— Не глупи, Амелия! — фыркнула она. — Мне никогда в жизни не отказывали в entree ^[3], ни в одном доме королевства. Куда заблагорассудится, туда и отправляюсь. Я была Монтфорд, девочка, до брака с твоим дедушкой, и никто, даже мой любимый внук, не может указывать мне, что я могу или не могу делать!

Она слегка коснулась своего рта изящной дамасской салфеткой и вылила херес в суп.

— Преснятина!

Чуть позже, гоняя по тарелке *cailles a la Turque* ^[4], она произнесла:

— По дороге приглашу дочь Марии навестить со мной Джека. Я не могу позволить ей голодать и не допущу, чтобы ребенок Марии Фарли стал прислугой! Тьфу! Надо ж до такого додуматься. Мать Марии в гробу бы перевернулась. Глупо было позволять дочери выходить замуж за бедного пастора.

Глаза леди Кейхилл сузились, когда она представила себе этот ужасный мезальянс.

— Фарли — прекрасная старинная фамилия, — нехотя признала она, — но отец Марии был последним представителем рода и, к тому же, бедным, как церковная мышь. Церковная мышь. Священник! Ха! — хмыкнула она, заметив нечаянную игру слов, затем притихла.

Вздыхнув, леди устало расправила худые старые плечи. После чего, отодвинув тарелку, приказала подать еще хереса.

— Да, я вытащу моего мальчика из его черной меланхолии и займу делом. — Леди Кейхилл даже не взглянула на мясо по-шотландски и ламбер-пай ^[5], на пастернак ^[6] в масле и филе лосося, сваренное с корюшкой. Она лишь отведала скромный кусочек лимонного пирога. — Непозволительно оставлять Джека наедине с мыслями там, в дебрях Лестершира, где кроме слуг и поговорить-то не с кем, — он захиреет. — Она недовольно покачала головой. — Никогда не доверяла слугам, что бы там ни было!

Амелия доблестно пыталась подавить удивленное восклицание, заметив при этом, как муж весело подмигнул ей через стол. Подобное заявление было просто поразительным для

женщины, которая считала дворецкого, повара, помощника повара, домоправительницу, несколько горничных и лакеев, посудомойку, извозчика, двух грумов, не говоря уже о камеристке, — всего-то минимальным набором прислуги, необходимой одной пожилой даме для комфортного проживания.

— Разумеется, бабушка, — выдавила Амелия, низко склонившись над столом.

— Не горбись над тарелкой, девочка, — рывкнула старуха. — Боже, уж и не знаю, как это поколение умудрилось вырасти с такими ужасными манерами. В наше время такое не допускалось.

***

Дверной молоточек требовательно звучал, эхом отдаваясь по всему небольшому пустому коттеджу. Вот он момент, которого Кейт ждала и боялась одновременно. Момент, когда она перестанет быть Кейт Фарли — сорвиголовой, дочерью викария Фарли, — а станет просто Фарли, служанкой, человеком-невидимкой.

Теперь, когда время пришло, внутри Кейт все трепетало. Она приближалась к черте, за которой уже не будет возврата. Сердце глухо застучало. Она чувствовала себя так, словно собирается прыгнуть с обрыва... «Такая аналогия нелепа», — строго сказала она себе. Она не прыгает, ее толкнули уже давным-давно, и иного выбора не осталось...

Распрямив плечи, девушка глубоко вздохнула и открыла дверь. Перед ней предстала властная пожилая леди невысокого роста, одетая в роскошные меха, которая тут же уставилась на нее ярко-синими нервирующими глазами. Позади нее виднелся элегантный экипаж для дальних путешествий.

— Чем могу вам помочь? — спросила Кейт, вежливо скрывая удивление.

Ничто в письме миссис Миджли не наводило на мысли, что ее новая хозяйка окажется настолько богатой и аристократичной, или что она заберет Кейт лично.

Пожилая леди проигнорировала ее вопрос. Она пристально разглядывала Кейт, совершенно пренебрегая любыми светскими приличиями.

«Девочка слишком худа, чтобы претендовать на звание красивой, — решила леди Кейхилл, — но в ней определенно есть нечто такое, что вызывает воспоминания о красоте ее матери — возможно, стройность фигуры и почти прозрачный цвет лица. Разумеется, у нее глаза ее матери. Что же касается остального...» — леди Кейхилл пренебрежительно нахмурилась. Волосы девушки имели самый заурядный каштановый цвет, без всякого намека на золотистый, бронзовый или рыжий оттенок, что придало бы им хоть какую-то оригинальность. В настоящее время они были стянуты в простой хвост, не украшенный ни локонами, ни завитками, ни лентами, как того требовала нынешняя мода. И действительно, ничто в ней не говорило хотя бы о малейшем знакомстве с модными веяниями: ее мрачная одежда, тусклого серо-коричневого цвета, выглядела совершенно безвкусной, хотя и безупречно чистой. Она свободно висела на ее худенькой фигурке.

Кейт слегка вспыхнула под пристальным взглядом синих глаз-бусинок и гордо вздернула подбородок. Пожилая леди глуховата?

— Так я могу вам чем-то помочь? — громче повторила Кейт, едва не на пределе своего

хриплого мальчишеского голоса.

— Ха! Как раз наоборот, что более вероятно!

Кейт удивленно уставилась на гостью, пытаясь понять смысл этого своеобразного приветствия.

— Что ж, девочка, не заставляйте меня стоять здесь в шаге от неотесанных крестьян и деревенских идиотов, вытаращивших на меня свои глаза! Я не ярмарочное развлечение, знаете ли. Предложите мне войти. Тьфу ты! Манеры нынешнего поколения. Не знаю, что бы на это сказала ваша мать!

Леди Кейхилл отодвинула Кейт в сторону и прошла в гостиную. Осматривая ее, она обратила внимание на нехватку мебели, более яркие участки на стенах, где когда-то висели картины, потертости и отсутствие огня, который в это время года должен бы потрескивать в камине.

Кейт сглотнула. Кажется, будет труднее, чем она думала, учиться смирению при такой-то грубости. Но она не могла себе позволить отвратить новую хозяйку, единственную, которая проявила интерес.

— Насколько я понимаю, я имею честь обращаться к миссис Миджли.

Пожилая леди фыркнула.

Кейт, неуверенная в точном значении данного звука, решила, что он означал утверждение.

— Полагаю, раз вы приехали лично, то посчитали меня подходящей кандидатурой для предлагаемого места, мэм.

— Хм! Какой у вас опыт работы?

— Небольшой, мэм. Я могу укладывать волосы и достаточно аккуратно шить.

«Аккуратно? Какая ложь!» Кейт отбросила совесть в сторону. Швы у нее всегда выходили неровными, что правда, то правда, но если по ним хорошенько пройти горячим утюгом, дефекты удавалось скрыть довольно успешно. Ей нужна эта работа. И она уверена, что сможет быть аккуратной, если очень-очень постарается.

— Ваша предыдущая хозяйка?

— До последнего времени я поддерживала дом своего отца и братьев. И, как видите... — она показала на темную одежду — ...недавно понесла тяжелую утрату.

— А остальная ваша семья?

Эта старуха настолько высокомерна и назойлива, что, несомненно, будет чрезвычайно требовательной хозяйкой. Кейт стиснула зубы. Ведь это ее единственный шанс. А значит, она должна выдержать этот наглый допрос.

— У меня нет другой семьи, мэм.

— Ха! Вы кажетесь образованной, благородной девушкой. Почему же вы не искали места компаньонки или гувернантки?

— Я не получила должного образования, чтобы стать гувернанткой.

«Я едва ли вообще образована».

Старая леди снова фыркнула, затем необъяснимым образом повторила мысль самой Кейт:

— Большинство гувернанток, которых я знала, едва ли могли назвать себя вообще образованными. Поверхностное знание французского или итальянского, некоторые навыки вышивания, умение баловаться акварелью и бренчать мелодию на фортепиано или арфе — вот все, что требуется. Только не говорите, что вам это не по силам. Ведь ваш отец был

ученым!

«Да, но я была всего лишь девчонкой, не стоящей в его глазах обучения». Пытаясь всеми силами справиться с гневом, вспыхнувшим при таком настойчивом допросе, Кейт даже не спросила себя, откуда старуха узнала об учености ее отца. Если миссис Миджли желает, чтобы Кейт была образована, то Кейт ее не разочарует. Некоторые женщины испытывают наслаждение, нанимая образованного человека в качестве прислуги, думая, что это добавит им важности.

— От моих братьев я немного знаю греческий и латынь, — *«сплошь грубые выражения»*, — и я знакома с основами математики...

«Я могу торговаться о цене цыпленка с самым хитрым португальским крестьянином». Внезапно Кейт пришло на ум, что, возможно, у миссис Миджли имеются внуки, и она хочет, чтобы Кейт им преподавала. Кейт поспешно вернулась к правде. Негоже, если все очень быстро раскроется.

— Но я не могу себе представить, чтобы женщине предложили место учителя. У меня нет навыка работы с красками, и я никогда не училась играть на музыкальных инструментах... — Нет, нежеланную дочь викария оставили расти, как сорняк, и совершенно не учили быть леди. — Но я действительно немного говорю на французском, испанском и португальском языках.

— Почему же тогда вы не искали работу компаньонки?

Кейт пробовала, она пыталась найти место, сочиняя письмо за письмом в ответ на различные объявления. Но не нашлось ни одного человека, кто мог бы за нее поручиться. Одной из ее соседок пришло письмо из Лиссабона, после чего Кейт внезапно стала *персоной нон грата* для людей, знавших ее всю жизнь. И то, что девочка, которую они помнили, всегда была дикой сорвиголовой, было тоже не в ее пользу. Многие из соседей уже тогда предсказывали дочери викария плохой конец. И оказались правы.

Жизнь прислуги не настолько плоха, убеждала себя Кейт. По крайней мере, как одна из множества слуг в доме она сможет рассчитывать хоть на какие-то дружеские отношения. Работать служанкой тяжело, гораздо тяжелее, чем компаньонкой, но не этого боялась Кейт — она боялась одиночества. А она была одинока. Более одинока, чем могла себе когда-либо представить.

Кроме того, компаньонку могли вынудить возвращаться в обществе, а Кейт не горела желанием встретить кого-то из своей прежней жизни. Ее могли узнать, а это было бы слишком болезненно, слишком оскорбительно. Заново проходить через подобное испытание Кейт не вынесла бы, однако объяснить все этой деспотичной пожилой леди не могла.

— Я не знаю никого, кто взял бы компаньонку или гувернантку без рекомендации от предыдущей хозяйки, мэм.

— Но я уверена, у вашего отца были друзья, которые могли бы снабдить вас ею?

— Возможно, мэм. Однако мы с отцом последние три года жили за границей, и я совершенно не знаю, как связаться с кем-либо из них, поскольку все его бумаги были утрачены, когда... когда он умер.

— За границей! — в ужасе воскликнула пожилая леди. — Бог ты мой! На разоренных Бонапартом землях! Как ваш глупый отец подверг вас такому риску? Хотя предполагаю, что это была Греция или Месопотамия, или какие-то иные традиционно далекие края, раз вы на это решились, но не континент же?

Глаза Кейт сверкнули. Вот старая карга! И не ответив на последний вопрос, она

вернулась к основной теме:

— Так вы меня нанимаете, мэм?

— В качестве моей горничной? Нет, разумеется, нет. Никогда не слышала ничего более нелепого.

Кейт остолбенела.

— Мне совершенно не нужна горничная или любая другая прислуга, — продолжила пожилая леди. — Я вовсе не по этой причине приехала.

— Тогда... тогда вы не миссис Миджли, мэм?

Прекрасные черты Кейт зажглись от прилива крови, а глаза негодуя заблестели.

Пожилая леди снова фыркнула:

— Нет, совершенно определенно, нет.

— В таком случае, мэм, могу я спросить, кто вы такая и по какому праву вошли в этот дом и учинили мне столь неподобающий допрос?

Кейт не потрудилась скрыть свой гнев.

— На правах крестной матери, моя дорогая, — улыбнулась леди Кейхилл.

— Моя крестная мать умерла, когда я была маленькой, — произнесла Кейт, не вернув улыбки.

— Я — леди Кейхилл, дитя. Моей крестницей была ваша мать. — Она потянулась к девушке и взяла ее за подбородок. — Вы удивительно похожи на Марию в эти годы, особенно глазами. Они тоже были ее самой лучшей чертой. Только мне совсем не нравится видеть эти темные круги под ними. И вы слишком худая. Нам следует принять меры. — Леди Кейхилл выпустила подбородок Кейт и снова оглядела ее: — Итак, девонька, вы намерены предложить мне сесть или нет?

Эта пожилая леди знала ее мать? Больше, чем ее знала сама Кейт. В доме викария все разговоры на данную тему были запрещены.

— Простите, леди Кейхилл, вы застали меня врасплох. Пожалуйста, присаживайтесь, — Кейт указала на потертый диван. — Боюсь, что не могу предложить вам закуски...

— Не беспокойтесь об этом. Я приехала сюда не завтракать, — живо откликнулась пожилая леди. — В дороге я совершенно ничего не могу есть.

— Почему же вы приехали сюда, мэм? — спросила Кейт. — Вы много лет не общались с моей семьей. Уверена, вовсе не случайность привела вас сюда сегодня.

Проницательные синие глаза гостьи оценивающе посмотрели на Кейт:

— Хм. Не нравится ходить вокруг да около, юная дева? Да я и сама люблю поговорить начистоту, потому скажу прямо — вам нужна моя помощь, девочка моя.

Серо-зеленые глаза вспыхнули, но Кейт достаточно спокойно произнесла:

— Что заставляет вас так думать, леди Кейхилл?

— Не глупите, девочка, я этого не выношу! Ясно, как божий день, что у вас нет ни единого фартинга, вы одеты в платье, которое я не позволила бы своей горничной использовать даже в качестве тряпки. В этом доме совершенно отсутствует какой-либо комфорт, вы не можете предложить мне закуски... Нет, сядьте, девонька!

Кейт вскочила на ноги, ее глаза сверкали:

— Спасибо, что приехали, леди Кейхилл. Мне не зачем далее выслушивать вас. Вы не можете предъявлять мне никаких требований, и не имеете никакого права врываться в мой дом и говорить со мной столь оскорбительным образом. Я буду вам очень благодарна, если вы немедленно уедете!

— Сядьте, я сказала! — миниатюрная пожилая леди говорила с леденящей властью, ее глаза метали гневные молнии.

Некоторое время женщины, не отрываясь, смотрели друг на друга. Кейт медленно села, ее худенькое тело от ярости застыло в негибавшей позе.

— Я выслушаю то, что вы считаете нужным сказать, леди Кейхилл, но только потому, что того требует благовоспитанность. Раз вы отказываетесь уехать, я вынуждена терпеть вашу компанию, поскольку девушке моих лет совершенно не подобает собственноручно выдворять женщину, гораздо старшую по возрасту!

Пожилая леди целую минуту сердито сверлила ее взглядом, а затем, к удивлению Кейт, вдруг разразилась громким смехом и смеялась до тех пор, пока по ее морщинистому, тщательно подкрашенному лицу не покатились слезы.

— О, моя дорогая, помимо глаз вы унаследовали и характер своей матушки.

Леди Кейхилл порылась в своем ридикюле, нашла тонкий кружевной платок и промокнула им глаза, все еще посмеиваясь.

Из позы Кейт исчезло напряжение, но она продолжала с каменным выражением лица наблюдать за посетительницей. Кейт ненавидела свои глаза. Она знала, что они — точная копия маминых. Отец не давал ей об этом забыть... ее отец, для которого дочь была лишь напоминанием о том, что его любимая жена умерла, рожая ребенка — ребенка с серо-зелеными глазами.

— Теперь, дитя мое, не будьте столь упрямы и глупы, — начала леди Кейхилл. — Я все знаю о вашем затруднительном положении, о том...

— Могу я спросить, как вы об этом узнали, мэм?

— Я получила письмо от Марты Беттс, в котором сообщалось малопонятными фразами в совершенно неграмотной форме, что вы осиротели, одиноки и не имеете будущего.

Суставы пальцев Кейт побелели, она гордо вздернула подбородок:

— Вас ввели в заблуждение, мэм. Марта желает мне только добра, мэм, но она не знает всех подробностей.

Проницательные глаза леди Кейхилл внимательно следили за Кейт:

— Значит, на самом деле вы не осиротели, не одиноки и у вас есть будущее.

— Я действительно осиротела, мэм. Мой отец умер за границей несколько месяцев назад. Оба мои брата умерли приблизительно в то же самое время.

Кейт отвела взгляд, отчаянно моргая, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

— Примите мои соболезнования, дитя.

Леди Кейхилл наклонилась вперед и мягко похлопала ее по колену.

Кейт кивнула.

— Но что касается будущего, мэм, тут вы ошиблись, а потому благодарю вас за беспокойство и... до свидания.

— Думаю, рановато, — мягко произнесла леди Кейхилл. — Я бы еще выслушала подробности о вашем нынешнем положении.

На что Кейт гордо подняла голову:

— По какому праву вы суετε нос в мою личную жизнь?

— По праву обещания, данного вашей матери.

Кейт задумалась. Мама. Мама, жизнь которой она украла. Мама, которая забрала сердце мужа с собой в могилу... На какой-то миг показалось, что Кейт будет возражать, но потом она склонила голову, недовольно уступая.

— Полагаю, ничего не остается, как признать ваше право.

— Вы — само милосердие, — сухо произнесла леди Кейхилл.

— Леди Кейхилл, вам на самом деле не о чем беспокоиться. Я в состоянии позаботиться о себе сама...

— Ха! Миссис Миджли!

— Да, но...

— Перестаньте донимать меня, дитя! — остановила ее леди Кейхилл. — Я знаю, что я — слишком прямолинейная старуха, но, дожив до таких лет, привыкаешь поступать на свой лад. Дитя, пораскиньте-ка мозгами, данными вам Богом. Даже самому убогому умишку очевидно — какое бы место не предложила миссис Миджли, оно совершенно не годится дочери Марии Фарли. Служанка, надо же! Тьфу! Другого выхода нет. Вы должны поехать и жить со мной.

Уехать и жить под одной крышей с пожилой аристократкой? Которая, судя по всему, вращается в высших кругах светского общества? Которая будет брать ее на балы, маскарады, в оперу — давняя мечта, мечта прежней Кейт... Кошмар для новой Кейт.

Какая жестокая ирония судьбы: столь заманчивое предложение поступило именно теперь, когда уже слишком поздно, — а ведь жизнь и так полна, как убедилась Кейт, и горя, и безжалостных насмешек.

— Благодарю за лестное предложение, леди Кейхилл, но я и не помышляла стеснять вас.

— Глупый ребенок! Что за блажь? Это не то предложение, от которого отказываются, не раздумывая. Подумайте-ка, какие оно сулит выгоды. Жизнь, достойную вашего происхождения, вы займете законное положение в обществе. Я же не рабство и тяжкую работу вам предлагаю.

— Я все понимаю, мэм, — ответила Кейт низким голосом. Ее «законное положение в обществе» было утрачено давно, в Испании. — Однако, хоть я и признательна вам за заботу, столь щедрое предложение принять не могу.

— Вы хоть сознаете, что именно я предлагаю, глупая вы девчонка?

— Милостыню, — напрямик ответила Кейт.

— Ах, чтоб тебя! — воскликнула пожилая леди, сердито махнув на нее рукой. — Что такое милостыня, как не глупое словечко?

— Дадите вы ему название или нет, мэм, но деяние останется прежним, — произнесла девушка со спокойным достоинством. — Я предпочитаю никому не быть обязанной. Я сама заработаю себе на жизнь, тем не менее, еще раз благодарю вас за предложение.

Леди Кейхилл недовольно покачала головой:

— Девицы из хороших семей сами зарабатывают себе на жизнь, как же! Что за вздор! В мое время любая девица делала то, что говорили родители, даже пикнуть не смела — а если перечила, то получала *отменную* порку!

— Но, леди Кейхилл, вы *не являетесь* моей родительницей. И я не обязана вас слушаться.

— И не будете, верно? — Леди Кейхилл задумчиво сощурилась. — Вот так, значит, ну что ж, тогда помогите мне встать, дитя. Мои кости совсем одеревенели от тряски по этим жутким ухабам, что слынут дорогами в этих краях.

Удивившись неожиданной капитуляции пожилой леди и, вместе с тем, облегченно вздохнув, Кейт метнулась вперед. Она помогла леди Кейхилл подняться и заботливо

проводила ее до двери.

— Спасибо, моя дорогая. — Леди Кейхилл вышла наружу. Указав на изрядно утоптанную тропинку, она спросила: — Куда она ведет?

— В лес, мэм, и дальше к ручью.

— Очень мило, очень по-деревенски, несомненно, если вам такое по нраву, — сказала истинно городская жительница.

— Да, мэм, мне нравится, — ответила Кейт. — Я очень люблю прогулки по лесу, особенно рано утром, когда, сверкая на солнце, на листьях и траве еще лежит роса.

Леди Кейхилл внимательно осмотрелась.

— Удивительно, — пробормотала она. — Что ж, довольно об этом. Здесь чертовски холодно, в вашем убогом маленьком домишке было отнюдь не теплее. Мы договорим в моем экипаже. По крайней мере, там я смогу поставить ноги на горячие кирпичи.

Кейт от удивления опустила руку:

— Но я думала...

Синие глаза мерцали, как бусины.

— Думаете, вы достаточно объяснились?

Кейт кивнула.

— Верно, моя дорогая. Верно. Я слышала каждое ваше слово. Нет, не спорьте, девонька. Разговор окончен тогда, когда я прямо об этом говорю, и не ранее. Следуйте за мной!

Повелительно жестикулируя, она проследовала к экипажу и позволила прислуживающему лакею помочь ей подняться в него. Укутанная мехами, она проследила, чтобы и Кейт хорошенько завернули в роскошную меховую накидку, предназначенную для путешествий, а ступни уютно устроили на горячем кирпиче. Кейт вздохнула. Казалось нелепым, сидя вот так в экипаже, обсуждать предложение, принимать которое она не собиралась, но что и говорить — в экипаже было намного теплее, чем в доме.

— Удобно?

— Да, благодарю вас, — вежливо ответила Кейт. — Леди Кей...

Пожилая леди ударила тростью по крыше кареты. Внезапно накренившись, экипаж тронулся с места.

— Что происх?...

Кейт с диким взглядом огляделась по сторонам: ее дом промелькнул в окошке и стал уменьшаться. В какой-то момент ей пришло в голову выпрыгнуть из экипажа, но, секунду подумав, она убедилась, что для этого они слишком быстро едут.

— Что вы делаете? Куда вы меня везете? Вы кто?

Старуха засмеялась:

— Я — действительно леди Кейхилл, дитя. И вам ничего не грозит, моя дорогая.

— Но что вы делаете? — вопрошала Кейт в замешательстве и гнев.

— Разве это не очевидно? — Леди Кейхилл сияла от радости. — Я вас похищаю!

— Но это же возмутительно! — задохнулась Кейт. — Как вы посмели?

Пожилая леди пожала плечами:

— Деточка, вижу, упрямством вы не уступаете вашей дорогой матушке, а я, право слово, не могу попусту тратить время, убеждая вас поехать и остаться со мной вместо того, чтобы наниматься в прислуги, или какую там чепуху вы затеяли. Я намерена к вечеру добраться до дома моего внука в Лестершире, а мы, ко всему прочему, прибудем туда далеко затемно. Так что, будьте паинькой, расслабьтесь, сидите тихо и дайте мне поспать. Путешествие само по себе довольно трудное испытание, чтобы еще терпеть придирки глупой девчонки.

Она плотнее завернулась в меха, и, словно больше не требовалось никаких объяснений и слов, закрыла глаза.

— Но мой дом... мои вещи... Марта... — начала было Кейт.

Леди Кейхилл приподняла отяжелевшее веко и недобро глянула одним глазом:

— Марта в курсе моих намерений на ваш счет. Она была рада услышать, что вы будете жить со мной до тех пор, пока не отыщется подходящий для вас муж. Лакей запрет ваш дом и передаст ключи Марте.

Кейт открыла рот, собираясь возразить, но синие глаза безжалостно закрылись. Она сидела и досадовала, что ее с такой легкостью провели, и чувствовала себя униженной оттого, что старой леди известно ее отчаянное положение. Она вздохнула. Бороться бесполезно. Придется отправиться туда, куда везут, а уж потом она придумает, как ей выкрутиться. Пожилая леди действует из добрых побуждений, не сознавая, сколь неуместна эта ее доброта.

«...до тех пор, пока не отыщется подходящий для вас муж». Нет. Ни один приличный мужчина не возьмет ее в жены. Она не нужна даже тому, который утверждал, что любит ее без памяти. Кейт уставилась на мелькавший за окном пейзаж, но видела перед собой только Гарри — Гарри, который отворачивается от нее, не в силах утаить отвращение и презрение во взгляде.

Гарри, которого она, казалось, любила всю свою жизнь. Кейт было девять, когда она встретила его впервые: высокого, надменного, шестнадцатилетнего, удивительно терпимого к маленькой девчонке-сорванцу, которая преданно следовала за ним по пятам, прислуживая ему и его лучшему другу, своему брату Джереми. И когда Кейт исполнилось семнадцать, он, перед самым отъездом на войну, сделал ей предложение в саду и прильнул к ее рту крепкими теплыми губами.

Но несколько месяцев назад она увидела совершенно другого Гарри — незнакомца, который взирал на нее холодно и сурово. Он отвернулся от нее, подобно всем прочим.

Кейт прикусила губу, пытаясь сдержать знакомую волну горечи, подступающую к горлу. Никогда, никогда она не поставит себя в такое положение снова. Чересчур мучительно любить мужчину, если его любовь может вдруг просто-напросто исчезнуть и смениться холодным презрением...

Экипаж въехал в глубокую колею, и пассажиры, покачнувшись, подпрыгнули на сиденьях и вцепились в ремни. Кейт посмотрела на попутчицу — завернутая в меха пожилая леди продолжала сидеть молча, с закрытыми глазами и с мертвенно бледным лицом под толстым слоем румян и пудры. Кейт вернулась к своим размышлениям.

Итак, она никогда не выйдет замуж. Ну и что? Очень многие женщины ни разу не были замужем, и им удавалось вести совершенно счастливую и небесполезную жизнь. Кейт станет одной из них. Ей нужен только шанс и она его добьется; в этом она непреклонна. Возможно, леди Кейхилл поможет ей начать...

***

Когда экипаж въехал на длинную подъездную дорожку, ведущую к большому мрачному дому, путь освещал лишь яркий лунный свет. И ни одного огонька в знак радушного приема.

В темном окне второго этажа маячила некая фигура, угрюмо взирая на незваных гостей. Джек Карстерз поднес к губам бокал. Настроение его было прескверным. Он прекрасно понимал, что бабушка утомится дорогой. Он не мог отослать ее прочь. И она это знала, старая карга-манипуляторша, потому послала свою горничную вперед, чтобы все было подготовлено к ее приезду, а сама нарочно явилась на ночь глядя. Джек в отместку ограничил свиту бабушки единственной горничной, отослав прочих слуг ночевать в деревенскую гостиницу. Это, по крайней мере, сократит ее визит. Бабушка любила комфорт.

Карета остановилась у невысокой лестницы. Парадная дверь отворилась, и из дома выбежали двое слуг, мужчина и женщина. И не успел кучер спуститься, как служанка откинула вниз ступеньки кареты и открыла дверцу.

— Наконец-то вы здесь, миледи. Я ужасно волновалась.

Леди Кейхилл еле держалась на ногах и выглядела совершенно обессиленной. Кейт почувствовала острый приступ вины. Пожилая леди определенно плохо переносила путешествия, но она настолько неучтиво отмахнулась от попыток Кейт устроить ее более комфортно, что большую часть дороги Кейт старалась не замечать попутчицу.

Девушка кинулась помогать, однако служанка резко ее осадил:

— Оставьте. Я сама позабочусь о миледи. Я знаю, что необходимо делать!

Тихо брюзжа, она с помощью слуги осторожно провела старую леди в дом.

Экипаж дернулся, отъезжая, и Кейт едва не упала, торопясь из него выбраться. Она сделала несколько неуверенных шагов, но голова ее, к ужасу, закружилась, и Кейт потеряла сознание.

Человек в окне невозмутимо наблюдал за ее падением и равнодушно ждал, пока она поднимется. Безусловно, это еще одна окаянная горничная его бабушки. Джек сделал очередной глоток.

Чертов дуралей, он определенно плохо обошелся со своей сестрой, отказавшись ее видеть. Разумеется, в тот раз он был ужасно пьян. Гораздо пьянее сегодняшнего. Хорошо еще, бабушка не потребовала немедля с ним увидеться. Он бы и ей отказал. Джек продолжал кисло посматривать в окно, затем встревоженно наклонился вперед. Крошечная съезжившаяся фигурка продолжала неподвижно лежать на твердом холодном гравии.

С девушкой явно что-то не так. Она ударилась? На улице жуткая холодрыга. Еще чуток полежит на мокрой земле — и одной простудой уже не отделается. Проклиная всех и вся, он отошел от окна и захромал вниз. Вокруг ни души. Он услышал голоса наверху — только его бабушке и оказывали всевозможную помощь. Джек шагнул в ночь и неуклюже согнулся над

хрупким неподвижным телом.

— Вам плохо?

Он слегка дотронулся до ледяной щеки. Девушка была без сознания. Нужно унести ее с холода. Он поднял ее, с трудом сгибая свою покалеченную ногу, и прижал к груди. По крайней мере, руки его не потеряли силы.

Бог ты мой! Девушка весила меньше птички. Он стал прижимать ее гораздо бережнее. Кожа да кости!

Джек отнес девушку в гостиную и заботливо уложил на диван. Затем зажег свечи в подсвечнике и поднес поближе к ее лицу. Она была бледна и, по-видимому, уже не дышала. Ее окутывал слабый, неуловимый аромат, чистый и свежий. Джек приложил палец к приоткрытым губам незнакомки и стал ждать. Напряжение спало с его лица, когда он ощутил легкий трепет теплого дыхания. Руки Джека нерешительно зависли над ней. Что, черт возьми, делать с упавшими в обморок женщинами? Он опустил руки. Десять к одному, что если она очнется и увидит, как он ослабляет ей корсет, то разразится сумасшедшим визгом!

Джек подошел к двери.

— Карлос!

Никакого ответа. Черт возьми! Он налил в бокал бренди и, подсунув руку под спину и голову девушки, влил щедрую порцию ей в рот. Ожив в мгновение ока, она закашлялась и замолотила по нему руками.

— Тихо, тихо, — произнес рассерженный Джек.

— Что?... — забулькала Кейт, когда он насильно влил в нее еще один глоток пламенной золотистой жидкости.

Она задохнулась, когда ей обожгло все горло, и негодуя глянула на мужчину.

— Это всего лишь бренди.

— Бренди!

Кейт пыталась восстановить дыхание.

— Надо было как-то привести вас в чувство.

— Привести меня в чувство?

Кейт оглядела незнакомую комнату. Она уставилась на затененное лицо мужчины, рука которого обнимала ее. Сердце ее учащенно заколотилось. Кейт охватила дикая паника, и она попыталась вывернуться и отбиться от него. Но крепкие руки сдержали ее порыв нежно, но непреклонно.

— Вы упали в обморок на улице. — Некоторое время он ее удерживал, пока она немного не успокоилась, затем отступил назад. — Имейте ввиду, знай я, что вы такая дикая кошечка, дважды бы подумал, прежде чем забирать вас с холодной, мокрой дороги и тратить на вас мой лучший бренди.

Кейт рассеянно смотрела на него. Обморок? Забрал с дороги? Лучший бренди? Она по-прежнему чувствовала себя несколько необычно.

— Я... мне жаль... В последние дни мои нервы немного не в порядке... и потому я слишком остро на все реагирую.

«Особенно, если я прихожу в себя в странной компании, не зная, что со мной произошло». У нее раскалывалась голова. Прележала ли она в обмороке всего пару минут, как он сказал, или в ее памяти обнаружится провал в несколько дней или недель, как было однажды? Ее рука поднялась, чтобы коснуться еле заметного выпуклого шрама у основания

черепа, затем упала на колени. Кейт мельком оглядела себя и с облегчением вздохнула. Она помнила, как одевала утром эту одежду... леди Кейхилл... долгую поездку в экипаже. Все в порядке. На прошлый случай не похоже...

Но кто этот человек, нависший над ней? Она видела сердитый насупленный взгляд, длинный орлиный нос, сильный подбородок и синие-пресиние глаза, мерцающие в свете свечей. Она заворуженно моргнула.

Джек сменил положение, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом, и резко отодвинулся от подсвечника, его лицо снова скрылось в тени.

— Я... я действительно прошу у вас прощения, — произнесла Кейт. — Я не... я растерялась. — Она попыталась собраться. — Это всего лишь...

— Вы больны? — голос у него был очень глубоким.

— Нет, не думаю. Это всего лишь... это, должно быть, потому, что я не ела несколько дней... несколько часов.

Джек нахмурился. Обмолвка не ускользнула от него.

Кейт попыталась сесть. На нее нахлынула новая волна головокружения. Джек схватил ее за руку и решительно, но осторожно подтолкнул назад на подушки.

— Не пытайтесь двигаться, — приказал он. — Оставайтесь здесь. Я вернусь через минуту.

И вышел из комнаты.

Кейт сидела на диване, одной рукой держась за голову. Она чувствовала слабость и дрожь. Бренди на пустой желудок. Она печально покачала головой, потом со стоном стиснула ее. И закрыла глаза, чтобы комната перестала вращаться.

— Вот, это поможет почувствовать себя лучше, — резкий глубокий голос вывел ее из оцепенения.

Она открыла глаза и увидела тарелку, а на ней — неумело отрезанный кусок хлеба и холодное мясо. Замечательное зрелище. Она быстро посмотрела на мужчину, что высился над ней, и улыбнулась.

— О, большое спасибо. Очень любезно с вашей стороны, — сказала Кейт и, покраснев, добавила: — Боюсь, от бренди у меня сильно кружится голова.

Она осторожно приступила к еде, вынуждая себя есть крошечными кусочками, жуя медленно и изящно.

Джек наблюдал за ней, по-прежнему находясь под впечатлением от ее ослепительной улыбки. Он понимал, что равнодушные девушки к еде — напускное, на самом деле, она ужасно голодна. Впрочем, кто он такой, чтобы придирается к гордости? Но она определенно загадочная особа, с этой ее гордостью и жалкой одежкой.

— Вот дьявол, кто же вы?

Внезапный вопрос вырвал Кейт из состояния восторга, в котором она пребывала, впервые за несколько дней наслаждаясь едой.

— Я — Кейт Фарли, — она вернулась к тарелке с мясом.

— И кем же является Кейт Фарли, когда она дома?

Кейт обдумывала ответ, пока жевала. Кто же теперь Кейт Фарли? Она больше не дочь преподобного мистера Фарли и не сестра Бенджамина и Джереми Фарли. И уж точно, она больше не невеста Гарри Ланздауна. И у нее нет дома.

— Полагаю, совсем никто, — попыталась как можно легкомысленнее ответить Кейт, но ничегошеньки у нее не вышло.

— Бросьте свои игры, — взгляд мужчины снова стал угрюмым. — Кто вы и что здесь делаете? Я знаю, что вы приехали с моей бабушкой.

Его бабушкой? Так значит, это и есть хозяин дома, мистер Джек Карстерз. Еда сотворила чудеса с ее настроением. Она почувствовала себя намного лучше. Кейт почти улыбалась в ответ на его обиженный тон. Он, по всей видимости, считал ее нежеланной гостьей. Что ж, приехала она без спросу.

— О, не стоит меня в этом обвинять. — Она изящно слизала последнюю крошку с губ. — В конце концов, не я выбирала, куда мне ехать.

— Почему? Что, черт возьми, вы под этим подразумеваете? — Он нахмурился, наблюдая за движением розового язычка. — Кем вы приходитесь моей бабушке? Каково ваше положение?

Каково ее положение? Жертва похищения? Объект благотворительности? Дочь фиктивной крестницы? Ни одно из определений не порадует безумно любящего внука. Более того, будет крайне неблагодарно огорчать человека, накормившего ее восхитительной едой, называя его родственницу похитительницей. Хотя соблазн очень велик.

— Я не совсем уверена, что могу ответить на этот вопрос. Вы должны сами спросить у леди Кейхилл. — Кейт поднялась с дивана. — Большое спасибо за ваше гостеприимство, сэр. Еда была великолепной, а я ужасно проголодалась за время поездки.

Она сделала пару шагов к двери и остановилась в нерешительности, запоздало понимая, что не знает, куда идти.

— Будьте любезны, скажите, где я могу переночевать?

— Какого дьявола я должен знать? — рявкнул хозяин дома. — Мне даже неизвестно, кто вы, так почему меня должно заботить, где вы будете спать?

«Грубость, очевидно, их фамильная черта», — решила Кейт. А не все ли равно? Сытая, она была готова примириться с целым миром. Она и без помощи хозяина найдет себе постель — надо уж совсем туго соображать, чтобы не отыскать кровать в одном, не таком уж огромном английском загородном доме, когда в любом уголке Испании и Португалии ей всегда удавалось найти место для постоя.

— Прекрасно, сэр, тогда я желаю вам спокойной ночи. Еще раз благодарю за радуш... — она запнулась, затем язвительно поправилась: — ...за еду.

И Кейт решительным шагом начала подниматься по ступеням. На полпути ее колени подогнулись.

— Черт возьми!

Джек неуклюже подскочил к лестнице и поймал Кейт себе на грудь: она вот уже второй раз за вечер упала в обморок. Он отнес ее в ближайшую спальню и осторожно положил на кровать. Потом долго стоял и смотрел на нее. Вот дьяволыщина, кто же она?

В мягком свете свечи он внимательно разглядывал лежащую без сознания девушку. Она была худой, очень худой. Прозрачная, тонкая кожа сильно обтягивала скулы, ниже виднелись впалые щеки. Его взгляд задержался на гладком плече, которое по-детски съежилось от ночного холода, так как с него соскользнул ворот потрепанного, чересчур свободного платья. Не случись ему смотреть в окно, когда она упала в обморок, — лежать ей до сих пор без сознания на дороге. А ночью на улице леденящий холод. Она, как пить дать, не выжила бы.

Сегодня вечером ответов ему не получить. Лучше всего уложить девушку в кровать и удалиться. Он наклонился и снял с нее ботинки, после чего остановился в нерешительности.

Он был уверен, что надо ослабить корсет, но насколько это совместимо с благопристойностью? Его рот скривился. Благопристойность! Находиться в спальне девушки — уже довольно непристойно. Он пожал плечами и склонился над лежащей навзничь фигуркой, осторожно ища на талии шнурки корсета. Боже, да девчонка тонка сама по себе! Он с облегчением убедился, что корсета она не носит, поскольку в том не было нужды, вероятно, его не сыскать и в ее гардеробе.

Он тщательно укрыл ее теплыми одеялами. Девушка беспокойно задвигалась и выкинула руку наружу. Он снова нагнулся, чтобы укрыть ее, и пока поправлял одеяло, она открыла глаза, удивленно заморгала, потом сонно улыбнулась и ласково провела по его лицу прохладной и нежной рукой.

— Спокойной ночи, Джемми, — ее веки затрепетали, смыкаясь.

Джек замер, у него перехватило дыхание. Он медленно выпрямился. Рука его поднялась к правой щеке, к месту, которого она коснулась. Как тысячу раз прежде, он провел пальцами по уродливому шраму.

С искаженным гримасой лицом он покинул комнату.

***

На рассвете Кейт разбудил топот несущейся галопом лошади. Собираясь с мыслями, девушка обвела взглядом незнакомую комнату. Это была большая спальня. Ее некогда богатое убранство поблекло, запылилось и обветшало.

Кейт села, удивляясь тому, что за исключением ботинок полностью одета. Как она сюда попала? В памяти всплывали кое-какие обрывки прошлого вечера, однако часть из них казалась бессмыслицей. Знакомое, пугающее чувство.

Кейт могла поклясться, что вчера ночью видела своего брата Джемми. Она смутно помнила несчастное, обезображенное лицо, сосредоточенно глядевшее на нее. Но ведь этого не могло быть, поскольку Джемми, холодный, лежит глубоко в земле Испании. Его нет в доме внука леди Кейхилл. Она встала с кровати и подошла к окну, дрожа от утреннего холода.

Взору открывался красивый морозный пейзаж. Укрытая инеем земля сверкала на солнце позолоченным серебром. Никакого движения, лишь парочка стойких птичек щебетала в бледном утреннем свете. Прямо под окном стелилась дикая трава — серебристый инеевый ковер нарушил след лошадиных копыт.

Глаза Кейт пробежали по нему и округлились, наткнувшись на оседланную лошадь, которая скакала совершенно свободно, без всадника, с болтающимися на шее поводьями. Казалось, она направляется к небольшому дубовому лесу. Видимо, вырвалась на волю. Ее можно было понять. Кейт и сама бы с радостью выбралась на этот прозрачный, свежий воздух и поскакала бы в рассветном холоде к лесу, свободная и непокорная. Как же она скучала по своей небольшой испанской кобылке и утренним верховым прогулкам, по неудержимому восторгу, который ощущаешь, когда тебя обтекает ветер, а ты словно летишь. Только на рассвете она могла скакать так быстро и свободно, как ей нравилось. Ее отец никогда не был ранней пташкой.

Повернувшись, Кейт мельком увидела себя в висевшем на одной из стен зеркале. И нервно хихикнула. Выглядела она так, словно ее вывалили в стогу сена. Непослушные каштановые кудри разметались во все стороны. *«Настоящий цыганский постреленок»* — сколько раз ее так называли? Кейт быстро вытащила из волос оставшиеся шпильки и воткнула их снова, придав прическе привычный незамысловатый стиль. Она пригладила платье, морща лицо от усердия, после чего осмотрелась, но кувшина с водой для умывания не нашла.

Стараясь никого не разбудить, она тихонько вышла из комнаты и отправилась вниз на поиски кухни. Вокруг не было ни души. В доме подобных размеров в этот час должна сновать уйма занятых делом слуг, которые готовятся к пробуждению хозяина.

Но чем больше Кейт видела, тем больше удивлялась. В какой такой дом притащила ее леди Кейхилл? Под ногами скрипел песок. Вдоль плинтусов и под мебелью витали клубы пыли. Ею толстым слоем была укрыта и сама мебель, уже вышедшая из моды. Первые лучики утреннего света едва пробивались сквозь грязные-прегрязные, незанавешенные на ночь окна, по бокам которых свисали линялые портьеры. Ее кидало в дрожь при виде многочисленной паутины, украшавшей все углы — она терпеть не могла пауков. Все говорило о запущенности и заброшенности, хотя дом, по всей видимости, был обитаем.

Этот потрепанный, грязный, неряшливый дом нисколько не сочетался с впечатлением, которое производила своими манерами, одеждой и слугами леди Кейхилл. Это дом ее внука. Разве мистер Карстерз не заслуживал такой же изысканной жизни, которую его бабушка столь явно принимала за данность? Кейт пожала плечами. Рано или поздно на эту загадку найдется и отгадка, а тем временем ей нужна горячая вода и что-то на завтрак.

Наконец Кейт обнаружила кухню. Она с отвращением осмотрелась. Место походило на свинарник. Пол не чистили неделями, в очаге не горел огонь, а остывший пепел смешался с осколками на полу. Остатки прошлых трапез должным образом не убирались, а в буфетной свалены груды грязной посуды.

Должно быть, она посетила самый странный дом, принадлежавший джентльмену, — такой сомнительной чести она еще не удостоивалась. Но обильный завтрак, который она намеревалась съесть, можно было заработать только одним способом. Кейт закатала рукава и принялась за работу. Что за ирония, думала она, очищая решетку от пепла и разжигая огонь в очаге, — именно благодаря детским проказам она приобрела единственный истинно женский навык.

Преподобный Фарли находил время поговорить с дочкой-сорванцом только тогда, когда та плохо себя вела. Проступки же Кейт были многочисленны и разнообразны: лазанье по деревьям, поездки верхом без седла, попадание крикетными шарами в окна, возвращение домой с ног до головы в грязи, с ободранными коленками и спутанными волосами и со связкой незаконно пойманной рыбы. Скоро отец узнал, что недостаточно всего лишь запретить дикую, сбившуюся с истинного пути дочь в спальне — она легко выпрыгивала из окна. Он понял, лучше всего вверять ее заботам экономки, всегда находившей ей дело — уборку или готовку.

Юная Кейт презирала работу, но годы спустя начала ощущать благодарность за знание, которое, как правило, считалось ненужным и неподходящим для девочки ее положения. Оно оказалось бесценным. Большинство девушек ее круга благородно отвернули бы носы от задачи, которая только что перед ней возникла, но полученный на войне на Пиренейском полуострове [\[7\]](#)опыт приучил Кейт не бояться ни грязи, ни нищеты.

Эта кухня не шла ни в какое сравнение с отвратительными лачугами, где ей с отцом и братьями иногда приходилось квартировать во время кампаний Веллингтона [\[8\]](#). Именно тогда несносная дочь священника обнаружила, что способна везде, где бы они ни остановились, обеспечить своей семье чистоту и уют. И вся сияла, зная, что в ней, Кейт, действительно нуждались, в кои-то веки.

Понятно, что и тут без ее навыков не обойтись.

***

Спустя почти полтора часа Кейт осматривала комнату с некоторой долей удовлетворения. Теперь кухня выглядела чистой, хотя пол не мешало бы еще хорошенько отдраить. Она вымыла, высушила и убрала все тарелки, бокалы, горшки и кастрюли. Чтобы вычистить стол и скамьи, понадобились песок, мыло и вода. А, собрав всю свою храбрость в кулак, она даже бросила вызов самым ужасным паутинам и убила метлой двух пауков. Теперь в очаге весело пылал огонь, а над огромным железным чайником тихо клубился пар. В буфетной Кейт вылила горячую воду в лохань и быстро обмылась.

Наскоро осмотрев полки с провизией, она насобираала с дюжину яиц. Кейт проверила их на свежесть, опуская в большую миску с водой и наблюдая, утонут они или нет. Одно всплыло, и она его выбросила. В чулане для продуктов она нашла висевший сырокопченый бекон. И — о, радость! — мешочек кофейных зерен. Кейт прижала его к груди. Месяцы прошли с тех пор, как она последний раз пила кофе.

Кейт прожарила зерна на огне и потолкла их в ступке, с наслаждением вдыхая аромат. Потом залила их водой и поставила вариться. Растопив на сковороде немного жира, она вбила туда яйца и добавила два толстых ломтя бекона.

Кейт решила, что пол все-таки надо почистить, и займется она им после завтрака. Она отправилась в буфетную за большим бидоном для нагрева воды, но самый огромный, который ей удалось отыскать, был зажат под полкой. Кейт и тянула его, и дергала, и кляла про себя, как вдруг учуяла божественный аромат бекона, яиц и кофе. О, нет! Ее завтрак сгорит! Она влетела на кухню и остановилась как вкопанная.

За столом сидел внук леди Кейхилл, его спина и широкие плечи были вполоборота повернуты к ней. Он поглощал ее завтрак с очевидным удовольствием.

— Да что вы такое вытворяете, а? — задохнулась от ярости Кейт.

Есть он не прекратил.

— Мне еще пару яиц и четыре ломтика бекона. И этого отменного кофе, если будешь настолько любезна.

Он поднял пустую чашку, даже не потрудившись обернуться.

Кейт взирала на него с растущим негодованием.

— Еще кофе, эй, разве не слышишь?

Он нетерпеливо прищелкнул пальцами, но так и не посмотрел на нее.

Очевидно, высокомерие — очередная семейная черта!

— Его хватит только на одну чашку, — произнесла Кейт.

— Больше и не надо. — Он закончил расправляться с беконом.

— О, неужели? — съехидничала Кейт, строя гримасы за его непроницаемой спиной.

Она целое утро слюнки глотает, предвкушая яичницу с беконом и кофе, а он заявляется и все сжирает без спросу!

— Кофе хватит только на меня, — отрезала она. — Вам придется подождать. Я сварю новый за пару минут.

Он развернулся к ней лицом:

— Что, черт возьми, значит — хватит только на тебя?

Джек был оскорблен. На его памяти не было случая, чтобы кухонная прислуга вообще открывала рот, а уж чтобы так откровенно дерзила в ответ... Но кто же еще мог готовить и убирать в столь ранний час?

Девушка смотрела на него вызывающе: руки в боки, щеки горят, мягкие розовые губки сжаты в упрямую линию. Одна рука собственнически потянулась за кофейником, а маленький подбородок драчливо вздернулся. Сейчас она совсем не походила на ту бледную изнуренную особу, которую он видел при свечах прошлой ночью.

Несмотря на раздражение, рот Джека весело подрагивал — по ее щеке к виску тянулся широкий мазок сажи. Она взирала на него словно маленькая неряшливая герцогиня. Оказалось, глаза у нее не серые, а как бы зеленовато-серые, весьма необычные. Взглянув в которые, он на мгновение лишился дыхания, а потом осознал, что и его лицо изучают не менее пристально. Он весь напрягся и наполовину отвернулся от девушки, обращая изуродованную часть лица к стене, бессознательно готовясь к ее реакции.

Она вылила остатки кофе в свою чашку и стала потягивать его с явным наслаждением.

Джек изумился. Он не привык, чтобы его игнорировали, — тем более неряшливая маленькая служанка с грязным лицом. Причем в его собственной кухне! Он открыл было рот, чтобы устроить ей оглушительный разнос, но она снова посмотрела ему прямо в глаза, и его что-то остановило.

— Думаю, я его заработала, не так ли?

Она показала на сверкающую кухню.

Он опять нахмурился. А что еще делать кухонной прислуге, как не мыть и не драить кухни? Девчонка ожидает благодарности? Понимает ли она, к кому обращается? Он снова открыл рот, чтобы просветить ее, и замялся в нерешительности — что-то новенькое для майора Карстерза из Колдстримской гвардии ^[9], пусть и бывшего майора.

Какого дьявола ему представляться кухонной девице? Слуги знали, кто есть кто, и должным образом вели себя. А этой девице, похоже, правила не ведомы. Но, так или иначе, негоже рычать на эту дерзкую маленькую оборванку, которую всего лишь несколько часов назад держал на руках и чувствовал, насколько она слаба. Несмотря на все ее нахальство.

Он откашлялся:

— Вам известно, кто я?

— Внук леди Кейхилл, мистер Карстерз, полагаю?

Он что-то пробурчал.

Почему он об этом спросил? Кейт серьезно смотрела на высокого мрачного мужчину, откинувшегося на стуле. Почему-то он не выглядел неуместным на кухне, вальяжно устроившись за большим вычищенным столом, скрестив перед собой длинные ноги в ботинках. Она находила, что он очень красив. Наверно, он думал, что неподобающе есть здесь с нею, когда они должным образом не представлены?

— Может, предпочитаете, чтобы я принесла вам завтрак в другую комнату? Комнату

для завтраков, например?

Он стал еще угрюмее.

— Я съем его тут.

Длинные смуглые пальцы начали выстукивать нетерпеливую дробь на деревянном столе.

— Пожалуйста, попытайтесь набраться терпения. Я допью кофе, а затем приготовлю для нас вдоволь яичницы с беконом.

Джек устался на нее, прикидывая, уволить ли ее немедленно или подождать, пока она доготовит завтрак. Яйца были пожарены так, как ему нравилось, бекон — хрустящее совершенство, а лучшего кофе он не пил уже несколько месяцев. Но он не какой-то жалкий школяр, как она, похоже, себе вообразила — он хозяин дома!

Губы Джека дернулись, сопротивляясь неожиданному веселью. Он с сожалением осознал, что кулинарные способности служанки серьезно подорвали его власть и решимость. Солдат его отряда изумило бы такое попустительское отношение к этой маленькой нахалке, но они не пили ее кофе и не смотрели в эти выразительные серо-зеленые глаза. Да к тому же они не несли ее по лестнице и не чувствовали, насколько она хрупкая, не знали, что она голодала. Он не может ее уволить — это все равно, что спасти полуутопленного котенка, а затем дать ему пинка.

Девушка села напротив него за кухонный стол. Джек снова напрягся, когда она пристально уставилась ему в лицо.

— Значит, — произнесла она, — это вы были вчера вечером в моей спальне.

Его рот резко сжался, а лицо потемнело от горького цинизма. В чем она собирается его обвинить?

— Когда я проснулась сегодня утром, не могла вспомнить, как добралась до кровати. Я подумала, что видела Джемми, но теперь, когда я вас увидела, все прояснилось.

Кейт не заметила его напряжения и окаменевшего взгляда.

— Джемми тоже был ранен штыком, и в то же самое место, но его рана оказалась ужасно заражена. Ваша же великолепно зажила, правда?

Она встала, с наслаждением потянулась и улыбнулась:

— Разве кофе не замечателен? Я чувствую себя так, словно заново родилась, а потому прощаю ваше бесстыдное воровство моего завтрака и приготовлю еще немного для нас обоих.

Он устался на нее в ошеломленном молчании. Да кто же она такая, дьявол раздери, эта дерзкая, пообтрепавшаяся, удивительно хладнокровная девица с огромными прекрасными глазами? И как она могла узнать штыковую рану и, более того, спокойно смотреть на его обезображенную щеку, когда каждая, каждая женщина, стоило ей взглянуть на нее, дрожала от ужаса, или принималась плакать, или же просто избегала смотреть на него? Да, симпатичной его щеку не назовешь — зеркало тому свидетель.

Наблюдая, как худенькое тело уверенно и со знанием дела снует по кухне, Джек размышлял, кто он такой, черт его побери, этот Джемми, которого она все время упоминает? Джемми со шрамами, который, очевидно, был вполне уместен в ее спальне!

Они как раз прикончили яичницу с беконом и кофе, когда открылась наружная дверь, и вошел черноволосый коренастый мужчина. Он окинул взглядом фигурку Кейт, и его смуглое лицо осветила ослепительно белая улыбка:

— *Senorita.*

Кейт слегка улыбнулась и приветственно склонила голову. Мужчина втянул носом воздух и издал длинный проникновенный вздох:

— Ах, кофе.

Кейт хихикнула:

— Хотите чашечку, сэр?

— *Senorita* очень любезна, — белая улыбка расплылась на загорелом лице, и он снова поклонился.

У Кейт показались ямочки на щеках:

— Тогда прошу садиться, сэр, я принесу вам чашку, — и она отправилась за кофейником.

Мужчины заговорили на испанском. Кейт слегка насторожилась. За три года, проведенных в Испании и Португалии, она научилась довольно бегло изъясняться на обоих языках. Она понимала каждое слово, произносимое мужчинами. И была не в восторге.

— Итак, майор Джек, кто же это такая — маленькая коричневая мышка с симпатичными глазками, перепачканным личиком и в ужасной одежде?

Кейт всмотрелась в свое отражение в ложке и протерла лицо чистым кухонным полотенцем.

— Проклятье, Карлос, если бы я знал. Какая-то служанка моей бабушки, — произнес он безразличным, скучающим тоном.

По полу проскрипел стул, и в ее направлении послышались шаги. Кейт склонилась над горшками, а затем нервно подскочила, когда теплая рука слегка тронула ее за плечо. Она быстро повернулась и увидела, как с высоты на нее взирает пара темно-синих с веселыми искорками глаз. Он находит забавным пугать ее? Или заметил чистое лицо? Она покраснела.

— Будьте добры... — Он подвинул ее, наклонился, взял горящий прут из очага, зажег сигару и возвратился к столу, тяжело хромая.

— Нервная, не так ли, эта маленькая мышка? — спросил Карлос на испанском.

Кейт прямо-таки чувствовала пожатие широких плеч.

— И худая.

— Вероятно, много недель плохо ела, — согласился глубокий голос. — Не знаю, что нужно моей бабушке от этой маленькой бродяжки.

Кейт вспыхнула от унижения. Неужели все так очевидно?

Карлос продолжал:

— И все же миловидная. Прекрасные глазки. Хотя немного мяса ее костям не помешает. Люблю, когда в женщине чувствуется женщина.

— Ты слишком много думаешь о женщинах, — проворчал Джек Карстерз.

— Ах, майор Джек, вам ли говорить, с вашим-то прекрасным лицом и грешными синими глазами, по которым вздыхают все леди.

Рука Джека бессознательно нашла изуродованную щеку.

— Ах, майор Джек, небольшая царапина ни за что не убережет вас от внимания дам. Она только...

— Карлос, заткнись, — отрывисто рявкнул Джек.

Возникла короткая пауза. Кейт подкинула в огонь дров, ее лицо покрылось румянцем.

— Да, — продолжал Карлос, — эта маленькая птичка нынче плоская, что доска, но на вашей доброй английской говядине изгибы ее фигуры округлятся — о, да, они станут более аппетитными.

Его тихий смех захлестнул отвердевшее тело Кейт. Как они смеют обсуждать ее подобным образом? Она не наивная девчонка, нет, однако им об этом не известно.

Путешествуя с армией, нельзя остаться в полном, столь необходимом для незамужней английской леди, неведении насчет мужчин. Однако она почти все время находилась под защитой отца и братьев, и даже больше — защитой солдат, которые их знали. Кейт свободно передвигалась в расположении войск, ухаживая за ранеными, помогая писать письма их любимым, раздавая суп и веселые приветствия, зная о том, что никто из них не нанесет ей того оскорбления, какое теперь она вынуждена сносить в доме так называемого английского джентльмена! Пусть и на чужом языке.

Разумеется, учитывая то, как она покинула Пиренейский полуостров, Кейт уже должна была привыкнуть к такого рода оскорблениям, — но ведь эти мужчины ничего об этом не знали. Но она не привыкла к оскорблениям и привыкать не собиралась!

Голос Карлоса снова пробился в ее сознание:

— И когда эти округлости действительно появятся, майор Джек, я буду первым, кто станет им поклоняться. Я, Карлос Мигель Ривьера.

— Довольно! — голос Джека стал неожиданно резок. — Ничего подобного делать ты не будешь.

— Ах, майор Джек... — его улыбка расцвела пониманием, — ...вы оставляете эту маленькую мышку себе, не так ли?

— Вовсе нет, — в бешенстве выкрикнул Джек. — Я не завожу шашни с костлявыми кухонными служанками. Но и ты не будешь распускать перед ней свой хвост. Она... она — служанка моей бабушки... и ты не должен за ней ухлестывать, понятно?

Всем в Колдстримской гвардии был знаком этот особенный тон, и никто не осмеливался огрызнуться в ответ или не повиноваться. Карлос поднял руки в примирительном жесте.

— Нет, нет, разумеется, нет, майор Джек. Я ни за что не стану приставать к девчонке, никогда, обещаю, — его голос звучал успокаивающе и дружелюбно, однако же, злой гений побудил его добавить: — Она вся ваша, майор Джек, целиком ваша.

Джек выпрямился на стуле и впился взглядом в Карлоса, но его отвлек грохот с другого конца кухни. Оба повернулись, чтобы посмотреть на Кейт.

Маленькая фигурка яростно застыла, серо-зеленые глаза неистово сверкали.

— Ваш кофе, *джентльмены*, — Кейт с сарказмом подчеркнула последнее слово, а потом, к чрезвычайному изумлению обоих мужчин, подняла кофейник и швырнула его прямоком в них.

Отточенная годами сражений реакция заставила обоих мужчин тотчас низко пригнуться, но это не спасло от горячего кофе, который брызнул на них сзади, когда глиняная посуда разбилась о стену. Извергнув проклятия на невероятной смеси испанского, португальского и английского языков, они повернулись, чтобы увидеть источник своего гнева. Но никого не обнаружили. Кейт не стала дожидаться последствий своего поступка, а пулей вылетела из кухни, пока мужчины еще сидели согнувшись.

— Проклятье на голову этой чертовки! — прорычал Джек. — Что за дьявол в нее вселился? Я весь в этом окаянном напитке. — Он стащил рубашку, пропитанную пятнами кофе, и вытер ею мокрые лицо и грудь.

Карлос, занятый тем же, взглянул на Джека:

— А вам не кажется, майор Джек, что она могла понять, о чем мы тут болтали?

Джек уставился на него:

— Английская кухонная служанка, здесь, в сердце Лестершира, и понимает испанский язык? — произнес он недоверчиво. — Невероятно! Хотя сажу с лица она таки стерла.

Он рассеянно протер рубашкой руки и грудь, затем покачал головой:

— Нет. Нелепо. Она англичанка.

Он встал и небрежно смахнул все той же рубашкой остатки кофе со своих непокорных темных волос.

— Если только в ней не течет испанская кровь. — Он вспомнил ее чистую белую кожу, серо-зеленые глаза и вьющиеся каштановые волосы, после чего снова покачал головой: — Нет, по ее чертам этого не скажешь.

Карлос пожал плечами:

— Тогда, почему? — его рука красноречиво указывала на разбитый кофейник.

— Откуда мне знать, черт побери? — проворчал Джек. — Может, ей место в Бедламе [\[10\]](#), кто ж знает. Проклятье, на сей раз ей это с рук не сойдет!

— На сей раз? — поймал его Карлос, на его широком лице появилась усмешка. — Выходит, майор Джек, эта маленькая мышка давала вам отпор и прежде?

Пара ледящих синих глаз заставила его замолчать.

— Немедленно убери весь этот беспорядок, — рявкнул жесткий голос, столь знакомый служакам Колдстрима.

— *Si, si*. Будет исполнено, майор Джек, сию же секунду.

Карлос тут же приступил к исполнению приказа, а Джек с хмурым, как грозовая туча, лицом зашагал прочь из комнаты.

— Ого, маленькая мышка, что и говорить, ты пробудила в нем льва, — пробормотал Карлос. — Надеюсь, ты нашла надежное убежище, поскольку майора Джека, когда в него вселяется сам дьявол, стоит сильно опасаться.

Джек вошел в прихожую и быстро осмотрелся вокруг. Никаких признаков злосчастной девицы. Его руки сжались в кулаки. Он задаст этой дерзкой девчонке отменную трепку прежде, чем пошлет ко всем чертям упаковывать вещи! Холодный утренний воздух вызвал легкую дрожь, пробежав по его обнаженной коже, и, бормоча проклятия, Джек быстро двинулся вверх по лестнице к ее комнате, сильно хромя на негнущуюся ногу. Стоило ему подняться на следующий этаж и повернуть за угол, как он тут же врезался в Кейт,

мчавшуюся вдоль коридора. Они столкнулись с такой силой, что Джек был вынужден ухватиться за нее, чтобы не упасть самому.

Кейт тоже инстинктивно вцепилась в него и оказалась прижатой к широкому, сильному, совершенно голому мужскому торсу. Его грудь слегка поросла темными волосами, плечи обладали завидной мускулатурой. Его кожа была теплой и гладкой, а его запах, запах сильного мужчины, окружавший ее, заполнял все сознание.

— Ох! — судорожно вздохнула она и попыталась вырваться.

— Не так быстро, девочка моя! — проскрежетал он. — Как ты посмела кинуть в нас кофейник? Ты могла нас серьезно ранить.

— Ерунда, — усмехнулась она, сражаясь с его хваткой, — я не один год играла в крикет — у меня превосходный бросок, и целилась я мимо.

— Крикет? Чушь! Девчонки не играют в крикет. И тебе, юная особа, не мешает преподать урок хорошего поведения!

— Отпустите меня, — фыркнула Кейт, вырываясь из его рук. — Как вы смеете?

Она извивалась и корчилась, но он легко удерживал ее. Она поняла, что бороться с ним бесполезно: грубое животное, он был слишком силен. Джек посмеивался, низкие рокошующие звуки рождались где-то глубоко внутри него.

— Продолжай извиваться у моего тела в том же духе, маленькая злючка, и я, возможно, даже начну получать удовольствие, — прошептал он ей в ухо.

Кейт замерла. Вот негодяй, он стремится вогнать ее в краску! Придется ей использовать другую тактику.

— Ох-х, ох-х, вы сделали мне больно... ох-х... — она мелодраматично вздохнула и внезапно резко осела в его руках.

— Черт побери! — проворчал Джек.

Кейт почувствовала, как крепкий захват его рук немедленно ослаб.

— Тысяча чертей, — проворчал он снова.

Девчонка такая маленькая и хилая. А он довел ее до обморока. На Джека нахлынула волна раскаяния, он почувствовал себя настоящей скотиной, дикарем. Он же знал, что она долго голодала. Незачем было до смерти пугать ее, даже если она и швырнула кофейник с горячим напитком ему в голову. Тут Джек подумал, что надо бы отнести Кейт в ее комнату. Его руки сместились, он попробовал подхватить ее поудобнее.

Внезапно Кейт зашевелилась. В мгновение ока она вывернулась из его рук и залепила ему звонкую пощечину.

— Мозги против грубой силы! Всегда! — вспыхнула она и пустилась наутек по коридору.

Добежав до своей комнаты, Кейт обернулась:

— И девчонки все же играют в крикет!

Она хлопнула дверь и, закрыв ее на ключ, прислонилась к ней, тяжело дыша и смеясь в странно приподнятом настроении.

Джек расстроено смотрел ей вслед, проклиная одновременно и на английском, и на испанском. Потом развернулся и быстро, как только мог, захромал к комнате своей бабушки, лицо его было мрачнее тучи.

— Бабушка! — вскричал он, ворвавшись к той в комнату. — Кто, черт побери, эта... эта маленькая ведьма?

Синие глаза-бусинки внимательно изучали лицо внука. Он был крайне раздражен — из

глаз едва искры не сыпались. «Великолепно!» — подумала леди Кейхилл. Никаких признаков вялости и упадка духа, о чем говорила Амелия. Что-то, или точнее, кто-то, судя по его словам, хорошенько его встряхнул. И любящая бабушка решила продолжить начатое.

Она впилась в него взглядом:

— Что *вы*, черт возьми, себе позволяете, сэр, врываясь в мой будуар в это время суток, богохульствуя, бранясь и повышая голос? — от недовольства ее синие глаза превратились в две льдинки. — В *мое* время ни один джентльмен и не мечтал войти к леди в столь неприличном одеянии, или стоит сказать — без оно́го? Прочь, мальчишка, и не возвращайся, пока не оденешься должным образом! Я потрясена и шокирована, Джек, потрясена и шокирована!

Она отвернулась от его голой груди с видом оскорбленной добродетели.

Джек открыл было рот, но затем резко закрыл его. Проклятье, он даже не успел высказаться. Она же его бабушка, черт возьми. Он сердито глянул на нее, совершенно точно разгадав ее игру. О, она — самая возмутительная пожилая леди из всех, кого он знал. Он готов поставить последнюю гинею, что она не более потрясена видом мужчины без рубашки, чем он сам. Что же до его ругани... так старая лицемерка сама пересыпает ею почти каждую фразу и после этого делает вид, будто краснеет из-за его словечек! Будь он проклят, если останется и позволит этой леди отчитывать его на потеху себе и горничной! Джек иронически откланялся и вышел из комнаты.

Как только он хлопнул дверью, леди Кейхилл откинулась на подушки, совершенно неженственно скаля зубы.

— О, это ужасно, миледи, — в замешательстве произнесла женщина, одетая во все серое.

— Ох, Смизерз, не дури. Тебе же не впервой видеть мужчину без рубашки? — Леди Кейхилл мельком глянула на чопорную камеристку. — Ладно, может, и впервой. В таком случае это расширит твои познания.

— Миледи! — негодуяще воскликнула Смизерз.

— Ох, неси мне одежду, — приказала старая леди. — Я встаю.

— Но еще нет и одиннадцати! — задохнулась Смизерз.

Леди Кейхилл весьма позабавило потрясенное лицо камеристки.

— Тогда, пожалуй, нет, — решила она. — Сходи-ка ты за тем ребенком, которого я привезла с собой. Пригласи ее выпить со мной горячего шоколада, если таковой удастся найти в этом богом забытом месте.

У ее личной горничной этот приказ вызвал явное неудовольствие.

— За этой... этой жалкой девчонкой, миледи?

Голос пожилой леди превратился в лед:

— Эта «жалкая девчонка», как ты ее назвала, дочь моей любимой крестницы, Марии Фарли, а потому, Смизерз, с ней следует обходиться как с моей почетной гостьей. Ты поняла?

— Да, миледи, — кротко произнесла она, присев в реверансе.

Кейт застыла, услышав стук в дверь. Она еще больше съежилась и осталась лежать в кровати. Стук повторился снова.

— Уходите! — приказала она.

Последовала короткая пауза.

— Мисс? — голос явно принадлежал женщине. Кейт выскользнула из постели и подбежала к двери. Перед глазами предстало недовольное лицо Смизерз. — Леди Кейхилл приглашает вас присоединиться к ней в ее спальне и выпить по чашке шоколада.

Холодные блеклые глаза быстро пробежали по поношенной одежде Кейт, а длинный нос едва заметно сморщился от презрения.

Подбородок Кейт вздернулся.

— Вы приготовили шоколад? — спросила она прямо.

— Я не кухарка, я занимаюсь одеждой миледи, — высокомерно произнесла женщина. — Я попрошу мистера Карстерза приказать немедленно приготовить шоколад.

Холодный взгляд уведомил Кейт: даже беспризорник осведомлен лучше нее, что такая важная персона, как личная горничная леди Кейхилл, никогда не унижится до приготовления еды.

Кейт подавила усмешку и сделала два шага в направлении Смизерз. Хотела бы она посмотреть на лицо этой женщины, когда та поймет, что в доме некому готовить завтрак ни для нее, ни для леди Кейхилл. Но внезапный приступ раскаяния остановил ее. Леди Кейхилл — пожилая дама, измученная очень долгим путешествием. И Кейт точно знала, что она совсем ничего не ела на протяжении всей поездки.

— Пожалуйста, сообщите леди Кейхилл, что я непременно присоединюсь к ней. Но сначала позабочусь о завтраке миледи.

Брови камеристки недовольно поползли вверх. Поджатые губы приоткрылись:

— Но миледи дала мне очень четкие указания...

— Будьте любезны, передайте мои слова леди Кейхилл, — прервала ее Кейт прохладным голосом, который, несмотря на его кажущуюся мягкость, не оставлял места для дискуссий.

— Очень хорошо, мисс.

Женщина пренебрежительно фыркнула, но ушла без всяких возражений, удивляясь про себя: «А ведь в этой девчонке, несмотря на отвратительный наряд, определенно чувствуется аристократическое происхождение».

Кейт сбегала вниз, осторожно высматривая, не покажется ли кто-то из двух мужчин, но тех нигде не было видно. В кухне она быстро разожгла огонь и поставила кипятиться чайник. Шоколада не нашлось. Кейт безрезультатно обыскала кладовку и с сожалением пожала плечами. Что ж, с ее стороны приложены все возможные усилия.

Она нашла большой поднос и застелила его салфеткой. Через несколько минут на нем стояли тарелки для завтрака, чайник с чаем, два яйца всмятку и слегка намазанный маслом тост. Вряд ли это именно то, к чему привыкла леди Кейхилл, но на данный момент это все, что можно ей предложить. Кейт сама взяла тяжелый поднос и отнесла наверх.

— Ах, моя дорогая, — воскликнула леди Кейхилл. — Однако с какой стати вы сами несете этот тяжелый поднос, глупый вы ребенок? Надо было заставить кого-нибудь из слуг сделать это за вас.

Кейт ловко водрузила поднос на стол возле кровати леди Кейхилл.

— Доброе утро, мэм, — бодро поздоровалась она. — Надеюсь, вы хорошо спали?

Пожилая леди скорчила недовольную гримасу.

— В этой кровати? Ах, моя дорогая, разве это возможно? — Она указала на потертую драпировку и обветшалую мебель. — Полагаю, я должна быть благодарна, что мне вообще предоставлена комната, поскольку мой дорогой внук в прошлый раз даже собственную сестру отказался видеть. Возблагодарим Господа, что Смизерз предусмотрительно упаковала в дорогу постельные принадлежности. Не знаю, каким местом мой внук здесь управляет, но могу точно сказать, что намерена серьезно поговорить с ним на этот счет.

Пожилая леди подмигнула ей, и неожиданно для себя Кейт заулыбалась в ответ. Она разлила чай.

— Чай? — возмутилась пожилая леди. — Я же сказала Смизерз, что хочу шоколад.

— Боюсь, его просто нет в этом доме.

— Нет шоколада? — усомнилась старая леди. — Я знаю, что сельская местность нецивилизованна, но не до такой же степени. — Она надулась. — Полагаю, свежей выпечки тоже нет?

Кейт покачала головой:

— Действительно нет, мэм. Но я принесла вам несколько свежесваренных яиц и небольшой тост. Вот, съешьте, пока не остыло, — уговаривала она.

Не обращая внимания на презрительную гримасу пожилой дамы, Кейт поставила перед ней поднос с завтраком. Немного поворчав, леди Кейхилл приступила к еде, все время притворяясь, что делает это только в угоду Кейт. Наконец она откинулась на подушки и с любопытством посмотрела на девушку.

— Итак, мисси [\[11\]](#), — произнесла она, — у меня создалось впечатление, что вы уже познакомились с моим внуком.

— Что он обо мне сказал? — осторожно спросила Кейт.

Пожилая леди хихикнула:

— Почти ничего, в самом деле, ничего.

— О, — произнесла Кейт. Ясно, что леди Кейхилл не намерена просвещать ее на этот счет. — Он... он не знает, кто я, не так ли, мэм?

Пожилая леди с интересом отметила легкий румянец, проступивший на щеках девушки.

— Разве он вас не спрашивал?

Кейт выглядела слегка смущенной.

— Нет... то есть, да, он спросил меня, и я, разумеется, назвала ему свое имя. Но, думаю, он не догадывается о моем положении.

— И что же вы ему сказали на сей счет?

Кейт еще больше смутилась.

— Я посоветовала ему обратиться к вам. — Ей стало досадно, что ее голос прозвучал так, словно она оправдывалась, а потому она смело добавила: — В самом деле, мэм, не могла же я ему ответить, что меня похитили! Я не знаю, зачем вы привезли меня в этот дом, и какие у вас планы относительно меня.

Медленным наклоном головы леди Кейхилл приняла ее доводы.

— По правде говоря, дитя, вчера у меня не имелось никакого определенного плана, кроме как увезти вас подальше от того ужасного дома и не дать вам разрушить свою жизнь.

— Разрушить свою жизнь? В каком смысле, мэм?

— Тьфу ты, девочка. Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть! Поступи вы в услужение,

и потеряли бы всякую возможность на заключение подходящего брачного союза.

— Подходящий брачный союз! — с ненавистью воскликнула Кейт.

— Да, вот именно, мисс! — рявкнула леди Кейхилл. — Вы еще не старая дева. У вас хорошее происхождение, неплохая фигура, и нет никаких оснований настолько упрямо отказываться от жизни!

— Отказываться от жизни? Я вовсе от нее не отказываюсь. Я пытаюсь найти свою дорогу. И решительно настроена сделать это, и именно так, как я того хочу!

Кейт, сидевшая в ногах кровати, вскочила и стала вышагивать по комнате. Было жизненно необходимо заставить пожилую леди понять ее. Кейт не могла больше рассчитывать на подобающий брачный союз. Она была обещана, и даже если бы попыталась скрыть данный факт, то он, в конечном счете, выплыл бы наружу. Но и рассказывать этой деспотичной пожилой леди, острый язык которой скрывал доброе сердце, всю свою отвратительную историю у Кейт не было никакого желания. Она понимала, что с ее стороны это трусость, но если есть хоть какая-то возможность сохранить уважение леди Кейхилл, пусть и благодаря некоторой лжи, она готова попробовать. А потому ей необходимо убедить ее в своем ином предназначении.

— Я знаю, предлагая свою милосердную помощь, вы желаете мне только добра, но я не могу ее принять. Я слишком долго вела домашнее хозяйство моего отца и всегда имела гораздо больше обязанностей, чем другие девочки моего возраста и положения.

— Милосердие, будь оно неладно! — вскричала леди Кейхилл.

— Мэм, только посмотрите на меня. Взгляните на мою одежду. Вы говорите, что желаете, чтобы я жила с вами как ваша гостья, а вы будете вывозить меня в общество. Можете ли вы представить, как я вот в этом совершаю утренние визиты и посещаю балы?

Она гневно махнула рукой, указывая на свое изношенное платье.

Леди Кейхилл недоверчиво на нее уставилась.

— Нет, разумеется, нет, смешной вы ребенок! Я не позволила бы одеть эти тряпки своей самой никчемной служанке. — Она снова откинулась на подушки, качая головой в ответ на глупые речи девочки. — Естественно, я обеспечу вас всем необходимым: платьями, перчатками, шляпками, зонтиками от солнца и всякими пустяками — всеми этими блестящими безделушками, о которых вы только могли мечтать.

— Вот именно, мэм. Мне придется просить у вас каждую мелочь, а этого мне не вынести.

— Ах, вот еще! — фыркнула леди Кейхилл.

— Кроме того, мэм, мне не привили светские манеры. Кажется, вы не заметили этот факт моего воспитания. Меня не обучали музыке, никогда не учили рисовать акварелью. Я могу чинить и штопать, даже зашивать раны, но при этом совершенно не умею вышивать причудливые узоры на ткани. Я могу танцевать, но не в состоянии вести изо дня в день непринужденную, ничего не значащую беседу. Большую часть своей жизни я работала, мэм, именно это я делаю лучше всего. Во мне просто нет ничего такого, что позволило бы порхать, подобно светской бабочке, а именно этого вы от меня и хотите.

«О, Боже, — молилась Кейт, — не вынуждай меня говорить ей правду». Ее доводы выглядели достаточно убедительными; к тому же для Кейт принять милостыню и вправду было бы ужасно трудно. Кейт знала, что становилась чрезвычайно упрямой, когда речь заходила о таких вещах. И все же посещать рауты и балы, найти свое место в обществе и на время окунуться в атмосферу легкомыслия, — всего этого страстно желала безрассудная

частичка Кейт.

Леди Кейхилл смотрела на нее, крайне потрясенная:

— Дитя-дитя, вы понятия не имеете, о чем говорите. В большинстве этих навыков нет нужды, а другим можно быстро научиться. Бывать в обществе вовсе не означает стать светской бабочкой и болтать о пустяках, хотя, соглашусь, великое множество людей ничем другим и не занимается. Однако дураков хватает в любом слое общества.

На мгновение она замолчала, затем махнула тихо сидящей у нее в ногах девушке рукой:

— Вы утомили меня, деточка, вашим глупым упрямством. Я должна еще раз подумать над этим вопросом. А теперь оставьте меня. Мы поговорим об этом позже.

Кейт поднялась, почувствовав легкий укол совести за недомогание старой леди. Но это же не ее вина, она просто защищалась. Она не просила привозить ее сюда. Она имеет полное право сама принимать решения, касающиеся ее собственной жизни, и она ничего не должна леди Кейхилл, кроме вежливого обхождения. Так почему же Кейт чувствовала, что заблуждается? Разве она ошибается в своем желании не быть ни перед кем обязанной? Разве так уж неправильно хотеть зарабатывать собственные деньги, отказавшись быть зависимой от кого бы то ни было? Нет, это нельзя назвать неправильным... но странное ощущение, что она не совсем права в своем стремлении отмахнуться от доброты пожилой леди, осталось, призналась себе Кейт.

Она взяла поднос из-под завтрака и вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь. Чуть впереди также открылась дверь, и в холл вышел Джек Карстерз. Кейт резко остановилась. Он оказался между нею и лестницей. Она могла сбежать в свою комнату, вернуться в спальню леди Кейхилл или смело взглянуть ему в глаза.

Сложив руки на груди, Джек прислонился к стене и с язвительным выражением лица ждал ее приближения.

Подбородок Кейт упрямо взлетел вверх. Ее не запугать какой-то грубой силой! Даже если в нем более шести футов роста, а плечи такие широкие, как... что ж, такие широкие, как и любые другие плечи. Она не станет из-за него нервничать. Еще чего! Она крепче вцепилась в тяжелый поднос, по непонятной причине чувствуя себя спокойней, пока он находился между ними, и с высоко поднятой головой двинулась вперед.

В глазах Джека вспыхнула слабая искра изумления. Она что, испытывает его? Бросив в него кофейник, она с полным правом могла ожидать, что он захочет ее придушить. И ко всему прочему она дала ему пощечину — пощечину хозяину дома. Совершенно безрассудная девица. Он мог бы расправиться с ней в два счета, если бы захотел; и это ей, безусловно, известно. Но она не знает, что он никогда в жизни не причинял боль женщине. И, тем не менее, разве она испугалась? Нет, она идет, вызываясь высоко вздернув свой носик. Он еще больше изумился. Такое маленькое существо — и такая сила духа.

Даже если она не боится рукоприкладства с его стороны, то после того возмутительного поступка на кухне должна, безусловно, ожидать, что ее уволят и оставят без рекомендательного письма. А этого, насколько он знает, слуги боятся больше всего на свете, ведь в таком случае уже вряд ли куда устроишься. Это она знать должна. Судя по ужасно поношенной мрачной одежде, очевидно, сшитой на другую женщину и подогнанной по тонкой фигурке девушки, бедность ей известна не понаслышке. И она явно совсем недавно голодала.

Но шаткое положение не остановило ее от броска кофейника с горячим напитком прямо ему в голову. Или поверх его головы, как она утверждала. Крикет, скажет тоже! Он

едва не фыркнул. Но все же, почему она это сделала? Невозможно представить, чтобы эта маленькая англичанка, работающая кухонной служанкой, действительно понимала испанский. Джек решил это проверить. Он наблюдал за ней, продолжая небрежно опираться на стену.

Кейт пронеслась мимо с показным безразличием, хотя сердце ее колотилось гораздо сильнее обычного. Она уже добежала до ступенек, когда Джек произнес на испанском:

— *Senorita*, в ваших волосах запутался огромный паук. Позвольте мне вытащить его.

Он ждал, что же она предпримет: обернется, закричит, начнет рвать на себе волосы или в неведении продолжит свой путь.

Она просто замерла. Мгновение Джек ждал, озадаченный, а затем шагнул к ней:

— *Senorita*?

Она не двигалась. Джек коснулся ее плеча. Боже! Девчонка дрожала, как осиновый лист. Он слышал, как слегка постукивала посуда на чайном подносе.

Он быстро развернул ее к себе лицом и испытал потрясение, увидев панический ужас, застывший в ее глазах. Лицо девушки стало мертвенно бледным, а чистый гладкий лоб покрылся бисеринками пота. Кейт судорожно сглотнула. Сухие, омертвевшие губы жалобно прошептали:

— Пожалуйста, уберите его.

Джек несколько секунд таращился на девушку, пораженный столь неожиданно сильной реакцией.

— Пожалуйста, — прошептала она снова, дрожа в его руках.

— Моя бедная девочка. Я сожалею, — произнес он, полный раскаяния. — Нет никакого паука. Совсем нет.

Джек взял поднос из ее податливых рук и поставил на ближайший стол, при этом не отводя от нее взгляда.

Она непонимающе уставилась на него. Он снова обхватил ее за плечи и слегка встряхнул, чтобы вывести из столбняка, в который поверг ее ужас.

— Нет никакого паука. Я придумал его... — объяснил он извиняющимся тоном. — Это была уловка.

Рот Кейт приоткрылся, и она снова начала дышать, глубоко и судорожно.

— Я сожалею, — повторил он. — Я всего лишь хотел узнать, понимаешь ли ты по-испански.

Она смотрела на него в замешательстве, слабо соображая, мучимая остатками неконтролируемого страха перед пауками.

— Я говорил по-испански, понимаешь.

Его теплые руки поддерживали ее за плечи.

Она продолжала дрожать, и неожиданно для себя он растрогался. Не зная, что еще сделать, чтобы искупить свою вину, он обнял Кейт и притянул к себе, шепча ей на ухо нечто успокаивающее. Он медленно вдохнул. Что за аромат окутывал ее? В нем улавливалось нечто мучительно знакомое. Его руки напряглись.

Ему и в голову не приходило, что совершенно неподобающе вести себя так с простой кухонной служанкой. Будучи мальчиком, Джек частенько приносил домой различных животных, попавших в беду: полуутопленных котят, раненных птиц, — и сейчас, дай он себе труд задуматься, то любому, кто ни спроси, объяснил бы, что просто старается утешить и ободрить перепуганную девушку. Она же чувствовала себя вполне уместно там, где теперь

находилась.

Щека Кейт оказалась прижата к его груди, голова покоилась под его подбородком. Она чувствовала тепло его дыхания, шершавость его небритой щеки, прижавшейся к шелку ее волос, когда он осторожно сместил свое лицо. Она слышала ровные удары его сердца. Его сильное тело покачивало ее, словно в колыбели, защищая и успокаивая.

Как давно Кейт не обнимали столь утешительно, она хотела отдаться во власть этого объятия — разве можно устоять перед таким порывом? Она почувствовала, как его широкая сильная рука успокаивающе движется вверх-вниз по ее спине, и внезапно ее пробила дрожь понимания.

Постепенно Кейт начала осознавать, кто и почему ее держит. Она попыталась вывернуться из его сильных рук. Джек же не торопился ее отпускать, поэтому, собрав все свои силы, она резко толкнула его в грудь и вырвалась из его объятий, взлохмаченная и тяжело дышащая, с порозовевшим от смущения лицом.

— Полагаю, это еще одна из ваших уловок!

Она постаралась пригладить волосы и привести в порядок платье.

От ее слов Джек почувствовал себя еще более виноватым, и ни с того ни с сего его затопил гнев:

— Нет, черт возьми, вовсе нет, ты, маленькая ведьма! У меня нет привычки развлекаться с неряшливой кухонной прислугой. Я всего лишь утешал тебя.

Она впилась в него взглядом, не зная, что рассердило ее больше: его действия несколько минут назад или описание ее теперешнего вида.

— Прекрасно, я не нуждаюсь в таком виде утешения и не нуждалась бы в нем вовсе, не сыграй вы со мной эту отвратительную шутку!

— Откуда, дьявольщина, я мог знать, что ты так испугаешься какого-то там паука?

Гнев Кейт сразу угас, и она отвела взгляд. Ей всегда было очень стыдно за свой страх перед пауками, и она отважно пыталась преодолеть его, но все напрасно. Ее мозг подсказывал, что эти неприятные существа маленькие и по большей части безопасные, но как только она сталкивалась с одним из них, ее охватывала паника. Кейт знала свою слабость и презирала ее.

— Вы правы, — натянуто пробормотала она. — Сожалею, что явилась причиной такой суматохи. Этого больше не повторится.

Она повернулась, чтобы взять поднос.

— Не так резво, моя девочка, — остановил ее Джек и, вскинув руку, схватил за запястье. После чего снова развернул Кейт к себе лицом. — Кто ты, дьявол тебя возьми? — проговорил он медленно, сверля ее глазами.

— Вчера вечером я назвала вам свое имя. Я — Кейт Фарли, на тот случай, если вы забыли, — парировала она, пытаясь выкрутить свою руку из его пальцев. — Пожалуйста, отпустите меня.

— Я с тобой еще не закончил.

Кейт досадливо скривила губы:

— Полагаю, вы считаете, что ваше положение дает вам право играть с другими людьми!

— Что?

Он в недоумении нахмурился.

— Очевидно, вы полагаете, что ваш титул позволяет вам обходиться с менее удачливыми людьми так, как вам вздумается! Что ж, разрешите с вами не согласиться.

Независимо от моего положения, я имею полное право вести свои дела так, как считаю нужным, без вмешательства с вашей стороны или со стороны любого другого члена вашей семьи!

Кейт многозначительно опустила взгляд на запястье, захваченное его огромной сильной рукой.

Джек отметил, что у нее короткие, тупые, неотполированные ногти, столь отличающиеся от гладких, блестящих овалов на пальцах любой из его знакомых леди. Он перевернул ее руку и большим пальцем мягко прошелся по ее огрубевшей от работы коже. Сомневаться не приходилось: девушке привычна работа служанки, но она все равно остается для него загадкой.

— Ты самая невероятная кухонная прислуга! — пробормотал он наконец, качая головой. — Какого дьявола моя бабушка притащила тебя с собой?

Кейт удивленно на него посмотрела. Темная голова все еще хмуро склонялась над ее рукой. Она подавила грустную усмешку. В этом ей никак его не обвинить, подумала Кейт. Конечно, она одета как служанка, и он видел, как она работала на кухне, явно к этому привычная. Что ж, если хозяин дома желает называть ее кухонной прислугой, Кейт сделает ему такое одолжение — и поделом ему! Должна же она, в конце-то концов, отплатить за мнимого паука!

— Сэр, — она дернула рукой.

Его большой палец все еще рассеянно ласкал ее.

— Я должна вернуться к своим обязанностям, сэр. Пол на кухне необходимо вычистить. Она снова попыталась высвободить руку, нежное поглаживание его пальца вызывало в ней все возрастающее беспокойство.

— Но где ты научилась говорить как леди?

О, черт бы побрал этого человека! Он что, никогда не утомится? На выручку Кейт пришло ее чувство юмора.

— Леди, сэр? — Она вытаращила глаза в притворном изумлении и, как могла, глупо улыбнулась. — Я никогда и не думала, что разговариваю подобно настоящей леди. — Последнее слово она произнесла как «леди». — Я долгое время вела дом старого джентльмена, и именно он настоял на том, чтобы я выучилась говорить надлежащим образом. Он был настоящим ученым, сэр, а также священником, и ненавидел то, что называл коверканием английского языка.

Казалось, он не заметил, что ее акцент значительно усилился за время этой речи — факт, который Кейт посчитала вполне ободряющим. При этом она неуклюже сплетала руки, полагая, что именно так повела бы себя простоватая служанка, оказавшись лицом к лицу с красивым джентльменом.

— Он научил меня читать, писать и считать, — добавила она бесхитростно, смотря на него огромными невинными глазами; на секунду Кейт соблазнилась идеей свести их к переносице, но передумала.

— Но ты понимаешь по-испански, — упорствовал Джек. — Где служанка, работающая на кухне, может выучить иностранный язык?

— Полагаю, в Испании имеется немало служанок, работающих на кухне, — дерзко ответила она, потупив глаза, чтобы скрыть усмешку.

— Не дерзи, девчонка; ты отлично знаешь, о чем я спрашиваю. Как английская девица с кухни, которой ты являешься, могла выучить испанский? Для меня совершенно очевидно,

что в тебе нет ни капли испанской крови.

Она по-идиотски улыбнулась до ушей:

— Вы абсолютно правы, сэр — совсем ни капли испанской крови. Вы — умный джентльмен. Право, так оно и есть!

Девчонка снова с ним играет! Он с трудом сдерживал смех, но в той же мере сильно желал перебросить ее через колено и хорошенько отшлепать. Как же эта дерзкая маленькая мисс прожила так долго — и никто ее не придушил — да еще и продолжает работать прислугой? Невозможно представить, чтобы его бабушка терпела подобную наглость от служанки. Его рот изогнулся от занятой мысли. Бабушка не одобрила бы состязаний в дерзости, хотя эта маленькая нахалка ни в чем бы ей не уступила.

— Хватит дерзить, девушка. Я спрашиваю, как английская служанка научилась понимать по-испански.

— О, тот джентльмен много путешествовал по чужим странам, и ему проще было брать меня с собой, чем оставлять дома, и я невольно нахваталась иностранных словечек, куда ж деваться? Это все, сэр? — кротко спросила она, наклонив голову, чтобы скрыть смех.

Она отлично видела, что не удовлетворила его любопытство, и он этим очень не доволен. Он привык всем управлять. Что ж, не на ту попал. Он придет в ярость, как только узнает, кто она на самом деле, и поделом ему, нечего делать поспешных выводов. И нечего выдумывать пауков.

— Хм. Да, все, — нелюбезно пробурчал он.

Кейт изобразила некое подобие реверанса, подражая своей старой няньке, которая имела обыкновение так приседать перед ее отцом, и взяла поднос. Она проворно засеменила по ступенькам. Ее губы начали дрожать от еле сдерживаемого смеха, стоило Кейт представить лицо Джека, когда бабушка, наконец, объяснит ему, кем же она является.

Джек наблюдал за ней до тех пор, пока маленькая фигурка не исчезла, затем развернулся и постучал в дверь своей бабушки.

— Где, дьявол, вы нашли эту девчонку, бабушка? — возмущенно воскликнул Джек, врываясь в комнату леди Кейхилл.

Бабушка встретила его довольно прохладно.

— У меня все прекрасно, Джек, благодарю за беспокойство.

— Черт возьми, бабушка... — начал он, но, заметив воинственный блеск в синих глазах-бусинках, решил, что разумнее будет сдаться.

Его бабушка, Джек давно это понял, способна отражать его вопросы хоть целый день. Проклятье, вздохнул Джек, да что он сделал, что его изводят подобные женщины? Всего несколько дней назад жизнь была такой мирной.

Он сел на край бабушкиной кровати, вытянув перед собой травмированную ногу и проигнорировав сдавленный возглас камеристки, ужаснувшейся его бестактности.

— О, выйди, Смизерз, выйди немедленно, если тебе невыносимо видеть мужчину сидящим на моей кровати! — рявкнула леди Кейхилл.

Она подождала, пока служанка, удостоив хозяйку взглядом глубочайшего порицания, не удалилась из комнаты.

— Вот ведь глупая женщина! — проворчала старая леди. — Но в *la toilette* ^[12] она на вес золота. Умеет сделать из пожилой женщины, вроде меня, нечто не сильно похожее на старую каргу.

Джек улыбнулся, к нему вернулось хорошее настроение:

— Старая карга, вот еще! Какая отвратительная ложь, бабушка. Слово и не вы всю жизнь слывете красавицей. Вижу, вы вполне оправились после утомительной поездки. Должен сказать, вы прекрасно выглядите, просто цветете.

— Ох, фу-ты ну-ты! — восторженно произнесла бабушка. — Знаю я тебя, злой мальчишка. Стараешься выдать дерьмо за конфетку — и только.

Губы Джека дернулись, поскольку он вспомнил, как именно за это самое выражение бабушка когда-то прочла его сестре гневную нотацию.

— Выдаю дерьмо за конфетку? — переспросил он. — Боже мой, бабушка. Как грубо. Я потрясен!

— Не судите старших и более мудрых, молодой человек, — парировала она, прекрасно осознавая — ее выдало мерцание глаз — свою непоследовательность. — Итак, что это еще за новость такая — мой внук впал в уныние? Совершенно на тебя не похоже, Джек, даже слышать о таком не хочу!

Джек глубоко вдохнул, борясь с волной недовольства, которую всколыхнуло в нем столь резкое заявление.

— Как видите, бабушка, ваши источники ввели вас в заблуждение. Я прекрасно себя чувствую, несмотря на то, что калека, — беззаботно ответил он.

Леди Кейхилл неодобрительно глянула на внука:

— Ты не больше калека, чем я, — отрезала она. — Не сгибается нога, да? После несчастного случая на охоте твой дед долгие годы мучался той же проблемой, но это никогда не мешало ему заниматься тем, чем он хотел.

— Насколько я помню, мэм, дедушка, можно сказать, до самой своей смерти был в состоянии выезжать на псовую охоту.

На какое-то время воцарилась тишина. Леди Кейхилл размышляла над тем, какую злую шутку сыграла с ее внуком судьба. Единственное, что получил в наследство Джек, до ранения известный наездник и охотник, — это дом, расположенный в одном из самых известных охотничьих графств страны. И получил его именно теперь, когда не может даже просто сидеть на лошади.

Джек неуклюже встал. Ему по-прежнему нелегко было обсуждать свои раны.

— Можно полубопытствовать, что привело вас в мое скромное жилище? — спросил он, меняя тему разговора.

— Разумеется, можно, — сердито ответила бабушка.

— Я и полубопытствовал, — проворчал, не унимаясь, Джек.

— Не дерзи мне, мальчишка! Я приехала понять, что же с тобой случилось. И теперь объясните мне, сэр, о чем вы думали, отказывая в гостеприимстве своей собственной сестре!

— Бабушка, вы же сами видите, данное место пока не пригодно для приема гостей... Более того, в тот момент я был совершенно выбит из колеи. Я действительно сожалею, но я сыт по горло женщинами, плачущими и вздыхающими над моим... моим уродством, — натянуто закончил он.

— Какое к черту уродство! — совсем неизящно фыркнула леди Кейхилл. Ее взгляд переместился на шрам, пересекающий правую щеку внука. — Если ты говоришь об этой небольшой царапине на твоём лице, ну, в общем, ты всегда был слишком красив, не во благо себе. Теперь ты выглядишь гораздо мужественнее и совсем не похож на смазливую мальчишку.

Он иронически поклонился:

— Благодарю вас, мэм.

— Тьфу, ты! — вспыхнула леди Кейхилл. — Думаю, пора вставать, убирайся-ка ты уже и прикажи одному из твоих ленивых слуг принести мне горячей воды.

— Сожалею, мэм, но не могу этого сделать.

— Что это значит, мальчишка?

— У меня нет домашних слуг, — безразлично пожал он плечами.

Леди Кейхилл села в кровати, потрясенная до глубины души.

— Что? Никаких слуг? — ужаснулась она. — Невозможно! У тебя должны быть слуги!

— Дом меня совершенно не интересует. Последние несколько лет я провел на биваках [13], разбитых в чертовски некомфортабельных местах, и теперь мне достаточно просто крыши над головой и кровати. Я не намерен тратить целое состояние на всю эту орду домашних слуг только для того, чтобы обеспечить себе удобства, и не буду, даже имейся у меня это самое состояние, а вы знаете, что его нет и в помине.

Леди Кейхилл была потрясена:

— Никаких слуг в доме?

Он снова пожал плечами:

— Ни одного, только мой человек, Карлос, а он еще и за лошадьми присматривает. — Он поднял руку, предвосхищая дальнейшие замечания бабушки. — В вашем распоряжении только те слуги, которых вы привезли с собой. Боюсь, вам придется обойтись ими. Да вот только я отослал их в деревенскую гостиницу — всех, кроме камеристки и еще одной девицы. Они обслуживают вас в меру своих сил.

Леди Кейхилл фыркнула:

— Вряд ли дожدهшься, чтобы Смизерз унилась до нагревания воды.

Он пожал плечами.

— Поручите это второй девице. Она, похоже, довольна умела.

— Какой второй девице? О чем ты говоришь, мальчик?

— Бабушка, — вздохнул Джек, — не кажется ли вам, что пора прекратить называть меня мальчиком? Я, знаете ли, уже четвертый десяток разменял.

— Не смей меня, мальчик! И перестань менять тему разговора. О какой второй девице ты тут толкуешь?

— Маленькое худенькое создание в чудовищной мрачной одежде. Должен сказать, бабушка, я удивлен, как вы не обратили внимания на ее наряд. Обычно вы очень привередливы к внешности своих слуг. И как так случилось... — его голос повысился от негодования, — ...что вы позволили девчонке почти до смерти уморить себя голодом? Вчера вечером она упала в обморок прямо на дороге, и ей некому было помочь.

— Упала в обморок? — переспросила леди Кейхилл, пристально за ним наблюдая.

— В глубокий обморок. От голода, если не ошибаюсь. Одна кожа да кости, а не девушка, — и невероятно огромные глаза. Бледная кожа, выющиеся каштановые волосы, вся светится насквозь, а жалит, что оса, но, по всей видимости, до смерти боится пауков.

Джек замолчал, внезапно осознав, что наговорил лишнего. Он знал не понаслышке, что его бабушка, складывая два и два, вполне может получить пять.

— Боится пауков? Вот так неожиданность! Я бы не сказала, что эта молодая особа чего-то боится. Наоборот, она ведет себя очень мужественно. Но она не служанка, — наконец добавила леди Кейхилл. — Это она тебе так представилась?

Джек нахмурился:

— Нет, — медленно произнес он, мысленно возвращаясь назад. — Полагаю, я несколько поспешил с выводами. — Его глаза сузились, вспоминая представление, устроенное Кейт несколько минут назад. — Но если она не ваша горничная, то кто же она?

— Ее зовут Кейт Фарли.

— О, это мне известно, мэм. Об этом она мне сообщила. Но что она здесь делает? — упорствовал Джек.

— Откуда я могу знать, что она делает, Джек? — неопределенно пожала плечами бабушка. — Тебе доподлинно известно, я не покидала эту комнату с того самого момента, как прибыла сюда вчера вечером. Она может собирать цветы или пить чай. Как, черт возьми, я могу узнать, что она сейчас делает, глупый ты мальчишка?

Джек заскрипел зубами:

— Бабушка, зачем эта девушка приехала в мой дом?

— Ах, вот ты о чем, мой дорогой мальчик, — простодушно улыбнулась ему пожилая леди. — У нее не было выбора. Совершенно.

— Бабушка! — губы Джека сжались в тонкую линию.

— Не злись на меня, мальчик, — ничего не выйдет. Твой дедушка в прошлом без конца устраивал мне бурные сцены.

— Вполне его понимаю и искренне сочувствую! — отрезал непокорный внук. — Однако довольно ерунды, бабушка. Кто она?

— Ее зовут Кейт Фарли, и она единственная дочь моей крестницы, покойной Марии Фарли, урожденной Делакомб.

Леди Кейхилл вкратце познакомила Джека с историей Кейт, насколько знала ее сама.

— Значит, она — леди, — произнес он, нахмурившись.

— Конечно.

— Да, но по ее поведению этого не скажешь.

— Я не заметила недостатка хороших манер, — возразила бабушка. — Характер, да. Так и сверкает в этих ее огромных синих глазищах...

— Не синих. А, пожалуй, серо-зеленых.

Пожилая леди подавила усмешку. Итак, он заметил цвет ее глаз?

— Как скажешь, — согласилась она. — Но пока я быстренько увозила ее черт знает куда, девчонка всего лишь сердито смотрела на меня — ни капли паники, полная невозмутимость.

— Что значит «быстренько увозила»? — брови Джека поползли вверх.

— О, не смотри на меня так, Джек. Это единственное, что можно было сделать. Ты же сам заметил, девочка находилась на краю голодной смерти. Она была в отчаянном положении. Круглая сирота — ни одного кровного родственника, к кому можно было бы обратиться, — да еще и без единого пенни в кармане, если я не ошибаюсь.

Джек нахмурился и, задумавшись, вытянул больную ногу.

— Я все еще не понимаю.

— Девочка достойна гораздо большего, чем ей позволяет ее упрямая глупая гордость. В этом она походит на своего проклятого отца. Семья хотела дать за Марией огромное приданое, когда она — единственный их ребенок — выходила замуж за Фарли, но пастор от всего отказался. Не хотел, видишь ли, чтобы подумали, будто он женится на ее деньгах. И посмотри, что вышло! Его собственная дочь одета в тряпье и едва не умирает с голоду! Тьфу! Не могу спокойно о нем говорить!

— А Кейт... э-э... мисс Фарли, бабушка, — напомнил Джек.

— Говорит, что не нуждается в моем милосердии, и не примет его ни от кого. И потом, у меня не было времени стоять и препираться с ней в ее убогой лачуге. Пришлось ее похитить.

— Пришлось, что?

Джек изумленно уставился на бабушку. Что и говорить — возмутительная пожилая леди. Его губы дернулись, и внезапно Джека прорвало; смех поднимался из самых его глубин. Он в изнеможении рухнул на кровать и хохотал до тех пор, пока не заболели бока.

Бабушка наблюдала за ним, крайне довольная. Это был первый лучик надежды, полученный ею от любимого внука с тех самых пор, как он ушел на войну. Назад вернулся молчаливый, циничный незнакомец со шрамами. И увидев теперь, как он безудержно смеется, она до конца осознала всю глубину своего страха — страха, что ее прежний Джек навсегда остался на той войне.

Что-то расшатало его непоколебимую сдержанность, которую он приобрел, пока — хромой, лишенный наследства, еще и брошенный невестой — возвращался домой с войны на Пиренейском полуострове. Все это время он оставался противоестественно спокойным, словно ничто его не волновало и не вызывало в нем ответной реакции. Он ушел в себя и превратился в отшельника.

И вот за один лишь час леди Кейхилл стала свидетельницей того, как ее внук вскипел от ярости, а затем от души расхохотался. И, похоже, всему виной эта худенькая девчушка. Леди Кейхилл возблагодарила небеса за тот импульсивный порыв, что заставил ее завернуть к Кейт по пути в Лестершир. Теперь ни в коем случае нельзя допустить, чтобы девушка исчезла.

Пожилая леди толкнула Джека в плечи, продолжавшие подрагивать от смеха.

— Ох, сейчас же уходи, мальчишка. Для одного утра с меня достаточно и тебя, и твоей глупости, — довольно грубо заявила она, скрывая истинные чувства. — Я должна одеваться, иначе у Смизерз случится истерика. Мне совершенно ясно, что этот дом нуждается в женщине, которая приведет его в порядок, а потому, полагаю, я должна немедленно подняться и взяться за работу. Будь хорошим мальчиком и достань мне немного горячей воды. Ну же, двигайся, Джек, или я прямо сейчас в одной ночной рубашке встану с кровати, а это уж точно вызовет у Смизерз приступ бешенства!

— Вы, безусловно, самая скандальная пожилая леди среди всех мне знакомых, — ухмыльнулся Джек. — Удивительно, как эта бедная женщина до сих пор не скончалась от шока.

Он поднялся с кровати и, посмеиваясь, захромал из комнаты.

Джек направился вниз, стерев с лица остатки смеха. Теперь необходимо срочно найти мисс Кейт Фарли и задать ей пару-другую вопросов. Кухонная служанка? Ха! Которая всего лишь моет пол? Ха! Подумать только, он о ней беспокоился! Маленькая негодница, небось, сейчас сидит где-нибудь, отдыхает и хихикает в потертый рукав, радуясь тому, как удачно его разыграла.

Войдя в кухню, он замер, будто громом пораженный. Кейт ползала по полу на карачках, энергично начищая большие каменные плиты, — в точности, как и говорила.

— Что, *черт возьми*, вы тут делаете? — взревел Джек.

Кейт подпрыгнула от неожиданности, затем повернулась и, отложив жесткую щетку для полов, снова села на пятки. Она отметила мрачный насупленный взгляд, сжатые кулаки и исходивший от него гнев. Ее глаза блеснули. Итак, он наконец-то выяснил, кто она такая. И не на шутку рассердился. Она плотно сжала губы, чтобы те перестали дрожать от смеха.

Джек не ожидал, что так вскипит, увидев скребущую полы Кейт. Он боролся с гневом и с не менее сильным желанием подхватить ее и мигом унести наверх. Она выглядела такой маленькой и хрупкой. Ей незачем было выполнять эту грязную и унижительную работу.

— Я спросил, что вы тут делаете?

Она посмотрела на пол, весь в лужах грязной воды, затем на жесткую щетку.

— Это называется драить полы, — услужливо пояснила она, не в силах отказаться от искушения немного его поддразнить. — Мне казалось, что человек в вашем возрасте...

— Прекратите играть со мной, девочка! — прорычал он. — Какого черта, гостя моей бабушки драит полы и готовит завтрак? — Он впился в нее взглядом: — Я не потерплю подобного, слышите? Не потерплю!

Кейт, сидя в луже грязной пенистой воды, попыталась выглядеть потрясенной.

— Но стерпели же, разве не помните? Три яйца, шесть ломтиков бекона и почти целый кофейник горячего кофе.

— Черт возьми, я говорю о другом...

— Совсем нет. Вы обвинили меня в том, что я приготовила завтрак, и сказали, что подобного вам не вытерпеть, — мягко прервала она его. — Жаль, что вам не понравились мои кулинарные способности.

Она попробовала заставить нижнюю губу обидчиво дрожать, но оставила тщетные попытки и затараторила безумолку, хорошо понимая, что раздувает огонь из его тлеющего самообладания, и со странным волнением предвкушая будущее зрелище.

— Раз вы настаиваете, я впредь не буду готовить вам завтрак. По правде говоря, я и не

собиралась этого делать, ведь завтрак предназначался мне, а вы стя... присвоили его.

Перепаханной рукой она смахнула с лица локон, оставив на щеке грязный след. Не подозревая об этом, Кейт продолжила:

— Я так понимаю, вам вовсе не по вкусу моя стряпня. Но, может, вы один из тех людей, которым просто претит мысль о завтраке. Видимо, еда в столь ранний час заставила вас почувствовать себя... нехорошо? Конечно, если всю ночь перед этим вы пили... Кажется, я что-то припоминаю...

Она предусмотрительно опустила ресницы.

— Я... это не... я не был... Завтрак был очень хоро...

Джек снова впился в нее взглядом. Разговор пошел совсем не так, как он задумывал. Дерзкая маленькая оборванка! Скрутила его по рукам и ногам своей обманчиво вежливой болтовней, как будто сидела в гостиной его бабушки, а не с грязным лицом в луже воды у его ног.

— Почему вы скребете этот пол? — чеканил он каждое слово.

— Я думала, что так отчищу его лучше всего. Вероятно, существует более современный метод, который вы предпочитаете?

Кейт, словно ожидая некоего откровения, широко распахнутыми глазами простодушно взирала на Джека.

— Нет, нет и нет! — рявкнул он, совершенно взбешенный.

— Что ж, в таком случае...

Кейт скрыла усмешку и снова взялась за щетку.

— Да бросьте вы эту чертову штуковину! — взревел Джек.

Кейт любезно — как потакают прихоти сумасшедшего — опустила щетку.

— Понятно. Вы не желаете, чтобы я пользовалась щеткой. Вероятно, вы хотите, чтобы я использовала какое-то другое приспособление?

Она осмотрела комнату, по всей видимости, ища замену.

— Я желаю, чтобы вы вообще ничего не использовали! — прорычал он.

— Но как иначе я смогу отчистить пол?

— Я желаю, чтобы вы вообще не чистили этот пол! — рявкнул он.

— О, — взлетели брови Кейт, — ясно. Вам нравится, когда он грязный. — Она изумленно покачала головой. — Что ж, если вы *предпочитаете* жить в грязи...

— Да не предпочитаю я ничего подобного, — взревел Джек, окончательно выведенный из себя.

Наклонясь, он схватил ее за плечи и поднял на ноги.

— Вы, маленькая нахалка! Прекратите заговаривать мне зубы! Вы не будете скрести мои полы. Черт побери, вы гостья моей бабушки! Гости *не*драят полов! — Он встряхнул ее от досады. — Вы меня понимаете?

Дразнить Джека, пока тот не выйдет из себя, — это одно дело. И совсем другое, убедилась Кейт, когда тебя бесцеремонно ставят на ноги и обращаются как с непослушным ребенком.

— Отпустите меня! — выдохнула она сердито, борясь с его железной хваткой.

Она отвела назад ногу, собираясь пнуть его, чтобы освободиться, но он оказался к этому готов.

— Только посмейте, маленькая вы лисица! — Джек поднял Кейт на вытянутых руках; ноги ее болтались в шести дюймах от пола. — Моя бабушка сказала, что вы леди, но, ей-

богу, она даже не представляет, какая вы на самом деле мегера!

— Что ж, ваша бабушка, безусловно, и вас считает джентльменом! — парировала Кейт. — Она, разумеется, ни сном, ни духом не ведает о вашей... вашей привычке распускать руки!

Кейт, крутанувшись изо всех сил, наконец освободилась и метнулась за кухонный стол.

— Моей что?! — гневно переспросил Джек.

— Ладно, а как иначе вы это назовете? — вопросом на вопрос ответила она, поправляя выбившиеся из прически локоны. Кейт уставилась на него в упор — глаза сверкают, щеки горят, дыхание участилось. — Я не пробыла в этом доме и дня, и уже несколько раз вы... вы применили ко мне силу!

— Применил силу? — повторил он недоверчиво. — А кто бросил кофейник с горячим кофе в мою голову не далее, как час назад?

— И кто же все это, и даже больше того, заслужил, так мерзко меня здесь обсуждая, словно я... я?...

Кейт залилась краской.

Джеку стало неловко:

— Да, но разве я мог знать, что вы понимаете наш разговор?

— Джентльмен никогда бы не поставил меня в такое положение.

— Прежде всего, леди никогда бы не оказалась на кухне!

— О, так я теперь леди? В самом деле? Жаль, вы не подумали об этом раньше.

— Моя бабушка рассказала мне о вас.

— И вы поверили вашей бабушке на слово? — спросила она сухо.

— Хотите сказать, моя бабушка лгунья? — мягко произнес Джек, и этот его тон насторожил бы любого, кто хорошо его знал.

— Она — и этого вы не можете отрицать — похитительница, так почему же не лгунья?

«Настоящий удар под дых», — вынужден был признаться Джек. Бабушка сама, как ни в чем не бывало, созналась в похищении Кейт. Он молчаливо проклял всех женщин, особенно тех, что в настоящий момент находились под его крышей.

— Мы не будем обсуждать мою бабушку, — с достоинством произнес он. — Факт остается фактом: именно из-за *вашего* поведения я предположил, что вы кухонная служанка, и соответственно к вам относился.

— О, значит оскорблять обыкновенных служанок, работающих на кухне, вполне допустимо? Уж простите, что я не понимаю таких тонкостей кодекса поведения джентльмена!

Джек от бессилия сжал кулаки.

— Все, разумеется, не так, маленькая вы ведьма! Какого чер... как я должен был узнать, что вы понимаете по-испански?

— О, так я и в этом виновата? — Кейт безуспешно пыталась закрутить волосы обратно в привычную ей простую прическу и с досады распустила узел, позволяя локонам свободно рассыпаться по плечам. — Тогда, вероятно, я должна вас предупредить, что еще умею говорить на португальском, французском, латинском и греческом, на тот случай, если вам вдруг вздумается оскорблять меня на каком-либо из них!

— У меня и в мыслях не было вас оскорблять, и вы прекрасно это знаете! — резко произнес Джек, следя взглядом за рассыпающимися блестящими завитками. От волос исходил тот тонкий свежий аромат, который все ускользал от него, но замечание Кейт

напомнило ему о другом мучившем его вопросе. — Лучше скажите, как вы умудрились их выучить?

— Я уже говорила! — ответила Кейт.

— Наплели какую-то тарабарщину, что работали на эксцентричного старого джентльмена...

— Моего отца! — воскликнула Кейт. — И не тарабарщина это была! А истинная правда, каждое слово.

— Даже тот бред, что вы бедненькая кухонная служанка?

Он навис над столом.

— Нет, конечно, — согласилась она, — у отца я была экономкой. И кухонной служанкой вам никогда не представлялась — это вы сами поторопились с выводами. Я всего лишь не опровергла ваши домыслы. — Серо-зеленые глаза сияли чистейшим озорством. — Кроме того, это оказалось так забавно. И я не смогла устоять.

Джек неожиданно перегнулся через стол и поймал ее за руку прежде, чем она поняла его замысел. Кейт попыталась ее выдернуть, но у него была надежная хватка. Он перевернул ее руку и стал внимательно рассматривать ладонь, мягко потирая красный след, оставленный половой щеткой.

Смущенная, Кейт снова попробовала освободиться.

— Знаю, мои руки не похожи на руки леди. И никогда таковыми не были. Я, право, сильно сомневаюсь — о чем уже говорила вашей бабушке, — что меня вообще можно назвать леди. То, во что я позволила вам поверить, не так уж далеко от истины. Скоро я действительно стану той самой девицей, за которую вы меня приняли.

Он еще крепче сжал ей руку:

— Чушь!

— Нет, не чушь, — спокойно возразила она. — Теперь, будьте добры, отпустите мою руку.

Он отбросил ее, словно горячий уголь.

— И что вы намерены делать?

— Домывать полы, — ответила Кейт, игнорируя истинный смысл его вопроса.

— Говорю вам в последний раз, девочка, вы *не*будете скрести этот пол!

Он ударил по столу кулаком.

Кейт пожала плечами:

— Я отказываюсь готовить в свинарнике.

— Вы не будете готовить вовсе! Бог мой, женщина, вы *когда-нибудь* делаете то, что вам говорят? — устало спросил бывший майор Колдстримской гвардии, проводя рукой по своим непокорным черным волосам.

— Нет, когда мне говорят такие глупости, — спокойно ответила Кейт.

Невозмутимые серо-зеленые глаза встретились с горящими синими.

— Скажите-ка, мистер Карстерз, кроме меня есть кому приготовить завтрак вашей бабушке?

Джек открыл было рот, но затем закрыл. Глаза Кейт сверкнули:

— Вот именно. Черствый хлеб и холодное мясо не годятся для ее светлости. С другой стороны, ни у моего отца, ни у моих братьев никогда не возникало поводов жаловаться на то, как я готовлю, поэтому я позабочусь о завтраке для вашей бабушки и, разумеется, для остальных обитателей дома. Но я не собираюсь заниматься этим в такой грязи и потому...

Она грациозно согнулась, чтобы поднять таз с водой и половую щетку.

— Вы не будете скрести этот пол! Это делает Карлос. Довольно того, что я вынужден принять ваше предложение приготовить завтрак моей бабушке, но я не позволю вам марать руки неблагородными и унижительными занятиями! Не спорьте со мной, девчонка! — прорычал он, увидев ее открытый рот. — Я немедленно распоряжусь!

Он рванул к двери, выходящей во внутренний двор.

— Карлос! — проревел Джек.

Ответа не последовало, а потому, бормоча проклятья, он был вынужден выйти из дома на поиски слуги. Внезапно Джек остановился, кое-что вспомнив. Постоял немного, по-видимому, в некоторой растерянности.

— Моей... э-э... бабушке... э-э... нужна горячая вода... Будьте добры... э-э... вас не затруднит подогреть ее?

— Подогрею, конечно, — ответила Кейт.

Он закрыл за собой дверь. Кейт повернулась, чтобы принести воду, и подскочила от неожиданности, когда дверь вновь открылась, с треском.

— И даже *не думайте* относить ей воду сами, вы слышите меня? — проревел ей Джек.

Кейт удивленно на него уставилась.

— Ее отнесу я. Для вас это слишком тяжело, — пробормотал он и вновь удалился.

***

— Я не могу оставаться здесь в таких убогих условиях, — заявила леди Кейхилл.

Джек подавил победную усмешку. Он надеялся избавиться от нее, и вот, похоже, его молитвы услышаны.

— Я же предупреждал вас, бабушка, этот дом не пригоден для приема гостей.

— Не стоит этим гордиться, мой мальчик, — возмутилась она. — Я отправила Смизерз собирать мои вещи. Перед возвращением домой я заеду в Олдерби и проведу там неделю или около того.

— Что ж, если вы желаете вовремя прибыть в Олдерби, то должны выехать отсюда не позднее двух часов.

Он поднялся.

— Сядь, мальчик. Я еще не закончила. Нам нужно поговорить о девушке.

Джек нахмурился, затем напустил на себя совершенно безразличный вид и пожал плечами:

— Я думал, она отправляется жить с вами. Или вы передумали?

— Нет, не передумала! Я по-прежнему горячо желаю, чтобы она переехала жить ко мне и стала выходить в свет, пользуясь правом, данным ей от рождения.

— Хорошо, значит, все улажено.

Джек потянулся всем своим длинным худощавым телом.

— Вовсе нет! — едко возразила старая леди.

Внук повернулся и вопросительно поднял брови.

— Глупая девчонка и слышать не хочет о моем плане.

Густые темные брови хмуро сошлись на переносице:

— Что? Вы хотите сказать, эта девушка... — он махнул головой в сторону двери, — ... эта полуголодная маленькая оборванка отказала вам? — в его голосе звучало недоверие. — Отклонила предложение, означающее, что она будет сытно питаться, носить самые элегантные наряды и посетит все великосветские места? — Джек запустил руки в шевелюру и взъерошил свои темные волосы. — Не верю.

— Но это правда! — раздраженно заметила бабушка. — Она уже успела отказать мне не меньше двух раз.

— Она знает от чего отказывается? — спросил он. — Вы ей объяснили? Описали, на что будет походить ее жизнь?

Ответом ему стал испепеляющий взгляд.

— Да, да, полагаю, вы это сделали, — пробормотал он, изумленно качая головой.

Ни одна из знакомых ему женщин не отказалась бы от такого великолепного предложения, даже мысли не допустила бы, что уж говорить о девчонке, находящейся в столь отчаянном положении, как Кейт. Женщины, как он уже понял, никогда своего не упустят.

— Боже, да у нее не все в порядке с головой.

— Ничего подобного, — сухо возразила его бабушка. — Она страдает тем же недугом, что и ты.

Он напрягся и посмотрел на нее свысока:

— И что это, позвольте узнать.

— Непомерная непробиваемая гордость.

— Непомерная... э-э... гордость?! — чопорно воскликнул Джек. — Не понимаю, о чем это вы.

Он почувствовал, как пронизательные синие глаза сверлят его взглядом, и сжал зубы. Она имела в виду свое предложение помочь ему деньгами, сделанное в то время, когда он только что вернулся в Англию. Тогда Джек недвусмысленно от него отказался, и будь он проклят, если доставит ей удовольствие и вновь вернется к этому вопросу.

— Эти две ситуации не имеют ничего общего. — Он проигнорировал недоверчивую дугу, в которую выгнулись ее изящные, тонко очерченные карандашом брови. — В любом случае, как ее нынешнее положение может касаться лично меня?

— Девочка желает наняться в служанки.

— Что?! — его голос был подобен грому.

Ранее Кейт упоминала об этом, но он ей, естественно, не поверил. Для девушки благородного происхождения серьезно рассматривать такую перспективу — вещь неслыханная, особенно, если у нее есть иной выбор.

— Это же нелепо! — Понимая, что чересчур сильно реагирует на ситуацию, он понизил голос: — Не может же она всерьез об этом думать. Какую игру она затеяла?

— Разумеется, нелепо, — подтвердила его бабушка. — Но, я уверена, она вовсе не шутит. Кейт намеревается зарабатывать деньги собственным трудом. Когда мы впервые встретились, она приняла меня за свою новую хозяйку.

— Что ж, раз она так упорно настроена разрушить свою жизнь, что вы можете сделать? — произнес он с показным равнодушием, которым никого не обманул.

Леди Кейхилл улыбнулась особой улыбкой, что в прошлом неизменно вызывала у семьи тревожное чувство. Джек взглянул на нее с подозрением.

— Я предоставлю ей место, которого она так добивается.

— Место вашей служанки? — недоверчиво уточнил Джек. — Должен сказать, бабушка, на мой взгляд, это несколько нечестно...

— Не моей, — прервала его пожилая леди. Глаза Джека сузились, его посетило мрачное подозрение, и в этот самый момент бабушка добавила: — А твоей.

— Моей! — взорвался он. — Будь я проклят...

— Твоей экономки, хочу я сказать, — невозмутимо продолжила бабушка. — Ясно, как божий день, тебе необходим человек, который не позволит этому дому погрязнуть в варварстве, и ты сам сказал мне, что не желаешь попусту растрачивать деньги, нанимая для этого слуг. Однако я не готова позволить члену моей семьи жить в таких позорных условиях. И ты должен признать, таким образом блестяще решаются сразу две проблемы.

— Ничего я не собираюсь признавать! — сердито возразил Джек. — Я не потерплю столь бесцеремонного вмешательства в мои дела, бабушка!

— Значит, помочь девочке ты не желаешь?

— Помочь ей? Разрушить ее социальный статус, наняв в качестве служанки... экономки? Я не думаю...

— Да, Джек, ты не думаешь. Я, разумеется, пришлю ей в компаньонки какую-нибудь почтенную даму. И, естественно, об обычном найме речи не идет. О чем я девочке и скажу: если она согласится управлять твоим домом в течение шести месяцев и превратит его в жилище джентльмена, вместо этого убожества, где леди не может даже попросить себе чашку шоколада, чтобы подкрепиться, в этом случае я буду считать, и, что еще важнее, так будет считать она, — ее светский сезон в Лондоне отработан. *Ее гордость останется при ней*, ты заживешь как вполне цивилизованный человек, а я смогу представить дочь Марии обществу.

Леди Кейхилл откинулась назад и посмотрела на внука с некоторой долей удовлетворения.

— А, тем временем, я найму человека, который разберется с денежными делами Кейт. Не могу поверить, что у нее нет ни пенни за душой. Итак, она остается здесь, пока я все устраиваю. И, приводя в порядок этот дом, скучать ей не придется. Так что, все улажено.

— Нет, *неулажено*.

— Джек, твой отказ от данного плана будет означать конец этой девочки. Говорю же, по упрямству и глупости вы как те два сапога... Она прямо заявила, что не примет милостыню ни от меня, ни от кого-либо еще.

Джек встретил ее невозмутимый взгляд.

— Ах! Черт возьми!

Он от досады стукнул кулаком по столу.

Бабушка улыбалась. Она подняла руку и потрепала его за подбородок:

— Я знала, в конечном счете ты со мной согласишься.

— Нет, — рявкнул он.

— Но ты же позволишь ей остаться.

— Более нелепого, необдуманного, неудобного и возмутительнейшего плана я в жизни не встречал!

— Прекрасно, значит, ты его поддержишь! — самодовольно кивнула его бабушка.

Он пригвоздил ее взглядом и впился пальцами в свои волосы.

— Что ж, хорошо, вы не оставляете мне выбора, и я, несомненно, заслужил

аплодисменты всех обитателей Бедлама, раз согласился на это!

— Не глупи, мальчишка, — возразила леди Кейхилл, внезапно снова переходя к делу: — Лучше пошли своего человека в деревню, чтобы он велел извозчику приехать и забрать мой багаж. О, но сначала ты пригласишь сюда Кейт. Я объясню ей, чего именно ты от нее ожидаешь.

— Что я ожидаю?! — начал он, но к счастью заметил, как вызывающе сверкнули глаза бабушки. — Да, — вынужденно согласился он, — так и говорите, бабушка, — и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

***

— Итак, моя дорогая Кейт, как вы сами видите, дом моего внука находится в крайне запущенном состоянии, и пока вести домашнее хозяйство Джека некому.

Леди Кейхилл приложила изысканный кружевной платочек к морщинистому веку, подчеркивая свое душевное страдание.

Девушка задумалась. Леди Кейхилл не стала вновь уговаривать Кейт ехать с ней в Лондон, чтобы потом представить ее обществу. Кейт охватило смешанное чувство разочарования и облегчения. Совсем крошечная ее часть, дикая, непокорная и ветреная, которую ее отец так старательно искоренял, страстно желала Лондонского сезона. Кейт безжалостно ее подавила. Слишком поздно для всего этого.

Ей на ум пришла замечательная идея. Возможно, именно это ее шанс. Навыки ведения домашнего хозяйства могут снова оказаться ее спасением. С поддержкой леди Кейхилл Кейт могла бы найти свое место в этой семье, трудом обеспечить себе крышу над головой, безопасность и средства на жизнь.

— Мэм, — начала она нерешительно, — если вы пожелаете... я имею в виду, если вы думаете, что я подхожу... я могла бы стать здесь экономкой.

— Вы, деточка? Не смешите! Вы не можете работать экономкой моего внука! — возразила старая паучиха юной мушке.

— Конечно, могу, мэм. Я молода, но опыта мне не занимать. Я много лет была экономкой у своего отца. А здесь, вероятно, лучшее место из тех, что я смогу найти. — Кейт старалась сдерживать рвение, так и звучавшее в ее голосе. — Я бы очень хорошо заботилась о вашем внуке, а вы были бы уверены, что я в безопасном и надежном месте.

Леди Кейхилл задумчиво постучала пальцем по маленькому столику, что стоял перед ней, и скривилась, увидев, сколько на нем собралось пыли.

— Тьфу! — с отвращением воскликнула она. — Позорище, а не дом! И вы полагаете, что приведете его в порядок? — Она посмотрела на Кейт. — Но это невозможно, вы же понимаете.

— Мэм? — подала голос Кейт, взволнованно морща брови.

— О, в ваших способностях я нисколько не сомневаюсь, — добавила леди, видя готовность Кейт оспорить последнее утверждение. — Но не могу же я платить жалованье дочери Марии Делакомб!

Она произнесла слово «жалованье» так, словно оно являло собой чудовищное

оскорбление.

У Кейт упало сердце. Без денег ей не выжить.

— Однако должна признаться, я волновалась бы о своем внуке гораздо меньше, будь я уверена, что о нем заботится кто-то здравомыслящий. Ужасное несчастье, что он никогда не сможет ездить верхом, но с этим я вынуждена примириться, как и он...

Кейт нахмурилась. Джек сильно хромал, это правда, но она все хорошенько рассмотрела. И, как ей показалось, хромал он не сильнее Джемми... Возможно... Голос леди Кейхилл отвлек ее от раздумий.

— Я не позволю погрязнуть ему в праздности и нищете.

Пожилая леди оценивающе посмотрела на девушку.

Кейт задержала дыхание.

— Хорошо, Кейт Фарли, я заключу с вами сделку. Вы работаете здесь как экономка моего внука в течение следующих шести месяцев без жалованья. А после вы приезжаете ко мне в Лондон, остаетесь жить со мной, а я представляю вас обществу.

Глядя на пожилую леди, Кейт заморгала от удивления. «Какое сказочное предложение. Даже слишком сказочное, — немного подумав, решила она, — и совершенно невыполнимое». Она открыла было рот, чтобы отказаться.

— Ну, дитя, что скажете? Смогу я уснуть сегодня с легким сердцем, зная, что мой внук находится в хороших руках, или нет? — Леди Кейхилл мягко и доверительно коснулась руки Кейт. — Моя дорогая, я знаю — жить в Лондоне с такой вот старухой, не совсем то, о чем мечтает каждая юная девушка, но мне действительно нравится, если рядом есть кто-то молодой. Вы оказали бы старой вдове большую любезность.

Ком в горле Кейт угрожал задушить ее. Она никогда не думала, что сможет снова в ком-то обрести такую доброту. Ей этого не выдержать. К тому же она не могла использовать неведение пожилой женщины в своих интересах.

Леди Кейхилл сделала ей предложение, не зная истинной причины, по которой Кейт никогда не сможет войти в высшее общество и рассчитывать на замужество; не зная, почему ни один приличный мужчина не пожелает ее. Кейт должна ей все рассказать, объяснить раз и навсегда. И тогда она сможет с чистой совестью уехать отсюда и вернуться к той жизни, которую определила для себя до вмешательства леди Кейхилл с ее добрыми побуждениями.

— Леди Кейхилл, — начала Кейт, — я действительно вам благодарна, но вы сделали мне предложение, не подозревая обо всех обстоятельствах. Прими я его, вы, как только узнали бы правду, несомненно, стали бы меня презирать. Общество осудило бы вас или посчитало, что вы по глупости позволили обвести себя вокруг пальца.

Взглянув на лицо Кейт, леди Кейхилл воздержалась от крепкого замечания, которым хотела выразить свое полное безразличие к мнению общества, какого бы вопроса оно ни касалось.

— Могу я спросить почему, деточка?

Кейт сильно нервничала. Она не хотела ничего рассказывать леди Кейхилл, не хотела потерять ее привязанность и уважение. Но другого выхода не было. Со временем ее история все равно выплывет наружу — так всегда происходит. Лучше покончить с этим сейчас, чтобы данная угроза над ней больше не висела.

— Я не гожусь в жены, — наконец решилась сказать Кейт.

— Вы мне расскажете почему, дитя?

— Это длинная история, — ответила Кейт. — Когда мои братья, Джемми и Бен, отправились на войну на Пиренейский полуостров, мы с отцом последовали за ними. Последние три года я провела, живя вместе с армией.

— Деточка. Как это для вас ужасно! — воскликнула потрясенная леди Кейхилл.

Кейт покачала головой:

— Нет, мэм, совсем нет. По правде говоря, эти три года, пока мальчики с отцом были живы, оказались самыми лучшими в моей жизни.

Леди Кейхилл охнула, не веря своим ушам, и Кейт печально улыбнулась:

— Боюсь, что это так. Я... я... понимаете, я всегда была сорвиголовой и нашла, что жизнь в армии меня устраивает... гораздо больше, чем в доме священника. Там я не была одинока, и... и мой отец ценил меня, как никогда прежде. — Она посмотрела вниз на руки. — Понимаете, когда мама умерла, папа обвинил в этом меня, ведь она скончалась во время родов.

— Но, деточка, это же не ваша...

— О, я знаю, но папа никак не мог принять эту мысль... Вы сказали, что у меня глаза моей матери... Папа был хорошим человеком, но, глядя на меня, он видел только мою умершую мать... поэтому он *никогда* не смотрел на меня. Никогда.

На последнем слове Кейт задохнулась.

— О, моя дорогая...

— Но на полуострове все каким-то образом изменилось. Возможно, перед лицом смерти и опасности все остальное померкло. Не знаю... А может, дело в том, что в столь тяжелых условиях самые обыкновенные удобства многого стоят... — Кейт посмотрела на леди Кейхилл. — Понимаете, из меня вышла неплохая экономка. А горячая еда почти в любое время суток, теплое сухое место для сна и чистая одежда — все это так много значит для мужчин на войне...

Кейт вздохнула:

— Они действительно во мне нуждались, и, как никогда в жизни, меня переполняло счастье... пока... бедного Бена не убили в Сьюдад-Родриго [\[14\]](#)... — Она на мгновение

замолчала, после чего продолжила: — А затем при Саламанке ^[15] все полетело в тартарары.

Леди Кейхилл нахмурилась: при Саламанке ранило Джека.

Пока Кейт говорила, ее руки бессознательно складывали ткань юбки в крошечные складочки.

— В прошлом июле наша армия отступала от реки Дору ^[16] назад к Саламанке... Вы, возможно, читали об этом; газеты терпеть не могут, когда мы сдаем позиции. Французы едва не наступали нам на пятки. Время от времени они даже шли параллельно с нами, так близко, что мы видели их сквозь витавшие клубы пыли, — она сглотнула. — Джемми был ранен в грудь... Мы положили его в нашу повозку... но из-за пыли и невообразимого хаоса далеко от всех отстали.

Кейт перевернула получившийся ряд плиссировки и начала его распрямлять, складка за складкой.

— Потом был ранен папа, — продолжила она унылым безжизненным голосом. — В живот. Мне... мне удалось разместить его и Джемми в заброшенной постройке. Полуразрушенной, правда, но, по крайней мере, для убежища она годилась... Джемми умер в первую же ночь... Папа продержался еще пару дней... У меня было немного настойки опия, и я хотя бы... я смогла облегчить его страдания...

Леди Кейхилл наклонилась вперед:

— Бедное, бедное дитя...

— Что случилось потом, я совершенно не помню... прошло более месяца, прежде чем я стала что-то осознать. — Кейт расправила юбку, разглаживая ткань дрожащими руками. — Однажды утром я проснулась и поняла, что нахожусь во французском лагере. Офицер, Анри дю Круа, допрашивал недавно захваченных пленников — английских пленников. Я понятия не имела, как я там оказалась.

Кейт била дрожь, но она не остановилась:

— Это было ужасное чувство... Позже я узнала, что офицер, Анри, нашел меня блуждающей возле Саламанки. Я была ранена... в голову. — Ее рука непроизвольно коснулась шрама, почти скрытого под волосами. — Очевидно, я ничего не помнила, даже своего имени, хотя он, конечно, понял, что я англичанка. Я стала его заключенной... и его любовницей.

Кейт вспыхнула от тихого возгласа леди Кейхилл. Она не могла смотреть на пожилую леди. Ее руки вновь принялись замысловато складывать ткань.

— Оказалось, что уже месяц как я живу с ним, сплю с ним в его палатке... — Кейт с трудом сглотнула и выдавила из себя: — ...живу с ним, как муж и жена. — Она покраснела, став ярче самой красной розы, и добавила: — Я знаю, что это правда... я это вспомнила. Вы не должны думать, что он был совершенно безнравственным человеком — по-своему, я думаю, он даже любил меня... но, клянусь вам, я не осознавала того, что происходит... больше месяца после Саламанки... а потом... потом стало уже слишком поздно.

Она глубоко судорожно вздохнула и заговорила вновь, настроенная довести рассказ до конца:

— После в Лиссабоне меня называли французской шлюхой... и изменницей.

Леди Кейхилл потрясенно ахнула.

— Изменницей — за то, что я ухаживала за ранеными французскими солдатами. Понимаете, у меня имелся некоторый опыт в этом деле. И хотя они были врагами, я не вижу преступления в том, что делала. Для меня они были всего лишь мужчинами, такими же, как

и наши: уставшими, голодными, мучающимися от боли и стремящимися к своим любимым, прочь от этой ужасной войны. Об этом я не сожалею... Итак, теперь вы все знаете, — пожав плечами и опустив глаза, произнесла она.

Юбка ее помялась и перекрутилась. Голос снова стал громче от душевного страдания:

— Но я *не соглашалась* быть любовницей Анри... он сказал мне, что он мой муж, и я ему поверила. На своем пальце я обнаружила кольцо, хотя и не знала, как оно там оказалось. В то время я не могла вспомнить даже своего собственного имени, и потому я ему верила! Он был очень убедителен. Он сказал, что я его английская жена. Я бы никогда сознательно...

— Прекрати, дитя! Не надо себя терзать. Я нисколько не сомневаюсь в твоих словах, — прервала ее леди Кейхилл.

Огромные, залитые слезами серо-зеленые глаза смотрели на нее с сомнением.

— Ох, тьфу ты, детка, — грубо воскликнула пожилая леди, похлопывая Кейт по колену. — Думаешь, я не знаю, что ты благородная душа?

Кейт вздохнула, глубоко и прерывисто. На ее ресницах дрожали слезы.

— Из тех немногих, кто мне поверил, вы совершенно исключительный человек, мэм. Меня считали и распутницей, и лгуньей, и изменницей.

— Боже мой, деточка! Любому мало-мальски здравому человеку ясно, что ты не из таких. По мне, так ты все сделала правильно. И я уважаю тебя за то, что ты ухаживала за их ранеными. Расскажи мне, как тебе удалось вернуться на английскую территорию?

— Что ж, как я уже сказала, ко мне вернулась память, когда Анри допрашивал английских пленных, — возможно, на это повлияла услышанная мною английская речь. За день или два я поняла, что произошло на самом деле, и придумала план побега. Тогда я выкрала лошадь и ускакала на союзническую территорию. Сделать это было нетрудно из-за французской деликатности — женщин подозревали меньше, чем мужчин. — Она вспыхнула. — Теперь вы видите, почему я не могу показаться в обществе или выйти замуж.

— Ничего подобного я не вижу, — возразила леди Кейхилл, — как не вижу и причин, почему кто-то должен об этом знать...

— Все дело в официальных записях, — печально пояснила Кейт. — Я вернулась в английскую армию спустя почти шесть недель после смерти своего отца. Естественно, меня допрашивали, проверяя, не являюсь ли я шпионкой. Некоторые офицеры, разговаривавшие со мной, не верили в потерю памяти. Другие же интересовались только тем, что я могу рассказать им о французах. Предполагалось, что все держится в тайне, но когда я прибыла в Лиссабон, там уже все знали о худшем, — с горечью закончила Кейт.

Наступила долгая пауза.

— Надеюсь, вы понимаете, что вовсе не каприз или ложная гордость препятствует моим попыткам найти себе мужа, — добавила она. — Еще с тех пор, когда я была маленькой девочкой, я мечтала о свадьбе, ждала человека, которого смогу полюбить навсегда... и, играя с чужими детьми, готовила себя к тому, что и у меня будут свои собственные дети. — Она неосознанно гладила измятую ткань юбки. — Я отказалась от этой мечты... но не по собственной воле.

Леди Кейхилл открыла было рот, чтобы возразить, но Кейт продолжила:

— В Лиссабоне я поняла, что меня ждет, если снова попытаюсь войти в общество. Мэм, меня избегали, осыпали бранью... даже оплевывали английские леди, среди которых были и мои, как я полагала, подруги... — Ее дыхание перехватило под тяжестью воспоминаний обо

всех тех перешептываниях, косых взглядах, похотливом любопытстве и прямой враждебности. — А мужчины, которых, как я думала, знала, и которых считала порядочными джентльменами, христианами, пытались дотронуться до меня, делали непристойные предложения.

Французская шлюха — удобная мишень для нападок и оскорблений.

— Даже Гарри... мой жених...

Кейт содрогнулась.

Глаза Гарри пробежались по ее телу тем взглядом, который он никогда не позволял себе прежде. И тут понимание пронзило сердце Кейт, как ледяной клинок. Он такой же, как и все остальные.

— Было невыразимо мерзко... и я не вынесу этого снова. — Кейт устало взглянула на леди Кейхилл. — Именно поэтому я не могу принять ваше столь любезное предложение, вот почему я не могу искать мужа или показаться в обществе. Я не вынесу встречи с кем-то, кто знает, что со мной случилось.

Она попыталась улыбнуться:

— Понимаете, это не так уж плохо. Нельзя потерять то, чего не имел. Меня никогда не воспитывали, как других девочек. Я молода и здорова, и... — она вытерла глаза, — вовсе не такая ужасная плакса. Если бы я смогла найти место няньки или компаньонки... Вы можете мне в этом помочь... или нет?

Леди Кейхилл была глубоко тронута. Он видела, как тяжело изранена душа Кейт. Незачем прямо сейчас заставлять девочку соглашаться с каким бы то ни было планом. Она все еще слишком уязвима и пока не может вновь рискнуть своим сердцем и надеждами — ей необходимо время, чтобы оправиться. Леди Кейхилл готова помочь Кейт, но не с местом няньки. Нет, если уж от нее что-то зависит в этом деле, то мечта дочки Марии Делакомб сбудется. Она потянулась, взяла руку Кейт и крепко сжала.

— Разумеется, я помогу тебе, деточка. Попытайся оставить неприятные воспоминания в прошлом. Ты оказалась в трудной ситуации, но повела себя достойно, как истинная леди-христианка. Уверена, и твой отец, и твоя мать очень бы тобой гордились. Я знаю, о чем говорю.

На глазах Кейт выступили слезы. Она поняла — устоять перед добротой гораздо тяжелее, чем перед жестокостью. Старая дама заключила девушку в тесные объятия и не отпускала пару мгновений.

— Леди Кейхилл, вы видите...

— Нет, как раз сейчас я ничего не вижу, — прервала ее леди Кейхилл, вытирая глаза. — Эта гадкая краска размазалась по лицу, и я отказываюсь что-либо делать или говорить, пока ее не восстановят. Пришли ко мне мою горничную, а тем временем пойдешь, умоешь лицо и расчешешь волосы. И минут через двадцать возвращайся ко мне.

Кейт, совершенно ошеломленная, уставилась на нее. Внезапно внутри нее стал зарождаться смех, и она, откинувшись назад, смеялась до тех пор, пока на глазах вновь не выступили слезы.

Заметно перепачканное лицо старой леди светилось симпатией, теплом и озорством.

— Все верно, моя девочка. И поплакали, и посмеялись. Как раз то, что и советуют доктора. А теперь, — оживленно продолжила она, — пришли ко мне Смизерз и пойдешь, умоешься. Что у тебя за вид!

Чуть позже днем Кейт помогла пожилой леди подняться в экипаж и постояла на подъездной дорожке, махая на прощание рукой. Леди Кейхилл обещала «сделать все, что возможно, лишь бы помочь дочери Марии», и Кейт уверилась, что ей найдут место няньки в тихом милом семействе.

В благодарность Кейт согласилась привести в порядок дом мистера Джека Карстерза — довольно не сложная работа. Вполне ей по силам. Может, уборка дома и не доставляла ей огромного наслаждения, но Севеноукс, вне всяких сомнений, крайне нуждается в заботе и уходе, и превратить полуразвалившийся дом в элегантное жилище будет подлинным удовольствием. К тому же сюда должна приехать ее старая нянька Марта. «Как это замечательно», — подумала Кейт. Марта была ей очень дорога, и ее присутствие не даст Кейт чувствовать себя слишком одинокой. Кроме того, Марта знала и любила Джемми и Бена.

«А еще, — подумала Кейт, мысленно отмечая выгоды, — я теперь живу в живописной сельской местности и могу совершать длительные прогулки, как только пожелаю». По сути, она вольна делать все, что угодно, и когда ей угодно. Кейт теперь сама себе хозяйка, и ей очень хотелось насладиться редкостной свободой, пока та у нее имелась. К тому же в ней, Кейт, нуждались.

Она ни капли не сомневалась, что внуку леди Кейхилл просто необходимы ее навыки и что, как только он почувствует, насколько легче стала его жизнь при экономке — в ее, Кейт, лице, — то будет ей благодарен. Вероятно, найдется применение и ее целительским способностям — она, может, даже подлечит его покалеченную ногу и уменьшит ужасную хромоту. Они даже могли бы стать друзьями, с надеждой подумала Кейт. Безусловно, поначалу Джек Карстерз продемонстрировал несколько деспотичный и неуживчивый характер, но это, главным образом, ее вина — она дразнила и обманывала его.

Кейт была уверена, что мистер Карстерз окажется в точности таким же, как папа или мальчики, или все остальные мужчины, которых она когда-либо знала, — если вокруг чисто и уютно, а желудок полон вкусной едой, то ему, Джеку, не будет дела до ее занятий.

Карлос усмехнулся, услышав, как гроыхает голос его хозяина, на сей раз доносясь из комнаты для завтраков. Он подкрался поближе в надежде заглянуть в открытое окно.

— Я ведь предупреждал вас, вы не будете скрести полы! — глубокий сердитый голос гремел от возмущения.

— Ах, да, я забыла — вы же предпочитаете жить в грязи, — бесстрастно ответила Кейт.

— О, не будьте смешны! — рявкнул Джек.

— И что прикажете мне делать? — парировала она сердито. — Вы же видите — эти полы нуждаются в хорошей чистке. И кто-то должен этим заняться, а вы отлично знаете, что

Марта слишком стара для такой работы. Я молода и полна сил, а значит, независимо от ваших слов, если что-то необходимо вычистить, я это вычищу.

— Это неприемлемо!

— Теперь вы сами смешны! — гневно возразила Кейт. — Скажите же мне, что приемлемо для экономки? Когда я снимаю шторы, чтобы выстирать их, вы орете и запрещаете мне это делать! Если я мою окна, чтобы в них можно было хоть что-то разглядеть, кроме их собственной грязи, вы вдруг возникаете из ниоткуда и вопите, что такое занятие совсем не для меня! Ваше вмешательство просто невыносимо! Пожалуйста, мистер Карстерз, уйдите и позвольте мне продолжить свою работу!

— Я же сказал, вы ничего не будете скрести! Вы только поглядите, на кого вы похожи! Подбородок в грязи, на носу пятно, волосы торчат во все стороны!

— О, да, насмехайтесь надо мной, пока я занимаюсь настоящей работой!

Кейт одной рукой яростно протерла лицо, другой — откинула непокорные локоны с глаз.

— Вы пропустили пятно.

Он потянулся и щелкнул ее по кончику маленького немного вздернутого носа, его губы дернулись в невольной улыбке.

Кейт разъяренно фыркнула и вернулась к прерванному занятию, полностью игнорируя стоящего перед ней человека.

— Я же сказал, вы *не будете* ничего скрести!

Карлос усмехнулся. Он знал этот тон. Последует неминуемый взрыв, если сеньорита Кейт не сделает так, как велено. Он придвинулся ближе, желая лучше рассмотреть все детали представления, но затем поспешно наклонился, поскольку в окно полетело ведро.

— О, ради бога! — воскликнула Кейт. — Что за ребячество!

У Карлоса округлились глаза. Дерзить майору Джеку! Когда он явно не в духе! И назвать его действия ребячеством! Карлос осторожно поднял голову, пытаясь снова заглянуть внутрь, но тут же спрятался, заметив, что хозяин направляется в его сторону. Карлос, ни за что не желая быть пойманным за подслушиванием, нырнул в соседний кустарник.

— Карлос! — завопил Джек, высунув голову в окно. — Карлос!

— Э-э... *si*, майор Джек, — пробормотал Карлос, смущенно вылезая из кустов.

— Что, черт возьми, ты там делаешь?

— Э-э... — открыл рот Карлос.

— Ладно, неважно. Там где-то валяется ведро. Найди его и налей горячей воды. После этого иди сюда и отдрай здесь полы. Живо!

У Карлоса отвисла челюсть.

— *Si, si*, майор Джек, сию минуту, — пробормотал он.

Драить! Опять! Он печально взял ведро и направился в буфетную. Скрести полы — не мужская работа! Если сеньорита Кейт хочет этим заниматься, так почему же майор Джек не позволяет ей этого?

— Живо, я сказал! — послышался окрик из окна.

— *Si, si*, уже бегу, майор Джек.

Карлос стремглав понесся выполнять хозяйский приказ.

Кейт поднялась с пола. Без воды его не отчистить, и, по правде говоря, она с удовольствием передала бы это дело Карлосу — скрести полы она ненавидела. Во всяком

случае, пока Джек Карстерз стоит на страже возле половой щетки, работать не получится.

Она впилась взглядом в его суровый профиль, не зная, что делать с его командирскими замашками. Зачем он постоянно во все вмешивается? С другой стороны, он ведь спасает ее от занятий, которые она так ненавидит. Она совсем запуталась. Ни папе, ни мальчикам не было дела до того, чем она занималась. Джек Карстерз был, можно сказать, чужим ей человеком, и все же он как-то странно... она могла бы назвать это только защитой.

И это ей кое о чем напомнило.

— Э-э... мистер Карстерз, — застенчиво произнесла она.

— Что, черт возьми, вам еще надо?

— Я... я хочу поблагодарить вас.

Джек в изумлении резко повернул голову.

— Вчера я застала Карлоса в своей комнате.

Брови Джека сошлись на переносице.

— Он сказал, что это вы ему приказали.

Внезапно Джек понял, о чем она говорит.

— А, это, — довольно грубо пробормотал он и повернулся, собираясь уйти.

Кейт, схватив за руку, остановила Джека.

— Он должен был смести всю паутину и убить каждого паука. И, полагаю, вы приказали ему проделать то же самое во всех других комнатах. Это очень любезно с вашей стороны и заботливо, и было бы неучтиво не поблагодарить вас. И я благодарю, от всей души.

Джек посмотрел на ее милое лицо и ощутил, как его затопило тепло. Он вглядывался в ясные глаза и чувствовал мягкое давление ее ладонки на свою руку. Уловил слабый ускользающий аромат, исходивший от нее и так непохожий на любые известные ему дамские духи. Однако запах казался странно знакомым.

— Какими духами вы пользуетесь? — неожиданно спросил он.

Кейт отпустила его руку и отступила чуть назад. Джек к своей досаде заметил, как в глазах ее промелькнула настороженность.

— Я не пользуюсь духами. Они мне не по средствам.

— Но каждый раз, стоя рядом с вами, я чувствую этот запах — едва уловимый аромат.

Кейт слегка покраснела:

— Это всего лишь розмарин.

— Что?

— Аромат, о котором вы говорите. Это — розмарин ^[17], кустарник. Я добавляю его листья в воду для ополаскивания волос и кладу веточки в одежду, чтобы придать ей свежесть. Его полным-полно растет повсюду, собирай, сколько хочешь, и я очень люблю его запах. Очевидно, я с ним переборщила, — сказала она, защищаясь.

Явно переборщила, подумала она, если он заговорил о ее запахе.

Он задумчиво на нее посмотрел:

— Нет, не переборщили. Очень приятный аромат.

— Карлос. Эта ферма, которую ты посещаешь, — в этот же день обратился Джек к слуге.

— Ферма? — осторожно переспросил Карлос.

— Та, куда ты так часто ходишь. Со всеми этими дочерьми, — нетерпеливо уточнил Джек. — Я хочу, чтобы ты немедленно туда сбегал.

— *Si*, майор Джек. — Карлос просветлел. — Позвать пару девчонок?!

Он вытаращился на хозяина.

— Сотри это нелепое выражение со своего лица, ты, дурачина! Я хочу, чтобы эти девчонки явились сюда работать.

— Вы имеете в виду, драить, сэр? — нерешительно произнес Карлос.

— Да, и выполнять любые другие поручения. Мисс Фарли не может справиться со всем, что, как ей кажется, необходимо сделать.

Усмешка пересекла темное лицо.

— *Si*, майор Джек! Я мигом их приведу!

Карлос с готовностью кинулся выполнять поручение.

— И, Карлос... — остановил его голос хозяина. — Чтобы никаких шашней с девицами, пока они здесь работают, понятно?

— *Si*, майор Джек, — уныло вздохнул Карлос.

Он направился к ближайшему коттеджу, где у горемыки-фермера имелось семь дочерей, которых необходимо было кормить, одевать и каким-то образом выдать замуж. А значит, будет нетрудно убедить двух из них отправиться работать в дом такого джентльмена, как майор Джек.

Пробираясь по мокрым грязным полям, Карлос постепенно веселел. Ему не разрешили развлекаться с девицами, но, по крайней мере, он больше не будет выполнять унижительную работу по чистке полов. И потом, если у мисс Кейт появится несколько помощниц, она наконец перестанет постоянно выводить из себя майора Джека.

***

— Какого дьявола вы не станете ее носить?

— Мистер Карстерз, вы должны понять, я не могу принять от вас одежду, — спокойным тоном проговорила Кейт, однако подбородок ее был вызывающе вздернут.

— Почему, дьявольщина, не можете?

— Это неприлично, — сдержанно ответила Кейт. — И, кроме того, у меня и так достаточно одежды, которая может мне здесь понадобиться. Марта привезла сундук с моими вещами.

— Вздор! — взорвался он. — Вы самая упрямая женщина, которую я имел несчастье встретить! И прекрасно понимаете, что надетые на вас тряпки годятся только для того, чтобы сжечь их!

Кейт закусила губу, сдерживая уже готовое слететь с языка возражение. Но Джек был в какой-то мере прав. Сундук со всей ее одеждой, которую она носила в Испании, а также все

бумаги и вещи ее отца оказались утеряны, когда ее захватили французы. А наряды, оставшиеся в Англии, относились ко времени ее беззаботной юности. От безысходной бедности все более или менее модное и стильное Кейт продала. Остались только очень старые и поношенные платья, теперь из-за траура окрашенные в черный цвет.

— Моя одежда, может, и не заслужила вашего одобрения, сэр, однако она идеально соответствует моему положению.

— Вовсе нет! Вы — подопечная моей бабушки!

— Нет, мистер Карстерз, я здесь — экономка!

Джек в отчаянии провел рукой по волосам. Девчонка перечила ему на каждом шагу!

— Думаете, мне хочется выслушивать разговоры про то, насколько мало я вам плачу, так что вы не можете даже позволить себе одеться как приличный человек?

— Однако вас никто не посещает, и вы ни с кем, по сути, не общаетесь, потому я плохо себе представляю, у кого может возникнуть по этому поводу хоть какое-то мнение, и, значит, вас это никак не касается, — парировала Кейт. — Кроме того, вы мне совершенно ничего не платите.

— Но не потому, что не пытался!

— Мистер Карстерз, это место предоставлено мне вашей бабушкой, а не вами. К вам это не имеет никакого отношения, и потому вы должны понять, что ни при каких обстоятельствах я не смогу принять от вас деньги. Ваша бабушка и я заключили соглашение, и это — мое последнее слово по данному вопросу.

Кейт повернулась, чтобы выйти из комнаты, но Джек поймал ее за руку и притянул поближе к себе. Он впился в нее глазами и заговорил низким разъяренным голосом:

— Хорошо, мисс Кэтрин Фарли, тогда вот и мое последнее слово — если вы не примете от меня жалованье и откажетесь от моего предложения о покупке новой одежды, тогда мне не останется ничего другого, кроме как уволить вас!

Удерживаемая его крепкой рукой так близко от его теплого тела Кейт чувствовала себя довольно неловко, а потому с трудом заставила себя посмотреть на него. Какое-то мгновение она вглядывалась в его блестящие — всего в нескольких дюймах от ее собственных — синие глаза. Кейт ощутила, как сильнее сжалась его рука, и ее пульс участился под его неожиданно напряженным взглядом. Воздействие Джека на нее было слишком тревожным — она должна противостоять этому. Кейт рывком высвободилась и стала поправлять юбку, выгадывая несколько секунд, чтобы успокоиться, сознавая, однако, что его пристальный лишающий воли взгляд никуда не делся.

— Вы не можете меня уволить. У вас нет права.

— Еще как есть!

Он сделал несколько шагов в ее сторону. Кейт быстро отступила к двери.

— Я заключила соглашение с леди Кейхилл, а не с вами, и только она вправе меня уволить.

Показав ему язык, Кейт выскользнула за дверь и, что есть духу, понеслась вниз по лестнице.

Это было любезным предложением, подумала Кейт, но мистер Карстерз не хуже нее знал, что с его стороны будет совершенно неприлично покупать ей одежду. Мужчина может делать это только для своей жены... или любовницы. Кейт прикусила губу. Вероятно, для бывшей любовницы французского офицера придираться к таким вещам — чистое лицемерие. Ну и пусть. Вот именно потому, что она слишком уязвима перед подобными

обвинениями, ей необходимо придерживаться самых высоких норм поведения и морали.

Во всяком случае, благопристойное поведение хоть и слабая, но все же защита; без него она будет окончательно раздавлена. Благопристойность — это то, что заставляло ее чувствовать себя дочерью преподобного мистера Фарли, а не падшей женщиной. Без этого Кейт не сможет с легким сердцем приступать к своей ежедневной работе, без стеснения дразнить и провоцировать Джека Карстерза, если ей того захочется, бросать ему вызов, когда его властность становится слишком раздражающей, и спорить с ним в случае несогласия с его утверждениями.

Кейт поняла, что в последние дни слишком много думает о Джеке Карстерзе. Он был первым, о ком она вспоминала, пробуждаясь... и последним, о ком она думала, засыпая. Даже их частые ссоры она находила бодрящими. А в те минуты, когда он доводил ее до бешенства своим вмешательством, Кейт в глубине души не могла не чувствовать, что ее трогает его забота... согревает ее. И в ней в ответ рождались теплые чувства к нему... и чувства эти были опасны.

Они ни к чему не приведут. Если она позволит себе такую слабость, то только ранит себя. Если... нет — когда Джек Карстерз узнает о ее прошлом, то станет таким же, как и все остальные мужчины.

***

Джек впился взглядом в закрытую дверь и, сжав кулаки, тихо выругался. Черт возьми, девчонка бросает ему вызов снова и снова! Но на сей раз ей его не одолеть. Она может думать, что выиграла сражение, но майор Джек Карстерз знал: это была всего лишь предварительная перестрелка. Ведь он служил под началом Денди [\[18\]](#), маркиза Веллингтона, непревзойденного мастера превращать отступление в победу.

Медленная улыбка расплзлась по его худому лицу, и он захромал к письменному столу, сел и начал сочинять письмо своей бабушке.

— *Senorita* Кейт, — позвал Карлос из прихожей, — здесь для вас кое-что есть.

Кейт отвлеклась от своего занятия и с некоторым удовлетворением осмотрелась вокруг. С помощью Милли и Флоренс, девушек с фермы, она удивительным образом преобразила комнату. Старая, разномастная мебель выглядела не в пример лучше, мягко поблескивая после усердного втирания воска. Пыльные шторы сняли и выстирали, и сквозь недавно вымытые окна струился искрящийся солнечный свет поздней осени. Дубовый пол заново отполировали, а старый персидский ковер безжалостно выбили, и он вновь заиграл всем богатством красок.

Пусть Кейт и не любила заниматься домашней работой, но, по крайней мере, та давала зримые результаты, которыми можно было гордиться. Комната выглядела теплой и манящей: небо и земля по сравнению с той, что в свое время вызвала пренебрежительное фырканье леди Кейхилл. Осталось только украсить комнату вазой с цветами или листьями. Возможно, Кейт удастся найти их в заброшенном саду. Она собрала рабочие тряпки и вышла в холл.

— Что там, Карлос?

— Все это доставили для вас, *senorita*.

Он указал на грудку довольно объемистых пакетов, сложенных на длинном столе в холле.

— Для меня?

— Хотите, я отнесу их наверх, *senorita*? — вежливо предложил Карлос.

Вел он себя с ней теперь предельно почтительно. Может, некогда он и считал Кейт тощей маленькой мышкой с ее-то огромными зелеными глазами и поношенной одежкой, и уважал лишь только потому, что так было велено. Но кто бы стал выказывать притворное уважение, видя, как это хрупкое создание невосмутимо противостоит его хозяину? К тому же Карлос не забыл и про кофейник.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, Карлос, — пробормотала Кейт рассеянно, ломая голову над этими неожиданными и таинственными свертками.

С кучей пакетов в руках, следом за еще более нагруженным Карлосом, она поднялась к себе в комнату.

Как только он ушел, Кейт начала вскрывать пакеты, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, голова у нее пошла кругом. В них было все, о чем она когда-либо мечтала. Замечательная теплая мериносовая ^[19]ротонда ^[20]. Никакой ледяной зимний ветер не осмелится проникнуть внутрь и не заставит ее дрожать от холода. Платья из прекрасной теплой ткани темных расцветок — лавандовое, серое, черное и красивого синева-серого цвета — ни одно не могло оскорбить ее чувства в период траура.

И нижнее белье, частично из прекрасного мягкого льна, отделанного кружевом, частично из шелка и атласа — ничего подобного в своей жизни Кейт никогда не видела и не держала в руках. Будет просто грешно одевать такие изысканные вещи, правда ведь? Что же до ночных рубашек и женских сорочек — они и близко не походили на те залатанные, плотные, объемные одеяния, какие носила Кейт большую часть своей жизни.

Она ошарашено гладела на гору чудеснейших вещей, разбросанных по кровати. Наверняка, их купил Джек. Он не пожелал прислушаться к ее словам... Да, но... о, все настолько красиво. И так давно у нее не было никакой обновки, а эти вещи самого высокого

качества. Носить их она, разумеется, не станет, но ничего страшного не случится, если она что-то просто примерит и заглянет в зеркало, представив, хотя бы на мгновение, что все это принадлежит ей.

Она взяла платье цвета голубиноного крыла и встала перед зеркалом, приложив его к себе. Очень элегантно: высокая талия, по низу — вышивка в форме листьев, фасон простой, но безупречный. А ткань — легкая-легкая, но в то же время теплая. Она потерлась щекой о мягкие складки платья и с наслаждением вдохнула восхитительный, свойственный новому наряду, аромат.

Одно за другим Кейт прикладывала платья к своей тонкой фигурке, вертась в них и так, и эдак, пытаясь представить, как бы они смотрелись, если бы она их надела — чего, безусловно, сделать не могла.

Она подхватила длинную ночную рубашку. Великолепный шелк, словно вода, скользил сквозь пальцы. Она подержала ее в руках, воображая, как будет смотреться в ней, и покраснела. Наряд был... весьма нескромным. Дочь преподобного мистера Фарли никогда не имела и даже представить себе не могла подобного одеяния. Через него явно будет видно все: настолько оно казалось тонким. Она просунула пальцы под рубашку и, действительно, ее розовая кожа просвечивалась сквозь тончайший шелк. Кейт покраснела еще сильнее, поспешно положила этот предмет одежды и снова обратилась к платью цвета голубиноного крыла.

— Этот цвет вам очень идет, — раздался от двери глубокий голос.

Кейт ахнула и быстро развернулась, прижимая к себе наряд — ей казалось, что она голая. Джек Карстерз стоял в дверях, небрежно прислонившись к косяку.

— К-как давно вы там стоите? — заикаясь, произнесла Кейт.

Он промолчал, но ленивая улыбка подсказала ответ, и ее румянец стал гуще. Он определенно видел, как она разглядывала шелковую ночную рубашку.

— Я принес вам письмо.

Он посмотрел на беспорядочно разбросанную по кровати одежду, и вкрадчивая улыбка расплылась еще шире. Кейт проследила за взглядом Джека. Тот уставился на нижнее белье и ночные рубашки. Она, с пылающими щеками, торопливо все это схватила и затолкала под платье.

— Ч-что... что вы сказали, вы хотите? — пролепетала она, от стыда не поднимая на него глаз.

— Вам пришло письмо, — тихо ответил он. — И вижу, не только оно.

Джек не смог побороть искушения подразнить ее. Представив эту длинную ночную рубашку, чувственно скользящей по ее коже, он вмиг напрягся всем телом, воображение услужливо нарисовало Кейт, облаченную только в прекрасный прозрачный шелк. А этот румянец, так легко окрасивший ее щеки, залил, несомненно, и другие части тела. Он знал это. И она знала, что он это знает; он догадался об этом по ее смущению. А смутить Кейт Фарли не так-то легко, и раз подвернулся такой случай, он, ей-богу, насладится им сполна. В этот миг маленькая фурия была просто восхитительна: разругавшаяся, растерянная и неуверенная.

— Пожалуйста, отдайте мне письмо, — попросила Кейт, все еще взволнованная его насмешливым глубоким голосом.

Он протянул ей конверт. Кейт потянулась за ним, но Джек молниеносно отдернул руку.

— Сначала скажите «спа-си-бо», — растягивал он слова, продолжая усмехаться.

— Дайте его мне, пожалуйста, — недовольно повторила Кейт.

Что за дурачина! Неужели вообразил, будто она станет сражаться с ним из-за какого-то письма? Еще в детстве Кейт дразнили настоящие эксперты в этом деле — ее братья, — и не так уж она глупа: прекрасно знает, пытаться выхватить у него бумагу совершенно бесполезно. Начать хотя бы с того, что Джек слишком высокий.

В любом случае, она поклялась, что не позволит ему снова до нее дотронуться. Ее стычки с Джеком Карстерзом совершенно не походили на драки, в которые она вступала с братьями. Его прикосновения никак нельзя было назвать братскими; из-за них она чувствовала себя странно беспомощной, внутренне трепетала и ей требовалась вся ее сила воли, чтобы оторваться от него.

— Я преодолел столько ступенек, чтобы доставить его вам. Разве я не заслужил кое-чего? — дразнил он Кейт, наслаждаясь ее замешательством.

— Хорошо, кое-что заслужили, — пробормотала она себе под нос.

Но он расслышал ее и рассмеялся:

— Маленькая дикая кошечка. Вот ваше письмо, держите.

И он бросил его на кровать.

— Благодарю. Теперь, пожалуйста, уходите. — Кейт демонстративно зашагала к двери. — И можете забрать с собой все свои вещи.

Он посмотрел на нее в притворном изумлении.

— Мои вещи? Это вы о чем, мисс Фарли?

Кейт кивнула на кровать с грудой одежды.

— Обо всем этом. Я же вам говорила, что не могу принимать от вас такие подарки.

Он возрился на нее преувеличенно удивленным взглядом.

— Мои вещи? Вы думаете, они мои? Моя дорогая мисс Фарли... — Джек нагнулся, и не успела Кейт сообразить, как он вытащил из-под платья шелковую ночную сорочку и приложил ее к своей стройной крепкой фигуре.

— Полагаете, *это мое*?

Его синие глаза озорно насмехались над ней. Кейт боролась с вновь угрожающим наплывом смущения.

— О, не будьте смешны! — воскликнула она, еле сдерживая улыбку. Нежный шелк только подчеркнул очевидную мужественность стоящего перед Кейт человека. — Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

Он пропустил тонкий шелк сквозь свои длинные смуглые пальцы, затем отбросил соблазнительный предмет в сторону.

— Но я не присылал вам этой одежды.

— Однако...

— Все объяснения вы найдете в письме моей бабушки, — спокойно прервал он Кейт. — Оно доставлено вместе с этими вещами. Они выбраны не на мой вкус... хотя впервые в жизни я полностью согласен с бабушкой.

Он улыбнулся медленной дразнящей улыбкой, и Кейт снова пришлось унимать ощущение внутреннего трепета.

— Вашей бабушки?

— Да. В адресованном мне письме она говорит, что отправила вам немного одежды, более подходящей вашему положению.

— Хотите сказать, что это не ваших рук дело?

— Нет, разумеется. Надеюсь, будучи джентльменом, я бы никогда вас так не оскорбил. — И благочестиво добавил: — Леди, безусловно, не может принять подобного подарка от джентльмена, мисс Фарли. Я потрясен, что вы осмелились на такие намеки.

Он чопорно поджал губы, озорно мерцая глазами.

Кейт старалась не смотреть Джеку в глаза. По его вине она чувствовала себя очень глупо. Он прекрасно знал, что после их предыдущего обсуждения ее гардероба она неминуемо решит, что вещи прислал он. И тут ее осенило, что, возможно, Джек и не делал этого собственноручно, но, наверняка, именно он надоумил бабушку на сей благотворительный жест.

— Но я не могу...

— Надеюсь, вы не усмотрите ничего бестактного в том, что пожилая леди приобрела какую-то мелочь для дочери своей крестницы? — прервал он Кейт холодным голосом. — Ее личная портниха сшила их по меркам, снятым Смизерз с вашей старой одежды.

Кейт и не подозревала, что леди Кейхилл взяла на себя столько хлопот. Она почувствовала некоторое замешательство, и все же ей не хотелось уступать, пока Джек вот так давил на нее.

— Нет... но... всего этого слишком много... слишком щедро...

Лицо его застыло, глаза потеряли свой блеск.

— Поймите, мисс Фарли. Эти вещи от моей бабушки, и вы можете их принять и примете!

Кейт пришла в негодование от его тона.

— Вы не имеете никакого права указывать, что мне принимать, а что нет.

— Мне это безразлично. Вы очень меня обяжете, если в течение получаса появитесь в одном из этих платьев.

Боже! Девчонка упряма до безумия.

— И не подумаю, — вызывающе ответила Кейт. — Я возмущена вашими властными манерами, сэр, и хочу предупредить, что не стану носить эту одежду.

Он сделал в ее направлении два угрожающих шага, и она метнулась подальше от него.

— Послушайте, мисс! Вы будете носить новую одежду и сожжете старую!

— О, в самом деле? — она скорчила гримасу.

Джек вынул из кармана часы и взглянул на них.

— Через полчаса вы предстанете в одном из этих платьев, или...

— Или что?

— Или, мисс Кэтрин Фарли, я приду сюда и сам вас одену.

Яростный блеск его глаз подсказывал, что он вовсе не шутит.

Она сморщила носик.

— Вы не посмеете!

— А вы проверьте, мисс! — рявкнул Джек. — У вас ровно полчаса.

И он покинул комнату.

Кейт надежно заперла за ним дверь и уселась на кровать. Он бросил ей перчатку, и, естественно, она ее подняла. Настало время Джеку Карстерзу понять раз и навсегда, что он ей не хозяин. Нет у него над ней никакой власти. Если она решила не носить эту одежду, то и не будет, и никакой властный, крупный и настырный мужчина ей не указ.

Спустя чуть больше получаса раздался стук в дверь.

— Кто... кто там? — откликнулась Кейт, досадуя на невольную дрожь в голосе.

— Это я, мисс, Милли.

Кейт открыла дверь.

— Входи, Мил...

Милли стояла, нервно теребя передник. Позади нее мрачно вырисовывалась фигура Джека Карстерза. Кейт выпрямилась и вызывающе уставилась на него. Он щелкнул пальцами, заставляя горничную поторопиться.

Милли сглотнула:

— Я должна забрать вашу старую одежду, мисс.

— В этом нет необходимости, — спокойно ответила Кейт.

Милли с сомнением посмотрела на Джека:

— Но мистер Карстерз...

— Мистер Карстерз не имеет к этому никакого отношения, Милли. Моя одежда принадлежит мне, а не мистеру Карстерзу.

— Извини меня, Милли, — мягко произнес Джек.

Он обошел ее и решительно приблизился к Кейт. Его взгляд заставил ее насторожиться, Кейт отступила, встав по другую сторону кровати. Он открыл дверь платяного шкафа и начал вытаскивать ее старую одежду, бросая Милли.

— Остановитесь немедленно! — воскликнула Кейт, оскорбленная его поведением.

Проигнорировав ее возглас, Джек перешел к сундуку и вмиг его опустошил, покидав все содержимое в протянутые руки Милли.

— Как вы смеете? — закричала Кейт и кинулась останавливать его.

Он развернулся и крепко схватил ее за плечи. Их глаза на мгновение встретились. Его руки медленно соскользнули вниз по ее рукам и легко, но цепко, ухватили за запястья.

— Отпустите меня, вы, огромное чудовище!

— Мне казалось, я дал предельно ясные указания.

Он многозначительно посмотрел вниз на ее изношенное старое платье, по-прежнему надетое на ней вопреки его приказу.

У Кейт пересохло во рту. Нет, конечно же, он не станет исполнять свою угрозу и лично переодевать ее в новую одежду? Она попыталась вырваться, но безуспешно. Джек очень силен, и не было никакой надежды с ним справиться.

— Ты свободна, Милли, — сказал он.

— Не уходи, Милли! — закричала Кейт.

— Я сказал, что ты свободна, Милли. Унеси эти тряпки и немедленно сожги. Карлос уже развел огонь.

— Сжечь их?! — ужаснулась дочь преподобного мистера Фарли. — Это же неслыханное расточительство приличной одежды...

Джек фыркнул.

— Послушайте, — упорствовала Кейт, — я уверена, жена викария с радостью предложит эти вещи своим беднейшим прихожанам. Вы даже не представляете, как трудно добиться того, чтобы люди были добротнo одеты.

Он иронически выгнул бровь.

— Поверьте, мисс Фарли, с каждой минутой я все больше и больше проникаюсь этой исключительной проблемой.

Кейт топнула ногой от досады.

Джек усмехнулся.

— Отнеси все жене пастора, Милли, с моими наилу... — он посмотрел на Кейт и передумал: — ... с наилучшими пожеланиями от мисс Фарли.

— Оставьте мне хотя бы одно из старых платьев, — взмолилась Кейт. — Не могу же я выполнять особенно грязную работу в таких изысканных нарядах, как эти.

— О какой такой работе вы говорите? — вкрадчиво осведомился Джек.

— Ну, например, чистка... — замялась Кейт и впиалась в него взглядом, в полной мере осознав его хитрость.

— Совершенно верно, — заключил он, наслаждаясь победой. — Уноси все, Милли.

Милли не посмела послушаться.

— Сожалею, мисс, — пробормотала она, бросив сочувствующий взгляд на Кейт.

И ушла, забрав с собой всю старую одежду девушки.

С минуту Кейт пыталась вырваться из рук Джека, но затем изменила тактику. Она выпрямилась и вынудила себя встретиться взглядом с его сердитыми синими глазами.

— Отпустите меня, сэр, — потребовала она, сверкая глазами в надменном негодовании.

— Я же говорил, — проскрежетал он, — у вас полчаса. Время вышло.

— Как вы посмели украсть всю мою одежду?

— Не совсем всю, как мне кажется. — Он посмотрел на платье, надетое на ней. — И я вас предупреждал.

Она снова начала вырываться, но он легко завел ей руки за спину, а потом перехватил их одной своей сильной ручищей. Кейт оказалась тесно — грудь к груди — прижатой к нему. Она чувствовала стук его сердца. Казалось, Джек дышит гораздо тяжелее, чем обычно.

— Итак, мисс Кэтрин Фарли, — тихо произнес он, касаясь теплым дыханием ее уха, — вы примите одежду от моей бабушки или нет?

— Нет, и вы меня не заставляйте!

— Ах, нет?!

Его свободная рука оказалась сзади нее, и она с ужасом почувствовала, что он расстегнул одну пуговичку на ее воротничке. Он смотрел на нее, а его длинный сильный палец нежно поглаживал ее мягкую кожу у основания шеи. Кейт ответила ему вызывающим взглядом, изо всех сил стараясь не потерять самообладание, и не позволяя телу подчиниться восхитительной ласке.

Он расстегнул следующую пуговицу и выжидающе поглаживал кругами ее кожу. Глаза его потемнели. Джек, казалось, окружил ее со всех сторон, и от Кейт потребовались невероятные усилия, чтобы не уступить соблазну и не податься ему навстречу. «И он об этом знает, животное», — говорила она себе, отчаянно сопротивляясь его осторожной обольстительной нежности. Его тактика совершенно непорядочна, просто презренна, решила Кейт и попыталась пнуть его. Но ее ноги были скованы давлением его сильных бедер. Он уже добрался до третьей пуговицы, и у Кейт лопнуло терпение.

— Ладно, хорошо, я принимаю одежду, — выпалила она и тихо добавила: — Вы просто огромное чудовище!

Он усмехнулся, услышав ее слова.

— На сей раз, мисс Фарли, полагаю, победу одержала грубая сила мускулов. — Он освободил ее и торжествующе отступил. — И постарайтесь не забыть об этом, — добавил он, — ибо, если бросите мне вызов снова...

— Можете не продолжать — я дала вам слово, — сердито пробормотала Кейт.

— Вот именно.

По глазам было видно — Джек насмеялся над ее гневом.

Кейт впиалась в него взглядом, жалея, что не может придумать, как стереть приводящую в бешенство усмешку с этого презренного лица.

— Немедленно покиньте мою комнату, — приказала она.

Джек еще шире усмехнулся:

— Надо уметь проигрывать, — мягко заметил он и вышел.

Взвинченная, Кейт быстро сбросила старую одежду и надела новую: нижнее белье, платье — мягкое, теплое — цвета голубинового крыла, очень ей понравившееся, и серый спенсер ^[21], красиво отделанный черным с золотом кружевом. Но даже удовольствие от приятно льнущей к телу новой одежды не уняло ее досады на Джека Карстерза. Не имел он права вынуждать ее принимать эти вещи... выбирать, что носить, — все же это ее личное дело, разве нет? Она ему не вроде рабыни, правильно? Если одежда и правда прислана леди Кейхилл, то, пожалуй, не существует никаких моральных причин не принять ее. Но, как в итоге поступить, решать ей — никак не ему!

О, этот человек просто невыносим: вечно сует нос не в свое дело! Она пнула старую одежду, загоняя ее в угол и представляя, что это Джек Карстерз.

Немного погодя в дверь постучали.

— Что еще вам нужно? — взорвалась Кейт.

Минута тишины.

— Пожалуйста, мисс, — раздался дрожащий голос Милли, — мистер Карстерз послал меня за оставшейся одеждой, чтобы затем все отнести пастору.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Отдавая Милли охапку вещей, Кейт наблюдала, как та забирает остатки ее прошлой жизни.

Все не так плохо, внезапно поняла она. Ее старая одежда несла с собой и старые воспоминания — причем ни одного приятного. Некоторые относились к тому времени, когда она, сбежав от французского... «милосердия», оказалась в роли опозоренной женщины. Некоторые же датировались ее девичеством, когда они всей семьей еще не отправились на войну. Все воспоминания были окрашены в черный цвет, цвет горя. Теперь же они остались позади, и Кейт может начать строить жизнь заново. Ее новая одежда — символ всего этого.

Она погладила длинный шерстяной рукав серого спенсера. Никогда у нее не было такой прекрасной, модной, дорогой одежды. Она заметила, как Милли искоса за ней наблюдает, и улыбнулась ей немного печальной улыбкой.

Милли улыбнулась в ответ.

— Да, малость грустно расстаться со старой одеждой, будто со старыми друзьями, так ведь, мисс? Но, ну, в общем, на вас красивый жакет, мисс. И все остальное тоже. Я слыхала, наряды вам прислала пожилая леди.

В ее голосе звучал вопрос, и Кейт поспешила заверить ее:

— Да, леди Кейхилл. Очень любезно с ее стороны.

Милли кивнула:

— Ах, прекрасно, тогда все в порядке. — Она помолчала. — Чашечку чая, мисс?

Кейт колебалась.

— Все в порядке, — повторила Милли, словно читая ее мысли. — Мистер Карстерз и «Быке».

— Что?

— В «Быке», мисс. В таверне «Бык и Боров». Думаю, он не вернется до позднего вечера.

— О, ну тогда... в таком случае... да, чашечка чая была бы очень кстати.

***

Позже, вечером, Кейт надела одну из своих новых ночных рубашек и, дрожа, скользнула в кровать. Ночи становились очень холодными, скоро ей придется брать с собой нагретый кирпич. Или, возможно, использовать найденную ею металлическую грелку. Кейт зарылась в постель, наслаждаясь ощущением мягкой льняной ночной рубашки, окутавшей ее тело. Сначала она вынула одну из шелковых сорочек, но, посмотрев на нее пару минут, с тоской отложила. Она даже представить не могла, когда ей пригодится такая вещь. Подобное одеяние предназначено вовсе не для того, чтобы согреть девушку по ночам, нет, скорее оно должно было разжечь жар в мужчине...

Впервые за много месяцев Кейт подумала об Анри и о тех вещах, что он проделывал с ней в своей палатке. Не то чтобы это ей не нравилось... но любые приятные воспоминания вытеснило осознание того, что они все-таки не были женаты, и Анри оказался незнакомцем, который лгал ей и обманом заставил выполнять супружеский долг. Она понимала, что ее использовали, это злило ее и в то же время заставляло чувствовать себя виноватой...

Интересно, каково будет разделить те самые удовольствия с Джеком. Она подумала о шелковой ночной рубашке — как та нелепо выглядела, приложенная к его большому мускулистому телу. Вспоминая, как сливочный шелк скользил сквозь его пальцы, легко было представить тот же самый сливочный шелк, скользящий по ее телу, и эти же самые смуглые пальцы поглаживающие, ласкающие, исследующие...

Внезапно лицо Кейт вспыхнуло в темноте ночи. Что за мысли! Это отвратительно. Теперь она знала, почему девушек держат в полном неведении до самого брака — все это слишком будоражит воображение. Она зарылась лицом в подушку, остужая щеки холодной тканью.

Она обвиняла Джека Карстерза в разгоревшейся ссоре из-за одежды, но, по правде говоря, ее вины в том было гораздо больше. Это она, Кейт, бросила перчатку, а вовсе не он — ведь, отказываясь от вещей, она прекрасно понимала, чем ответит ей Джек, и он ответил. Предоставляя ей тем самым повод бросить ему вызов...

Она съежилась от стыда, осознав, что именно она первая кинулась с кулаками, она сама затеяла с ним драку. И хуже всего то, что она наслаждалась этим, ей нравилось находиться в его объятиях, хотелось, чтобы он продолжал касаться, поглаживать, ласкать... воображая при этом, как Джек проделывает с ней все то, что и Анри...

Кейт вдруг открылась суровая правда: те женщины в Лиссабоне были не настолько уж неправы в своем мнении о ней — она распутная девка, и только что доказала это. С презрением к самой себе она натянула одеяло на голову и попыталась сосредоточиться на чем-нибудь целомудренном. Безнадежно. Она могла думать только о своих ощущениях от объятий Джека Карстерза. Кейт свернулась в комок на широкой кровати. Ей нужно прочитать все известные псалмы, молитвы и отрывки из Библии и тогда, как она надеялась,

нечестивые мысли покинут ее. Это займет много времени: ее часто заставляли запоминать те или иные библейские истории в наказание за проступки. А она была очень непослушным ребенком...

***

В это же самое время в таверне «Бык и Боров» сидел Джек, потягивая бренди и глядя на огонь, совершенно не обращая внимания на шум собратьев по выпивке.

Его лицо смягчилось полуулыбкой, стоило лишь вспомнить, как Кейт смело наступала на него, вспомнить эту упрямую маленькую оборванку в страшных, мрачных, потрепанных платьях, которая упорно отказывалась принять неимоверно желанную одежду. А она ее желала, да, в этом Джек не сомневался.

Он прекрасно понял это по тому, как она потерлась о ткань щекой, словно ребенок, ласкающий щенка или котенка, по тому, как она провела пальцами по шелку той ночной сорочки, словно не могла поверить, что такая одежда вообще существует.

Только Кейт не ребенок. И он не мог сопротивляться желанию подразнить ее, пофлиртовать с ней, взбудоражить ее...

Он выпил последний глоток бренди и махнул хозяину, чтобы ему принесли еще. Привлекательная на вид полногрудая девица поспешила выполнить заказ и заманчиво прижалась к нему, ставя стакан на стол. Глаза Джека непроизвольно уставились в откровенный вырез, выставленный ему напоказ, и он отметил, что девица не только соблазнительна, но и явно не прочь с ним развлечься. Он поднял на нее взгляд и покачал головой, смягчая отказ улыбкой. Нет, ночь с распутной девкой из таверны не решит его проблем.

Он вспомнил, с каким мечтательным лицом Кейт прикладывала к нежной коже прекрасную шелковую рубашку, и, представляя ее в этом одеянии, почувствовал, как его тело вновь напряглось.

Невозможно... невероятно...

Может, ему все-таки стоит принять предложение местной девицы... И он снова посмотрел на нее: она казалась слишком пышнотелой, слишком доступной, слишком... Он понял, куда ведут его мысли, и решительно прервал их.

Дьвольщина! Неужели всему виной та сцена в спальне? Он не мог отрицать, что один только вид Кейт с той проклятой шелковой тряпкой в руках возбудил его. И что же заставило его забыться до такой степени, что он начал расстегивать ей пуговицы? Вспомнив ощущение теплой бархатистой кожи ее шеи и аромат ее тела, он мрачно выругался.

Что, черт возьми, он собирается со всем этим делать? Если он не будет предельно осторожен, его отношения с Кейт Фарли выйдут из-под контроля. Уже почти вышли. Ее дразнящая шутливость, самозабвенность, с которой она кидалась в ссору, сам ее вызов — все это неизменно побуждало его желать продолжения. Он чувствовал, что слишком уж возбуждается от одного ее присутствия. Будь она женщиной определенного сорта, он, не колеблясь, сделал бы ее своей любовницей — и какой любовницей! Огонь и страсть, бархатистые ручки и ножки, шелковистые волосы. Одна мысль об этом возбудила его до

крайности.

Но Кейт не была ни кухонной служанкой, ни распутной девицей из таверны — она респектабельная леди, а после Джулии Давенпорт он зарекся заводить отношения с респектабельными леди.

Да катись все к чертям собачьим!

Интересно, как бабушка собирается уладить дела с Кейт? Он надеялся, что все пройдет отлично. Чем скорее Кейт окажется подальше от него, тем лучше... для них обоих.

И Джек снова заказал бренди.

Как-то утром Кейт проснулась очень рано. Она выскользнула из постели и, пройдя по холодному полу, выглянула в окно. Рассвет только-только занимался, и в проблесках утреннего света гасли последние звезды. Пришла зима: погода, пусть и прохладная с виду, так и манила выбраться наружу. На прошлой неделе Кейт все время работала, не выходя из дома, и чувствовала, что совсем уже закисло в четырех стенах. Хорошая прогулка на свежем воздухе — как раз то, что надо.

Она выскользнула через заднюю дверь дома, в котором, казалось, не было ни души. Под ботинками захрустела замерзшая трава. Легкие заполнил чистый, морозный воздух и Кейт охватило радостное волнение. Насыщенный земляной запах прелых листьев составлял резкий контраст с сосновым ароматом. Как же прекрасна жизнь! Внезапно с плеч словно спал весь ее жизненный груз — бедность, прошлое, волнение о будущем, трудности с Джеком Карстерзом.

Работать в непосредственной близости от него оказалось гораздо тяжелее, чем она ожидала, особенно учитывая, какие она испытывала к нему чувства. Чувства бесстыдные и совершенно неуместные. И так каждую ночь. А иногда и в течение дня. Это пугало. Кейт старалась справиться с собой, читая отрывки из Библии, но даже подобные меры оказались тщетны. Как же глубоко она погрязла в порочности и как унижительно это сознавать!

Тысячу раз за день она говорила себе, что такие мечты — просто глупость, да еще и грех. Она опозорена и никогда не сможет войти в его мир. Он испытает отвращение, если когда-нибудь узнает об Анри.

Вдобавок мечты ее совершенно несбыточны: даже будь она столь же чиста, как и в день своего рождения, оставалась еще ее бедность, а Джеку необходимо жениться на богатой наследнице, чтобы восполнить состояние, утраченное после того, как отец лишил его наследства.

«Вообще-то, — строго увещевала она себя, — Кейт Фарли вовсе не должна думать о Джеке Карстерзе, разве только о том, что приготовить ему на ужин». Кейт прекрасно представляла, как должна вести себя женщина в ее положении, и, хотя не могла избавиться от своих чувств, по крайней мере, могла попытаться вести себя соответственно.

Именно поэтому она старалась не попадаться ему на глаза, сохранять должную дистанцию и следовать наставлениям леди Кейхилл, заботившейся о том, чтобы ее внук жил вполне цивилизованно. Кейт прилагала все усилия, чтобы стать идеальной и незаметной экономкой.

Но все ее благие намерения безжалостно подрывались самим Джеком Карстерзом. Казалось, он неотступно наблюдал за ней, появляясь из ниоткуда, открывая перед ней двери, усаживая ее за стол, словно она была благородной дамой. Буравил ее своим взглядом, если заставлял за каким-то «неуместным занятием», выходил из себя, когда Кейт совершенно спокойно указывала ему, что знает, что делает.

И она отчаянно старалась возмущаться таким его поведением.

«Он просто смешон, — говорила она себе. — Что вообще мужчина может знать о ведении хозяйства? Джек Карстерз не должен вмешиваться в то, что его не касается. Властный, назойливый, надменный надоеда!»

Но все оказалось намного сложнее, чем ей представлялось. Решимость Кейт слабела,

как только приходило понимание, что Джек заботится о ее благополучии, ее удобстве, что он желает уберечь ее от жизненных невзгод. Даже если он просто по своей натуре обходителен и вежлив и точно так же обращается с любой экономкой, все равно такое отношение... пробивало воздвигнутую ею невидимую стену.

Все это вкупе с ее собственными порочными наклонностями делало жизнь с Джеком Карстерзом под одной крышей очень и очень опасной.

Кейт вздохнула, потом взяла себя в руки, — очень полезно было бы составить список недостатков его характера. Что она и сделала, прогуливаясь по садовой дорожке и наслаждаясь прохладным воздухом; капельки росы все еще трепетали на растениях, мимо которых она проходила. Итак, он ужасно властный, даже для майора Колдстримского Его Величества гвардейского полка. И надменный. И упрямый. Да, верно, — хуже любого мула, с которым ей приходилось тягаться на Пиренейском полуострове. И он легко выходит из себя, особенно когда ловит ее за «неподходящим занятием», а затем смеется над ней, глядя такими порочными синими глазами.

И крайне переменчив в настроении. Только что он добр и дружелюбен, а потом вдруг вскипает, охваченный, казалось бы, беспричинной яростью. То прожигает ее насквозь своими синими глазами — а через минуту, также неожиданно, отворачивается и выходит из комнаты, всем свои видом демонстрируя холод и горечь отчуждения.

Хуже всего бывало по утрам; обычно он врывался на кухню, садился за стол, неразговорчивый и угрюмый, и выпивал несколько чашек кофе. Но иногда Джек отказывался от приготовленного Кейт завтрака, и, прихрамывая, покидал помещение. В такие моменты его лицо выглядело особенно мрачным. После чего он целыми днями скрывался в личной гостиной наверху, — во всяком случае, Кейт так думала, — и тихо напивался до полного забвения, предпочитая топить своих демонов в крепких напитках, нежели взглянуть им в лицо.

Кейт же в эти дни чувствовала себя совершенно несчастной, и это состояние, словно кислотой, разъедало ее решимость. В такие дни ей было особенно сложно помнить, что она всего-навсего экономка Джека, принятая на работу из милости... ей так хотелось стать для него кем-то большим... Обнять его, поговорить, успокоить, вывести из мрачной депрессии. Но такого права у нее не было.

И тогда она с двойным усердием принималась за работу, которую ненавидела больше всего — тяжелую, грязную, отвратительную работу: топила бараний жир, чистила и покрывала графитом каминные решетки, просеивала древесную золу и кипятила ее, делая щелок [\[22\]](#). Вываривала хлопковую и льняную ткань в большом медном котле, так что вся прачечная наполнялась паром. Вываливала одежду в муке, а потом выбивала ее, поднимая облака муки и оставляя материал чистым и приятно пахнущим. Зато мука при этом забивала ей ноздри и оседала на волосах.

Несмотря на все это, Кейт мечтала о нем и днем, и ночью — даже делая мыло, когда от зловония овечьего жира и приготовленного в домашних условиях щелока у нее слезились глаза! Джек так невозможно привлекателен, особенно когда смотрит на нее с озорно притаившейся улыбкой в глазах, словно приглашая разделить его веселье. А также в те минуты, когда голос его вдруг становится особенно низким, находя отклик во всем ее теле, затрагивая каждую ее частичку, превращая всю ее в мед...

Кейт направилась к лесу. Как чудесно! Рассвет растекался по окрестностям в полной тишине, освещая чистоту голых, покрытых изморозью веток. Каждый ее выдох превращался

в туманное облачко, зависавшее в неподвижной прохладе. Вдалеке Кейт слышала кукареканье петуха, где-то залаяла собака. Казалось, в окружающем мире бодрствовала лишь она одна. Кейт окунулась в это ощущение радости и продолжила свой путь.

Неожиданно она слышала стук копыт, быстро приближающийся сзади, — слишком близко. Она едва успела отскочить с узкой тропы, когда конь без всадника с болтающимися поводьями и стремянами промчался мимо нее.

Все еще потрясенная, она выбралась из спутанного подлеска, расправила юбки и стряхнула грязь с ладоней. Явно произошел несчастный случай — этот конь кого-то сбросил. Нужно ли ей сначала пойти и посмотреть, все ли в порядке с всадником, или сперва стоит поймать беглеца? Если поводья запутаются или зацепятся за что-то, он может и пораниться. Кейт пробежала по тропе и оказалась у перелазы [\[23\]](#), где и застала крупного чалого жеребца, фыркающего и скидывающего голову, — дальше ему двигаться было некуда. Кейт спокойно, с тихими уговорами, начала приближаться к нему, а он смотрел на нее с подозрением, в любой миг готовый сорваться и убежать.

Кейт была уверена, что этот конь из конюшни Джека, хотя зачем тот держал столько лошадей, когда сам на них ездить не мог, она не понимала. Этого коня она видела утром в первый день пребывания в Севеноуксе. Он явно был с норовом и нуждался в гораздо большей физической нагрузке, чем получал в настоящее время. Кейт не раз видела, как он вырывался на свободу, а Карлос бежал за ним вдогонку.

Может, его пытались украсть? Если так, то вор совершил большую ошибку: по словам Карлоса, этот конь позволял ездить на себе лишь Джеку, который сам его вырастил, приучил ходить под седлом и беспрекословно слушаться приказов. Он даже брал коня на войну. А теперь на этом животном никто не ездил. Кейт считала, что Джеку лучше его продать, а не держать здесь, у себя на виду, когда каждый взгляд на жеребца являлся горьким, мучительным напоминанием, что он, Джек, больше не сможет ездить верхом.

— Иди сюда, вот так... хороший мальчик... вот сюда, сюда... — шептала Кейт, пожалев, что не взяла с собой яблоко.

Она протянула к коню руку, словно предлагая что-то, а сама продолжала медленно и осторожно к нему подходить. Жеребец с любопытством вытянул шею, приносясь, чтобы узнать, что за лакомство у нее в руке. Кейт ловко и совершенно спокойно схватила свисающие поводья.

Конь попытался вырваться, но Кейт держала его крепко, успокаивая ласковыми словечками и уверенными поглаживаниями. Она всегда любила лошадей, и, казалось, они это отлично понимали. Чалый Джека не был исключением — под успокаивающими прикосновениями Кейт он перестал нервно дрожать и вскоре начал нежно похрапывать, уткнувшись в ее платье. Она поспешно осмотрела его, проводя опытными руками по его ногам, и с облегчением вздохнула, не найдя следов повреждений. Теперь посмотрим, позволит ли он ей его оседлать.

Это было нелегко, так как конь все еще нервничал, чувствуя чужака, к тому же ей мешали длинные юбки, но Кейт сумела взобраться на жеребца, воспользовавшись перелазом в качестве опоры. Конь встрепенулся и фыркнул от страха, но Кейт держалась крепко, ее сильные руки и тихий успокаивающий голос вскоре одержали над ним верх. Потом, шагая боком и пританцовывая, не привычный к ее легкому весу, чалый направился по узкой тропинке быстрой рысью, пугливо шарахаясь от каждого упавшего листа или движущейся тени.

Первые минуты Кейт была целиком поглощена управлением коня, а потом, когда стало ясно, что тот признал ее господство, ее захлестнуло удовольствие — она так давно не ездила верхом. Особенно на такой прекрасной лошади. Она поняла, почему Джек не мог заставить себя продать это животное. И Кейт подумала, что, пожалуй, она вполне могла бы попросить Джека позволить ей совершать на этом коне верховые прогулки. Жеребец определенно в этом нуждался.

Выехав на открытое пространство, она увидела следы копыт в поле, ближайшем к дому, и вспомнила, что намеревалась сделать. Кто-то, вероятно, получил травму, пусть даже это всего лишь вор, заслуживающий наказания! Ругая себя за то, что так эгоистично наслаждалась скачкой, она пришпорила коня, переходя на легкий галоп. Объехав конюшни, она заметила человека, лежащего на животе на обледенелой земле.

У Кейт екнуло сердце. Нет, не может быть! Она заставила коня подъехать ближе, потом спешила и, стараясь не впасть в панику, привязала животное к кустарнику. Человек продолжал лежать на земле пугающе неподвижно.

Тяжело дыша, Кейт упала на колени рядом с ним, не обращая внимания на холодную, мокрую грязь, и осторожно его перевернула.

«Милостивый Боже, — взмолилась она, — только бы он не был серьезно ранен!»

— Джек. Вы в порядке?

Он не ответил. Она прижалась щекой к его груди — сердце билось размеренно. Слава Богу! Кейт быстро ощупала его руки и ноги — ничего не сломано. Она осторожно осмотрела его голову, но не увидела ни шишки, ни раны. Однако на вид он был пугающе бледен и холоден.словно мертвец.

Кейт сняла с себя мантилью и завернула в нее Джека, потом осторожно устроила его голову и плечи на своих коленях, и, позабыв о приличиях, обвила его тело ногами. По крайней мере, так он должен согреться. Потом, если Джек все же не придет в сознание, ей придется его оставить и пойти за помощью. Но пока он такой бледный, замерзший и беспомощный, она не может его покинуть.

Кейт прижимала Джека к себе, мысленно молясь, чтобы все закончилось хорошо и кто-то побыстрее пришел и помог им. Одной рукой она поддерживала его щетинистый подбородок, нежно прижимая голову Джека к своей груди, а другой — поглаживала его волосы у лба. Кейт шептала какие-то успокаивающие слова ему на ухо, и в морозном воздухе ее дыхание смешивалось с его дыханием.

Только-только она решилась, скрепя сердце, оставить его и отправиться за подмогой, как Джек открыл глаза. Пару мгновений он непонимающе смотрел на нее, а потом ошеломленно пробормотал:

— Вы? — и снова закрыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — тихо спросила Кейт, продолжая прижимать его голову к груди.

— Истекаю кровью, — пробормотал он, не открывая глаз.

— О, нет, кровотечения не видно, — заверила она его.

Один синий глаз приоткрылся и язвительно на нее уставился.

— Замечательно.

Джек лежал так еще несколько минут, потом, казалось, осознав, насколько интимно они прижимаются друг к другу, со стоном сел. Он выругался из-за прострелившей ногу боли, и замер, наклонившись, чтобы взглянуть поближе.

— Вы также ничего не сломали, — успокаивающе заметила Кейт.

— Как я понимаю, вы знаете, о чем говорите, — ответил он.

Кейт не позволила себе заглотнуть наживку.

— Ну, да, знаю, но не ожидаю, что вы мне поверите. А теперь вам лучше начать двигаться, если можете, конечно, — земля уж очень холодная.

Джек снова посмотрел на Кейт и нахмурился, заметив, что она дрожит. Затем увидел мантилью, обернутую вокруг него. Он снова выругался, стянул ее с себя и едва ли не со злостью сунул Кейт.

— Сейчас же наденьте это, маленькая дурочка! Вы что, хотите насмерть простудиться?

Кейт не обратила на него внимания:

— Как вы думаете, вы сумеете встать?

Джек пошевелил больной ногой и застонал.

— Думаю, идти смогу, вопрос в том, выдержат ли ваши ушки ругательства, непременно последующие за моими потугами?

Кейт лишь громко рассмеялась. Как будто он и без того не сквернословит почти ежесекундно!

— Вот, обопритесь на мое плечо, посмотрим, можете ли вы стоять.

Джек сел, и Кейт подставила свое плечо ему под мышку. Опираясь на здоровую ногу и на девушку, Джек медленно поднялся. Он плотно сжал губы, но не сказал ни слова. Когда наконец он выпрямился, то выглядел бесконечно уставшим. Судя по морщинам вокруг рта, Джек испытывал сильнейшую боль.

— Вы, правда, думаете, что стоит идти с такой-то больной ногой? — нерешительно поинтересовалась Кейт. — Я могла бы сбежать за помощью и позвать кого-нибудь с носилками.

— Будь я проклят, если позволю чертовой ноге сделать из меня калеку, — ожесточенно проворчал Джек.

— О, какое облегчение, — вызывающе заметила Кейт.

Он вопросительно посмотрел на нее. Губы Кейт весело подергивались.

— Я боялась, что вам не выдержать подобного напряжения.

— Не понимаю, что такого забавного в этой ситуации, — язвительно поинтересовался Джек.

— О, совершенно ничего, сэр, — ответила Кейт. — Только боялась, что ваши усилия не сквернословить доведут вас до предела. Однако вижу, ваш язык вам не изменил, так что теперь я за вас не переживаю.

Он несколько секунд смотрел на нее и лишь потом, вспомнив, что сказал «чертовой», невольно заулыбался. Тяжело опираясь на девушку, Джек стал медленно передвигаться к дому. Спустя несколько минут он взглянул на Кейт:

— Вы действительно престранная особа.

— Почему вы так говорите?

— Девяносто девять женщин из ста посчитали бы данную ситуацию ужасной драмой, разрыдались и забились бы в истерику, в то время как вы еще осмеливаетесь подшучивать над моей руганью.

— Значит, вы бы предпочли, чтобы я закатила истерику, сэр? — Кейт притворилась, что на самом деле рассматривает подобную возможность. — Должна признать, у меня в таких делах мало опыта, но если при этом вам станет лучше, уж я-то сумею закатить самую что ни

на есть настоящую истерику. Если, конечно, вы желаете именно этого.

Ее глаза озорно поблескивали, причем она неустанно заставляла его идти и идти, надеясь, что ее слова отвлекут его от боли.

Он откинул голову и рассмеялся:

— Боже милостивый, нет! Небеса, спасите меня от истеричек!

Еще несколько минут они с большим трудом продвигались вперед, затем сделали короткую передышку.

— Вы понятия не имеете, как приятно иметь дело со здравомыслящей женщиной, — честно признался Джек.

После таких слов Кейт пришлось опустить голову и сжать губы, чтобы не рассмеяться во весь голос.

Он, однако, заметил ее маневр.

— А сейчас что такое? — спросил Джек и, когда она не ответила, взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя.

Он подозрительно нахмурился, заметив, что Кейт едва сдерживает веселье.

— Ну, что я такого сказал, чтобы так вас рассмешить? — он слегка щелкнул ее по едва заметной, только что появившейся ямочке на щеке.

В ее глазах неугомонно плясали чертики.

— Вы несколько недель называли меня самой упрямой, самой раздражающей вас особой из всех, которых имели несчастье встретить! — проворчала она хриплым грудным голосом. Потом изобразила скорбь: — А теперь, когда вы назвали меня здравомыслящей, — вот те на! — рядом ни одного свидетеля!

У Джека задергались губы:

— Ну, большую часть времени... — начал он.

Кейт заразительно расхохоталась, и Джек неохотно к ней присоединился. Продолжая смеяться, она посмотрела в его глаза и почувствовала, как ее настроение улучшается. Постепенно смех в его взгляде погас и сменился напряжением. Кейт вдруг осознала, в насколько интимном положении они находятся. Он опирался на нее, а она сама тесно прижималась к его твердому теплему телу. Его губы находились лишь в нескольких дюймах от ее. Молодые люди так и стояли целую минуту, не отводя друг от друга глаз, и Кейт скорее почувствовала, чем увидела, как губы Джека стали медленно приближаться к ее губам. Она резко отвернулась, ее сердце бешено заколотилось, во рту пересохло.

— Идемте же, — прошептала Кейт. — Нам лучше двигаться и поскорее доставить вас в тепло. Вашу ногу должен осмотреть врач.

Она почувствовала, как Джек отодвинулся от нее, когда они снова отправились в путь.

— Я больше не позволю прикоснуться к себе этим проклятым кровопийцам и костоправам. С меня хватило всего этого еще на Пиренейском полуострове.

— О, но ведь вы не можете сравнивать врачей здесь, в Англии, с теми мясниками, что служат хирургами на поле боя, — опрометчиво заметила Кейт.

Джек остановился и удивленно на нее посмотрел.

— А знаете, вы первый человек в Англии, сумевший подобрать верное определение для тамошних дьявольских кровопийц. То есть — из тех, кто там не был. Создается впечатление, будто вы и правда знаете, о чем говорите.

Кейт робко улыбнулась.

— Неужели? — Потом посерьезнела: — Там погибли оба мои брата и отец. Так мы уже

можем идти дальше? Или вы хотите еще пару минут передохнуть?

Он сразу же зашагал по направлению к дому. Кейт испытала облегчение, к тому же ей представилась подходящая возможность доказать свою точку зрения.

— Не все доктора — мясники, вы и сами знаете, — немного погодя, проговорила она.

Он фыркнул.

— Но это так, — настаивала Кейт. — Однажды я познакомилась с замечательным доктором, потомственным хирургом, предки которого были маврами. Он лечил такими способами, после которых затягивались самые ужасные раны, и люди становились как новенькие.

— Гм!

— Кстати, если бы ему довелось осмотреть ногу, покалеченную так, как ваша, — продолжала она убеждать его, — когда сама рана затянулась, а мышцы утратили силу, он бы непременно прописал три раза в день делать массаж с горячими маслами. В вытянутую ногу нужно хорошенько втереть масло, а потом еще и поколотить.

— А... — с явным сарказмом заметил Джек, — так он любитель пыток. Как же, как же, слышал, некоторые восточные доктора лечат очень искусными и жестокими методами.

— Да, я понимаю, как это звучит, но такое лечение по-настоящему действенно, хотя поначалу не слишком приятно.

Кейт вспомнила мучительные стоны брата Джемми, когда лечение только началось, и как ей пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы его продолжить.

— Через несколько недель нога начинает набирать силу, а дополнительные упражнения, мне кажется, в некоторых случаях позволяют едва ли не полностью исцелиться.

— Ерунда! — грубо оборвал ее Джек. — Бессовестные лекаришки просто наживаются на доверчивых глупцах.

Кейт понимала его враждебность. Надежда могла обернуться жестоким поражением.

— Возможно, — тихо ответила она. — Полагаю, все зависит от раны, но это лечение поставило моего брата на ноги после того, как английские доктора заявили, что он никогда не будет ходить без костылей.

Она помолчала, чтобы ее слова дошли до его сознания.

— А его ранение было крайне серьезно, ему даже собирались ампутировать ногу.

Кейт никогда не забудет, как панически цеплялась за руку хирурга, умоляя того подождать, пока брата не осмотрит другой врач, и как испытала огромное облегчение, когда в палатку ворвался ее отец и выхватил пилу из рук того пьяницы.

— Может быть, такое лечение поможет и вашей ноге.

— Сомневаюсь!

— Но ведь попытка — не пытка? — уговаривала она.

— Черт побери! Вы ничего об этом не знаете, девчонка! Меня уже достаточно покалечили всяческие невежды из этой медицинской братии, и я больше не стану испытывать на себе их шарлатанские методы, особенно те, что выдумали какие-то мистические восточные факиры!

Кейт охватило разочарование. Было совершенно очевидно, что он только что пытался проехать на своем жеребце, несмотря на заявления врачей и боль в ноге. С его стороны — чистейшее безумие подвергать едва вылеченную ногу таким серьезным нагрузкам.

— Не будьте глупцом. Вы не можете наплевать на поврежденные мышцы и сухожилия и заставить себя ездить верхом одной лишь силой воли. Вы же всего лишь человек, у вас

человеческое тело. Ваше ранение ужасно, и я вам сочувствую, но вы обязаны взглянуть правде в лицо вместо того, чтобы делать вид, будто совершенно здоровы.

— Вот дьявол, вы вообще знаете, что вы тут несете? Будь я проклят, если сдамся, — прорычал Джек, пытаясь оттолкнуть ее.

Кейт ответила гневным взглядом.

— А кто сказал, что вы должны сдаться? — допытывалась она. — Нет, я... я говорила о том, чтобы взглянуть в лицо фактам, а не сдаться.

— Черт возьми, девчонка, вы зашли слишком далеко! Вас это совершенно не касается!

— Ну, если вы действительно хотите ездить верхом и при этом не падать, то должны попытаться что-то изменить, — гневно заметила Кейт. — Пусть с такой ногой вам и удастся ходить, но, лишённая силы и гибкости, она не позволяет держаться в седле. Если же вы будете продолжать в том же духе, то в конце концов рискуете получить серьезные увечья. Вам нужно укреплять мышцы. А то лечение, о котором я говорила, как раз и способствует восстановлению гибкости и силы мышц...

Она замолчала. В глазах Джека Кейт увидела унижение, оскорбленную гордость и такую ярость, что отшатнулась, на миг подумав, что он может ее ударить.

— Да пропадите вы пропадом, девчонка! Не суйте нос не в свое дело! — вспыхнул он. — Я не нуждаюсь в ваших проклятых советах, мне не требуются никакие дьявольские шарлатанские чудеса, и без вашей чертовой помощи я тоже обойдусь. Я и сам могу дойти до дома!

Кейт знала, что должна промолчать, но не могла отказаться от еще одной попытки все наглядно ему объяснить.

— Что бы вы подумали о берейторе [\[24\]](#), который после того, как лошадь упала и поранилась, заставил бы ее сразу взять самый высокий барьер, да еще и ожидал бы, что она с ним справится? Разве вы бы не решили, что он дурак?

Джек промолчал. Не зная, то ли он прислушался к ее словам, то ли нет, Кейт продолжила:

— Если человек хочет, чтобы лошадь взяла нужный барьер, сначала он начнет с низких препятствий, постепенно переходя на более высокие, пока животное не наберется достаточно сил и уверенности, чтобы перепрыгнуть что угодно. Разве не так? Подумайте об этом, мистер Карстерз.

Джек посмотрел на нее, и на мгновение Кейт показалось, что ей удалось до него достучаться. Однако, стиснув зубы от боли, он грубо оттолкнул ее и с трудом заковылял к дому.

— Вы — глупый упрямец! — яростно воскликнула Кейт, бросаясь вслед за ним и снова подставляя плечо. — Если вы не хотите слушать, что я вам говорю, это, разумеется, ваше право, пусть и весьма недальновидное... Но, нет, от меня вам не отделаться! Да это просто смешно... — тут она задумалась, какое бы определение здесь больше подошло, — и так по-мужски... отказываться от помощи, даже если точно знаешь, что она тебе необходима.

Джек остановился и гневно уставился на девушку, вцепившись пальцами в ее плечо.

— Ладно, — поспешила заверить Кейт, увидев ярость в его синих глазах, — я уже все сказала и обещаю больше не затрагивать эту тему.

Она снова тронулась в путь, заставляя двигаться и его.

Они медленно, с невероятными усилиями и болью, продвигались к дому. Кейт молча проклинала свой длинный язык. Впервые за все время они так непринужденно общались

друг с другом, даже шутили и смеялись, хоть он и испытал неловкость оттого, что она нашла его беспомощно лежащим на земле. И вот на тебе, она опять все испортила. А ведь догадалась, как на самом деле обстоят дела.

Сидя на холодной земле и прижимая голову Джека к себе, она постепенно осознала всю картину целиком: та скачущая лошадь, виденная ею на следующее утро после приезда; следы копыт — изо дня в день — на замерзшей траве; скверное настроение Джека по утрам и глубокие складки вокруг его рта, вызванные острой болью.

Уже много недель Джек проделывал одно и то же: выскальзывал из дома до рассвета, пробуя ездить верхом, стараясь заново этому научиться. Сердце Кейт сжималось при мысли о его душевных муках, о бесконечном отчаянии, что побуждали его день за днем повторять свои тайные попытки, зная, что падение неизбежно. Для подобного поведения требовалась смелость — безумная, гордая, упрямая смелость. Но без должного лечения Джек никогда не сможет снова держаться в седле. Вдобавок рано или поздно он серьезно покалечится.

Но так же нельзя: Кейт была в этом уверена, поэтому и затеяла разговор — и наговорила лишнего. Она ранила ту самую гордость, которой восхищалась. Теперь-то уж Джек не станет ее слушать и никогда не простит. Кто она такая — всего лишь экономка, живущая в его доме, попросту говоря, из милости. Когда же наконец она смирится с этим?

В конце концов они добрались до дома, и Кейт помогла Джеку сесть на стул в кухне.

— Я позову Карлоса, — тихо сказала девушка и направилась к двери.

Джек ни малейшим движением не дал понять, что слышал ее; просто неподвижно сидел с бледным лицом, искаженным гримасой горечи.

— Что это? Выглядит аппетитно.

Кейт не успела и слова вымолвить, как Джек поддел пальцем кремовую массу и сунул лакомство в рот. Она прижала руку к губам, безуспешно пытаясь подавить смех, и в конце концов открыто расхохоталась, увидев, как в его глазах сначала появилось неверие, а потом отвращение. Джек выбежал из кухни, и Кейт слышала, как он отплевывается, пытаясь очистить рот от гадкого вкуса ее последнего домашнего изобретения.

Кейт повалилась на стул и смеялась, пока по щекам не потекли слезы. Так ему и надо. Он весь день болтался на кухне, забегая и выбегая без всякой видимой причины, — просто-напросто подглядывал! Несколько раз она спрашивала, не желает ли он чего, но в ответ получала лишь грубое бурчание! Разве кухня принадлежит не ему? Да тебе, дурачок, тебе! Ей это прекрасно известно!

Подобное поведение обычно не слишком докучало Кейт, но с утра, как назло, выдался один из тех самых дней. Сначала птичье гнездо свалилось по дымоходу прямо в бульон, который только-только заблагоухал всем богатством своего аромата. Потом тесто — сегодня был день выпечки — упрямо не желало подниматься. Вдобавок кухня вот уже несколько дней была забита влажным бельем.

И ко всему прочему она не высыпалась с тех пор, как произошел тот несчастный случай. В этом тоже был виноват Джек!

Кейт виделась с ним только за завтраком, и ни единой живой душе не призналась бы, что по утрам вспоминает, как дышать, только когда Джек, прихрамывая, входит на кухню с предательскими белыми линиями вокруг рта, вызванными болью. Они оба знали, что он — твердолобый упрямец! — получит-таки серьезную травму: вопрос лишь во времени.

Прошлая ночь оказалась худшей из всех: она то видела его во сне, то переживала за него — и проснулась в сильнейшем раздражении. А потом этот скверный человек прокрался на кухню! И вертелся под ногами! Весь день! Наблюдая за всеми ее неудачами!

Теперь-то справедливость восторжествовала, и его отплевывание звучало для нее сладчайшей музыкой. Не переставая смеяться, Кейт промокнула глаза краешком фартука. Джек снова появился на кухне, вытирая кривившийся от стойкого послевкусия рот.

— Вы пытаетесь меня отравить? — Он снова поморщился и вытер рот носовым платком. — Что за гадость вы мне подсунули, черт побери?

— Спермацетовое масло [\[25\]](#), белый воск и миндальное масло, — перечислила она сквозь смех. — Я еще не успела добавить лимонное масло и лимонный сок.

— Спермацетовое масло? — выдавил он. — Вы собирались скормить мне китовый жир?! Им же заправляют лампы!

Кейт снова захихикала. Она-то всего лишь пыталась приготовить средство от веснушек по новому рецепту.

— Обычно я не кормлю джентльменов кольдкремом [\[26\]](#), какими бы голодными — или прожорливыми — они ни были.

— Кольдкремом?

— Кольдкремом.

— Гм!

Он отвернулся, а его уши слегка порозовели.

Кейт снова хихикнула.

Джек беспокойно переступал с ноги на ногу, потом наконец заговорил:

— Налейте себе чашку кофе и сядьте, мисс Фарли. Я хочу с вами поговорить, — произнес он серьезным тоном.

Кейт принесла две чашки и поставила их на стол, стараясь удержать бесстрастное выражение на лице. Наконец она посмотрела ему в глаза. Джек отвел взгляд, и в ее глазах тут же погасло все веселье. Разговор действительно предстоял нешуточный.

— Ваш брат... говорите, он снова смог владеть ногой?

— Да, полностью, — прошептала она, чувствуя, как ускоряется пульс.

— И только благодаря лечению, которое вы мне описали?

— Да, — подтвердила Кейт, изо всех сил скрывая растущее ликование.

— И вы, стало быть, считаете, что подобное лечение поможет и моей ноге?

— Я не знаток в медицине, но да, полагаю, поможет. — Она судорожно сглотнула. — Во всяком случае... сказать, совершенно ли восстановится ваша нога, я не могу, но верю, что вам станет гораздо лучше.

— Судя по вашему брату.

В голосе его звучал изрядный скептицизм, но Кейт заметила и искорку надежды. Пора сказать ему правду, которая, вполне возможно, будет стоить ей его уважения. Но если это убедит Джека испытать ее метод лечения, он, вероятно, полностью поправится. А значит, надо рискнуть — выбора не оставалось.

— Не только по нему — было много других примеров.

— Других?

— Да, я видела, как подобным образом лечили сотни наших солдат, и почти в каждом случае наблюдалось улучшение.

— И эти сотни раненых солдат, разумеется, находились в той самой деревне в... где, вы сказали, вас нашла моя бабушка — в Бедфордшире?

— Нет, конечно, нет, все это я видела в Испании и Португалии.

В его взгляде появилось недоверие.

— Вы были в Испании и Португалии?

Она кивнула.

— Во время войны?

— Да.

— Когда?

— Последние три года.

— Одна?

Кейт покраснела.

— С отцом. И братьями, когда было возможно.

— И чем там занимался ваш отец? Он же был слишком стар для службы в армии.

— Мой отец почувствовал, что на Пиренейском полуострове в нем нуждаются больше, чем в приходе в Бедфордшире.

— То есть он упаковал свою Библию и отправился на войну? — скептически произнес Джек.

— Да, именно так. Хотя, чтобы все это понять, нужно знать моего отца. Как только он что-то решал, переубедить его было невозможно.

— А вы-то что?

Кейт с некоторым удивлением воззрилась на него.

— Я, разумеется, отправилась с ним. Хотя он и был блестящим ученым, в ведении хозяйства оставался безнадежно беспомощным. Ему было совершенно неизвестно, как обеспечить себя жильем или едой, или еще чем-то, столь же необходимым для жизни в раздираемой войной стране.

— А вы, получается, знали?

— Ну да, конечно, — изумленно взглянула она на него и покраснела, понимая, что просто хвастается. — Возможно, не с самого начала, но я очень быстро этому научилась. А как только немного освоила язык, стало гораздо проще.

— Невероятно. Вам было... сколько же лет вам было... семнадцать, восемнадцать?

— Сперва, да.

— И вы не возражали?

Она удивленно распахнула глаза.

— Нет, я вовсе не возражала. — Она поморщилась. — Вспомните хотя бы мои неженственные руки. Боюсь, это признак того, что я всегда была отчаянной сорвиголовой. Кочуя с места на место следом за армией, я пережила наилучшие моменты в своей жизни... Вижу, вы шокированы.

— Нет, вовсе нет. Но... разве вам не было трудно?

Джек был знаком с несколькими офицерскими женами, что последовали на войну за мужьями, но они не преминули окружить себя слугами. Вдобавок их защищали супруги. А у Кейт, судя по одежке, в которой она сюда прибыла, прислуги почти не имелось.

— О, естественно, временами так хотелось оказаться где-то в другом месте, а не спать в грязной, кишасей паразитами постели или часами скакать под проливным дождем или палящим зноем — я же обычный человек! Но, по крайней мере, мне никогда не бывало скучно. Всегда находились какие-нибудь дела, да и было с кем поговорить.

Она не могла объяснить ему, как чуть ли не радовалась подобным неудобствам, ведь они подчеркивали ее полезность для отца, заставляли его впервые в жизни ценить свою дочь.

— Но опасность. Ваш отец разве не подумал об этом?

— О, разумеется, подумал! — возмутилась она его намеку. — Да он больше недели продержал меня в палатке в Бадахосе [\[27\]](#).

У Джека перехватило дыхание.

— Вы были в *Бадахосе*!

Невероятно! Сначала там велась кровавая осада, а после разразилась чудовищная бойня! И отец защищал дочь от неистовой, обезумевшей от резни армии каким-то куском парусины!

— Да, и в Сьюдад-Родриго [\[28\]](#), и в местах других битв, теперь уже знаменитых. Но во время сражений я всегда находилась в тылу, — гневно проговорила она. — Несколько офицеров поговорили с отцом, и он стал настаивать, чтобы я держалась подальше от поля боя.

— И правильно делал! — пробурчал Джек, у которого волосы вставали дыбом при одном воспоминании о кровавейших случаях, свидетелем которых он стал на войне.

— Да, но какой от этого прок? Разве могла я ухаживать за ранеными, находясь все время далеко в тылу?

— Ухаживать за ранеными? — недоумевал он.

Кейт покраснела, понимая причину его удивления. Он посчитал ее бесстыдной. Гарри

тоже не мог поверить, узнав, что она помогала раненым солдатам, а не только своим братьям. Он кипел от ярости, запрещая ей впредь заниматься столь непристойным делом. Когда же она отказалась, он поджал губы и в бешенстве удалился. Видимо, Джек Карстерз испытывал схожие чувства. Ну что ж, если его мнение о ней ухудшится, — не велика потеря, раз он снова сможет ездить верхом.

— Но ведь я должна была хоть как-то помогать: рабочих рук не хватало. Так я и познакомилась с маврским лекарем. — Кейт серьезно посмотрела на Джека. — Вот почему я столь твердо верю в его методы лечения.

Джек потянулся через стол и взял своей ручищей ее хрупкую ладошку, нежно потирая большим пальцем огрубевшую кожу на руке этой «сорвиголовой». Он смотрел на ее лицо, отмечая изысканность черт, вздернутый носик, большие невинные глаза, повидавшие столько невзгод и страданий.

— Вы действительно самая удивительная девушка.

Она, словно очнувшись, вдруг почувствовала тепло его руки, ласковые поглаживания загорелого пальца по своей коже, зарделась и неловко отняла руку.

— Ерунда, — отрезала она. Кейт начала убирать со стола чашки, остро ощущая его взгляд, следящий за каждым ее движением. — Вы хотите, чтобы я приготовила масло для лечения? Это несложно — нужно лишь упорство.

Теперь он почувствовал неловкость.

— Может, объясните Карлосу, что необходимо сделать?

— Будет лучше, если я все сделаю сама, — возразила Кейт. — Разумеется, я могу научить Карлоса — это нетрудно, но есть кое-какие тонкости, которые лучше показывать, чем объяснять. Но сначала мне нужно самой убедиться в необходимости такого лечения.

Кейт увидела выражение его лица и покраснела. Он был поражен ее бесстыдством. Ему не стоило так тревожиться: она вовсе не хрупкий цветочек, — хотя лишать его иллюзий ей очень не хотелось.

— Ну... я... — заговорила она, запинаясь. Отвернувшись, Кейт решительно продолжила: — Мистер Карстерз, я не столь невинна, как вы полагаете. Я уже видела мужские тела, ухаживала за многими ранеными, а не только за своим братом. Как видите, переживать вам нечего.

Она старалась не смотреть ему в глаза, щеки ее пылали.

— Так мне начинать готовить масло?

— Нет, нет, я лишь спросил из чистого любопытства, — поспешно заявил Джек, испугавшись ее желания начать лечение немедленно.

— Но вы подумаете об этом.

Он слегка улыбнулся ее настойчивости.

— Подумаю, — согласился он, — но на сегодня у меня еще много дел.

Он встал и вышел из комнаты. Кейт, нахмурившись, провожала его взглядом. Она знала, что никаких дел у него нет. Скорее всего, остаток дня он проведет в мрачном уединении. Будет пить. И наибольшие страдания ему причиняли вовсе не телесные раны. Казалось, он боится надеяться. Что ж, ее надежды должно хватить на двоих.

Однако вопреки убеждению Кейт вечер Джек провел не в привычном одиночестве, а пригласил Кейт и Марту в гостиную, где Карлос разжег камин. Когда они пришли, рядом с ним стояла бутылка портвейна, но пьян он не был. Джек налил Кейт и Марте по бокалу хереса, и они, удобно устроившись перед камином, стали вести неспешную беседу. Кейт, поначалу не понимающая его мотивов, вела себя настороженно, но затем расслабилась, осознав, что он действительно старается играть роль радушного хозяина.

Постепенно Джек перевел разговор на недавние события. Его потрясла история девушки, следовавшей за армией, и он пожелал узнать подробности.

— Расскажите мне все же, почему ваш отец потащил вас за собой в армейский обоз?

Джек старался не выказывать гнева. Негоже думать плохо о незнакомом человеке, да еще и отошедшем в мир иной, но Джек не мог простить отца Кейт за то, что тот подверг невинную молодую девушку — пусть и отважную — ужасам войны.

— В обоз? — Кейт улыбнулась. — Вы же не думаете, что я настолько труслива, чтобы сидеть в обозе, битком набитом тяжелым багажом, ворчащими женами и снаряжением! Это же тоска смертная! К счастью, Джемми отыскал для меня небольшую очаровательную испанскую кобылку, и я могла свободно передвигаться, куда мне хотелось.

— Боже милостивый! — потрясенно пробормотал Джек.

Разве никто из родных не вспомнил, что она всего-навсего юная, не знавшая трудностей восемнадцатилетняя девушка?

— О, это намного удобнее, так как я могла ездить, куда требовалось, чтобы присматривать за папой, бывшим порой невероятно рассеянным, а также за багажом, который сопровождал Луис, наш слуга-португалец. И еще, знаете, я всегда успевала занять хорошее место для ночлега и позаботиться об удобствах и горячей пище для родных.

Она улыбнулась, потягивая херес.

— Нам повезло: Джемми безумно любил охоту. Когда мы возвращались в Португалию после Талаверы [\[29\]](#), еды было так мало, что все вокруг, можно сказать, голодали. И вот, только мой желудок уже, казалось, начинал прилипать к спине, как брат подстреливал зайца или другое животное на обед. — Она потерла живот, вспоминая. — Джемми мог даже отступление превратить в охоту.

Разгневанный Джек непроизвольно заерзал в кресле, борясь с внезапным желанием обнять ее. Он тоже сражался при Талавере и потому слишком хорошо помнил то страшное отступление, тех голодающих, тот крошечный ад от невозможности прокормиться. Кейт там даже близко не должно было быть! Сколько же этой малышке пришлось голодать? Он никогда не забудет, какой худенькой и хрупкой она казалась, когда он держал ее на руках в их первую встречу! Как жаль, что он не познакомился с ней раньше. Он бы навсегда оградил ее от опасностей, страхов и голода.

Кейт внезапно зарделась.

— Простите. Я знаю, леди о подобных вещах не говорят.

Джек изумился. Она могла, как бы между прочим, упомянуть о жизни во время чудовищной битвы и об отступлении с изнуренной голодающей армией, а потом покраснеть из-за того, что леди не подобает говорить о желудке. Он с лаской глядел на эту уникальную девушку, малышку Кейт.

— Я был в Талавере, — тихо произнес он.

— Тогда и вы помните ужасный путь назад в Португалию, — кивнула она. — А

Колдстримский гвардейский полк воевал в Бусако [\[30\]](#)? Там ранили Джемми. Вас тогда ранили в лицо?

— Нет, — он провел рукой по покрытой шрамами скуле, — этот сувенир я получил в Бадахосе.

Они оба замолчали, вспоминая Бадахос. Громко затрещала огонь — развалились сложенные в камине дрова, и от упавшего чурбана вверх к дымоходу взметнулись искры. Марта встрепелась, а потом снова задремала в своем уютном кресле с подлокотниками. Кейт посмотрела на нее, испытывая угрызения совести: в такой час старушка должна спать в теплой постели, а не ютиться в кресле. Но Кейт не удалось бы ее уговорить — Марта считала себя дуэньей девушки и оберегала ее репутацию, хотя и знала, что охранять уже нечего.

— Вы на удивление спокойно рассказываете о своих жизненных перипетиях, — прервал раздумья Кейт низкий голос Джека. — Разве вам не было страшно, скажем, перед битвой?

— Боже, конечно, я ужасно боялась, — просто ответила она. — Перед каждой битвой я становилась сама не своя: не могла есть, вздрагивала от каждого звука... даже была несколько сварливой.

Его мягкий смех подействовал на нее согревающе.

— Сварливой? И почему же мне так легко в это поверить?

Кейт сморщила носик.

— Да, страх превращает меня в сущую мегеру. Обычно я накидывалась на Бена, отчитывая за то, что он был таким большим, медлительным упрямым!

Она замолчала и с минуту смотрела на пламя.

— Бен был самым старшим. Он принадлежал к той породе людей, которых нельзя представить куда-то спешащими или чем-то обеспокоенными. Однако он выполнял все столь же быстро, как я или Джемми, но без нашей склонности драматизировать ситуацию.

Она заговорила медленно и сердито:

— «От этакой горячей спешки я только потею, и весь день голова идет кругом», — всегда жаловался Бен Джемми или мне, и отец неизменно бранил его за то, что он коверкает Шекспира [\[31\]](#) и упоминает при мне о поте.

В конце ее голос сорвался от волнения.

Джек наблюдал за ней из тени, которая скрывала выражение его глаз. Ай да отец! Не хотел марать уши Кейт словом «пот», а сам потащил ее в места, где кругом лились и кровь, и пот, и случались вещи куда как страшнее.

— Джемми тоже упрекал Бена за его невозмутимость, но он был замечательным братом. Они были такими разными, эти двое, словно ртуть и камень... Нет, не подумайте, я упомянула камень не потому, что Бен был холоден, вовсе нет — он был очень милым, — она заморгала, и губы ее предательски задрожали.

Джек хотел схватить ее в объятия и целовать, пока ее горе и боль не исчезнут. Бедная, храбрая бродяжка!

— Но он так и не увидел Бадахос. Его убили в Сьюдад-Родриго... А вы были в Сьюдад-Родриго?

Он покачал головой.

Она продолжила:

— Я так отчетливо помню свой первый день там. Было очень холодно, замерзший снег хрустел под ногами после ночного мороза. Но утро казалось настолько спокойным,

настолько великолепным — прямо-таки идеальным. Знаете, в такую погоду хочется проскакать галопом порядочное расстояние и вернуться домой к горячему завтраку... А потом эту звенящую тишину разорвали пушки. Они все гремели и гремели, — я даже подумала, что у меня лопнут перепонки в ушах, хотя стреляли где-то далеко от меня. И, чтобы не слышать этого грохота, я заткнула уши тряпками... Бена убили на следующий день. Думаю, вы бы сказали, что ему повезло, ведь пуля попала в висок, и он, вероятно, даже ничего не понял перед смертью. — Она закусил губу. — Наверное, вы считаете, будто я не переживаю, раз говорю, что ему повезло, но я видела столько других жутких способов...

Джек не смог больше сдерживаться: ему необходимо было дотронуться до Кейт. Он потянулся и взял в свои теплые руки ее ледяные ладони.

— Ему повезло, Кейт. Лучше уж умереть так, внезапно, под открытым небом, в пылу битвы.

Он отогревал ее руки в своих.

Кейт с Джеком погрузились в молчание. Лишь потрескивание огня да тихое, мерное посапывание Марты нарушали наступившую тишину. Большие пальцы Джека в безмолвном утешении поглаживали кожу девушки.

— А как умерли Джемми и ваш отец?

Она несколько мгновений пыталась сдержать слезы, потом тихо ответила:

— Их обоих подстрелили на пути в Саламанку ^[32]. Помните, тогда наши и французы шли параллельно друг другу и время от времени стреляли, чтобы разогнать скуку?

Он кивнул. Они оба побывали в одних и тех же местах, и все-таки не встретились.

— Джемми ранило в грудь, а вскоре папу — в живот. Обе раны оказались смертельными. Тряска в повозке была для них невыносима, поэтому мне пришлось найти опустевшую ферму, и там я оставалась с ними, пока оба не умерли.

В этом простом заявлении сквозило такое вселенское горе, что Джек почувствовал, как ухнуло его сердце.

— Думаю, вам пора спать.

Он поднялся, протянул руку, чтобы помочь ей встать, потом вдруг обнял ее и крепко прижал к своему большому теплему телу.

Это объятие было почти бесстрастным, лишь защищающим и успокаивающим своей силой и теплом, и она прижалась к Джеку, слушая биение его сердца, желая, чтобы эта минута длилась вечно. Кейт не думала, что когда-нибудь кто-то снова вот так ее обнимет, и отчаянно держалась за Джека, наслаждаясь его теплом, силой и нежностью.

Он нагнулся, мягко приподнимая ее лицо к своему. Они смотрели друг другу в глаза, потом он склонил свою темноволосую голову, и их губы встретились в долгом нежном поцелуе.

Марта всхрипнула во сне и зашевелилась, просыпаясь. Джек с Кейт мигом очутились в разных углах комнаты: Кейт помогала встать старой няне, а Джек небрежно прислонился к стене, и его лицо снова скрыла тень.

«Скорее всего, это портвейн», — в сотый раз повторяла про себя Кейт, когда, готовя прессованный творог, отделяла массу от сыворотки. С того вечера они почти не разговаривали. По правде говоря, Джек всеми силами избегал ее. Кейт догадывалась, что он сожалеет о порыве, заставившем поцеловать ее. И, хотя она никогда не стала бы жалеть о таком волшебном мгновении, она понимала, что должна.

Поэтому Кейт решила забыть беседу у камина и то удивительное объятие, после которого она словно плыла до своей спальни. Решение оказалось не из легких, но она неплохо справлялась: вспоминала о поцелуе не более дюжины раз в день, после чего начисто изгоняла его из головы. Она очень уставала от своих греховных мыслей.

— *Сеньорита* Кейт. Майор Джек... он говорит, что готов испробовать на себе ваше зверское лечение. Сегодня. — Карлос улыбнулся. — Этим утром он даже не выезжал верхом, чтобы не навредить себе.

Поразительно. Джек таки прислушался к ней! Решил ей довериться. Кейт радостно улыбнулась Карлосу и тут же кинулась готовиться, пока Джек не передумал.

Держа горшочек горячего ароматического масла, она поднялась по ступенькам и медленно прошла с Карлосом к спальне Джека. Она чувствовала, что нервничает, — вот так нелепость!

«Не будь смешной, — говорила она себе, — ты делала это дюжину раз, никак не меньше. Нет причин вести себя, словно какая-то глупенькая мисс, просто потому, что ты в английском доме, а не в португальской хижине или в палатке в Испании».

«Да, — безмолвно ответил ей голосок, — но ведь это Джек...»

Кейт открыла дверь. Джек лежал на кровати, одетый в ночную рубашку, нижняя часть его тела была закутана в простыню. Он посмотрел на Кейт, глянул на простыню, плотнее в нее завернулся и покраснел.

— Чертовски нелепая идея. Я передумал, — заявил он. — Оставьте масло Карлосу. Уверен, мы с ним разберемся, что к чему.

Кейт поняла, что до крайности смутила Джека своим присутствием, — и нервозность ее как рукой сняло. Она постаралась сдержать улыбку.

— Что за глупости. Я же рассказывала вам, дело не в простом втирании масла — нужно овладеть особыми приемами.

Она заметила его румянец и успокаивающе добавила:

— Не тревожьтесь из-за моего присутствия. Мне удавалось справляться и с более трудными задачами. Представьте на моем месте одного из тех, кто ухаживал за вашей раной в Испании.

Он фыркнул. Конечно, у него имеется воображение, но не настолько же развитое. Кейт — такая маленькая, худенькая, с ясным гладким личиком и мягкими розовыми губками. А последний человек, прикасавшийся к его ране в Испании, был массивным крепким солдатом, лысым и беззубым, весь в татуировках, к тому же с таким выдающимся набором ругательств, которого Джек никогда прежде не слышал.

Он крепче схватился за простыню, стоило Кейт потянуться к ней.

— Это просто нелепо, — решительно заявила она. — Мне нужно видеть вашу ногу, чтобы должным образом втереть масло. — Кейт слегка покраснела и добавила заметно тише: — Я ведь вам говорила, мне известно, как выглядит мужское тело. Вид вашей ноги меня вовсе не смутит.

Джек почувствовал, что не в состоянии отпустить простыню. Он не столько переживал,

что заденет ее девичью скромность, сколько не желал видеть, как ей противно будет смотреть на то месиво, что представляла собой его нога.

Она резко сдернула простыню. Он мгновенно стиснул зубы, ожидая увидеть отвращение на ее милом личике. Кейт молча склонилась над ним. Белая, незагорелая нога была сплошь покрыта страшными красными и багровыми шрамами. Мышцы сморщились и кое-где изогнулись, словно искривленные натянувшейся кожей.

Кейт внимательно осматривала ногу, не позволяя своим чувствам вырваться наружу. Его и правда серьезно ранило, но, не считая уродливых отметин, все, в сущности, выглядело не так уж плохо. Она нежно провела рукой по шрамам, ощупывая мышцы. Кейт почувствовала, как Джек дернулся при ее прикосновении, и сразу посмотрела ему в глаза.

— Вам больно?

Он взглянул на нее как-то странно. Она не выказала ни ужаса, ни отвращения, ни сочувствия, ни жалости.

— Я причинила вам боль, сэр? — повторила Кейт.

— Э... ваши руки холодны. Я просто этого не ожидал.

— О! — Она продолжила осматривать ногу. — Теперь, Карлос, я сначала поработаю с этими мышцами.

Тот с любопытством склонился над ногой хозяина.

— Видите, как они крепко сжаты из-за шрамов. Именно поэтому так нелегко согнуть ногу. Сейчас я возьму немного масла и потом... — она налила масло на ногу и начала втирать его.

Джек слегка застонал и неловко пошевелился.

— Масло слишком горячее, сэр?

— Нет, нет... не в этом дело, — пробормотал он, не глядя ей в лицо.

Кейт продолжила лечение, не переставая тихонько объяснять Карлосу, что надо делать. Ее крепкие пальчики терли, постукивали, нажимали на съезжившиеся мышцы. Джек лежал на кровати, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение. Кейт то массажировала небольшой участок ноги короткими, быстрыми движениями, то — длинными и плавными — проходила по всей длине вверх-вниз, разглаживая и надавливая сильно, равномерно и ритмично. Во время одной из подобных манипуляций Джек сдавленно застонал. Кейт тут же вскинула голову. Ее действия должны были расслабить и успокоить мышцы, а не причинить боль.

— Вам больно, сэр?

Джек покраснел.

— Нет, нет... э... разве теперь Карлос не может вас сменить?

— Нет, сэр, пока нет. Необходимо показать ему всю процедуру. Это займет не больше пятнадцати-двадцати минут.

— О, боже! — простонал Джек и снова заерзал под простыней.

— Должно быть, вам больно, — вконец расстроилась Кейт. — Мне так жаль. Эта часть лечения вовсе не должна вызывать неприятных ощущений. Вероятно, я что-то упустила. Вы мне не подскажете, где именно вам больно?

Он с минуту пристально изучал ее, пытаясь разглядеть насмешку. На него с тревогой смотрели невинные серо-зеленые глаза. Кейт действительно понятия не имела, что с ним делали ее прикосновения.

— Черт побери! Нет! — гневно рыкнул Джек. — Вы вовсе не причиняете мне боли.

Просто заканчивайте поскорее! — Он метнул взгляд на Карлоса, стоящего позади Кейт, взгляд испепеляющий — чем сильно удивил девушку.

Кейт закусила губу. Разумеется, ему больно, иначе, почему он стонет? Мужчины иногда такие упрямцы. Она не возражала против ругани и стонов, но ей надо было знать, причиняет ли лечение боль и где именно. Она продолжила в полном молчании. Кейт чувствовала, как его напряжение растет с каждым ее прикосновением. Странно. Он должен бы расслабиться. Она удвоила усилия, втирая теплое ароматическое масло по всей длине ноги сильными ритмичными поглаживаниями. Внезапно Джек снова застонал и, потянув за собой простыни, перевернулся на живот, из-за чего Кейт растянулась на постели.

Она села, обеспокоенная и изумленная.

— Что, черт возьми, вы делаете?! — гневно воскликнула она. — Прошу вас немедленно перевернуться. Я еще не закончила.

— Ну нет, вы закончили, мисс Фарли, — последовал непреклонный, хотя и несколько приглушенный подушкой ответ. — С меня довольно.

— Ну ладно, полагаю, что могу поработать с другой стороной вашей ноги, — пожалала плечами Кейт, дотянулась до его мышц и снова начала втирания.

— Черт бы вас побрал, женщина! — вырвались из подушки возмущенные слова. Джек дернул ногой и попытался спрятать ее под простыню. — Сейчас же убирайтесь, мисс Фарли!

— Но... — начала было Кейт.

— Карлос!

Кейт почувствовала руку Карлоса на своем плече.

— Прошу вас, *senorita* Кейт, — обратился он к ней, — вы должны уйти.

— Но я ведь еще не закончила.

Карлос улыбнулся:

— О, *senorita*, полагаю, вы мне уже многое показали.

— Карлос! — грозно предупредил низкий голос из подушки.

— Сию минуту, майор Джек! — поспешно ответил Карлос. Его глаза светились тайным весельем, и он снова повернулся к Кейт. — Я уверен, майор Джек сегодня больше не сможет вынести вашего лечения. Вероятно, в другой раз, как-нибудь... потом.

— Карлос! — нельзя было ошибиться в значении этого тона.

— *Si, si*, майор Джек. Идемте, *senorita*, *por favor* [\[33\]](#), — он поспешно вывел Кейт из комнаты и закрыл за ними дверь.

Кейт остановилась на лестнице.

— Ничего не понимаю, — обеспокоено произнесла она. — Мои действия никак не могли быть настолько болезненными. А на легкую боль такой мужчина жаловаться не стал бы. По всей видимости, его нога в худшем состоянии, чем мне казалось.

Карлос озорно усмехнулся.

— Его взволновала вовсе не нога, *senorita*, — многозначительно заметил он.

— Что вы имеете в виду?

Тот пожал плечами. Ну и ханжи все эти англичане, когда дело касается подобных вопросов. Она же не невинная девица, раз так бесстыдно вошла в спальню майора Джека и без смущения оголила его ногу.

— *Senorita* Кейт, у майора довольно давно не было женщины, и когда вы прикоснулись к нему... — Он пожал плечами. — Ну, все-таки он же мужчина...

Кейт уставилась на него, минуту-другую пытаясь осознать его слова, потом зарделась,

почувствовав неловкость.

— О, — выдохнула она и убежала.

Карлос, предчувствуя неладное, наверное, уже в двадцатый раз за вечер поглядел на Кейт. Сегодня маленькая мышка, явно чем-то обеспокоенная, больше походила на кошку, вышагивая туда-сюда по комнате. И, судя по взглядам, которые она кидала на потолок, беспокоил ее майор Джек.

Кто бы сомневался. Карлос тихо вздохнул. Но раздражение и дурное расположение духа Кейт — это всего лишь цветочки, учитывая, что творится с его хозяином. И все с тех пор, как майор Джек стал неспособен скрывать свое влечение к ней.

Карлос покачал головой. Ситуация проще некуда. Чего ради эти англичане делают из мухи слона? Итак, майор неровно дышит к маленькой мышке. Было бы странно, останься он к ней равнодушен, — вот тогда, по мнению Карлоса, и стоило бы забеспокоиться, Кейт-то в последнее время расцвела, стала прямо-таки прехорошенькой. А майор только и делает, что бежит от нее; даже Карлоса заставил прятаться по углам и тайком греть масло, дабы она не обнаружила, что он, Джек, продолжает лечение массажем без нее. Что за глупость.

Кейт сердито пнула полено в очаге, и в дымоход взвился сноп искр.

«Как он мог сдаться после первой же попытки?» — в сотый раз задавалась она вопросом. Кейт была абсолютно убеждена, что массаж вылечит его ногу, возможно, даже позволит ему снова ездить верхом.

Очевидно, у него не было ее веры. Но попробовать только раз — и сдаться! Ему, видите ли, помешало вождение.

Это-то и расстраивало больше всего. Отчасти она сама была виновата: ее предупреждали — мужчины не умеют сдерживать своих низменных порывов. Говорили ведь — поощряют мужчин сами же женщины. А она вела себя столь неприлично.

Уверяла, что не смутится, увидев его ногу! Говорила, что не невинна! Что прекрасно знает, как выглядит мужское тело! Неудивительно, что он именно так отреагировал.

И, несомненно, терзался этим: с той поры он каждый вечер удалялся в кабинет наверху и напивался до беспамятства. Похоже, он даже оставил попытки выезжать верхом по утрам.

Что ж, больше она этого терпеть не намерена. У чувства вины, как знала Кейт, два обличья: она либо глодала человека изнутри, либо отпускала его, выплескиваясь наружу в виде гнева. И мистер Джек Карстерз, решила Кейт, отведаст-таки свою порцию бодрящего гнева.

Карлос с опаской наблюдал, как мечется по комнате стройная фигурка Кейт. Будь у нее хвост, она бы им хлестала. Разумнее всего будет спрятаться куда подальше, пока страсти не поутихнут. Он украдкой встал — Кейт заметила его движение. Она остановилась и повернулась к нему, излучая полную решимость. У Карлоса упало сердце. «Слишком поздно», — уныло подумал он.

— Карлос, будьте так добры, пойдемте со мной. И принесите то большое ведро из буфетной.

Он с тоскливым видом исполнил просьбу Кейт и вслед за ней покинул комнату. Она же зашагала вверх по ступеням к кабинету Джека. Карлос почувствовал, как у него вспотели ладони. Ей, верно, следовало бы знать, что не стоит тревожить Джека в столь поздний час, да еще когда он в самом скверном, мрачном настроении, уже употребив к этому времени, возможно, бутылку-другую. *Au de mi!* ^[34] Чистейшее безумие!

Джек растянулся в кресле перед камином и, полузакрыв глаза, смотрел на танцующее пламя. Бокал с бренди опасно болтался в его длинных, сильных пальцах. Черт ее поberi. Черт ее поberi. Черт ее поberi! Все было гораздо проще, пока она не вторглась в его жизнь. Гораздо проще... и гораздо скучнее. Он должен заставить ее уехать с его бабушкой.

Надолго она здесь не задержится: он не позволит, чтобы она досаждала ему, провоцировала, вкрадывалась в его... жизнь.

Нечего ей тут торчать, драить ему полы и стряпать для него. По вечерам здесь и поговорить-то не с кем — ну, разве что с глупой старухой, жуликоватым испанским грумом, двумя неграмотными фермерскими девчонками да хромой развалиной. В это время она должна находиться в бальной зале: одетая в шелка и атлас, кружить, словно пушинка, по паркету и по-светски шутливо болтать с парой десятков мужчин, что ловили бы каждое ее слово.

Шесть месяцев! Да разве он столько выдержит?! Он и без того еле сдерживает себя. Он никогда еще не встречал женщины, подобной ей. Она столько всего пережила. И все же, глядя на ее свежее, милое личико, никто и не подумает, что она три года провела на войне, видела смерть, разрушения, мужчин в их наихудших проявлениях и потеряла всю свою семью.

Будь проклят ее отец! О чем, черт возьми, он думал, таща юную дочку в тот ад? Его самого убили, и некому теперь позаботится о девочке, нет рядом ни одной родной души. Джек зажег сигару и угрюмо затаился, размышляя о диких поступках преподобного мистера Фарли. Бабушка рассказывала ему, что проклятый дурак даже запретил бабушке и дедушке Кейт завещать ее матери деньги. Упрямый идиот. Гордость гордостью, но оставить дочь в таких стесненных обстоятельствах! Хорошо, что он умер, подумал Джек, иначе бы он самолично придушил его...

Пропади все пропадом, бабушка не имела никакого права оставлять Кейт здесь. Девчонке надлежит находиться в Лондоне, искать богатого мужа, какого-нибудь титулованного парня, готового баловать и защищать ее до конца жизни, который даст ей все то хорошее, в чем раньше ей было отказано. Любой мужчина будет счастлив завоевать ее... Рот Джека искривился от этой неприятной мысли.

Кейт, наивнейшая Кейт. Массировала ему ногу и даже понятия не имела, что с ним делали ее прикосновения. В ней было столько неосознанной чувственности и непробудившейся страсти. Она ведь влюбится в первого же встреченного ею красавчика. А высший свет кишмя кишит чертовыми мерзавцами. Надо будет потолковать на сей счет с бабушкой. Удостовериться, что та защитит свою подопечную от неблагонадежных типов, убедиться, что бабушка выберет для малышки Кейт достойного мужа.

Он осушил бокал, затем снова небрежно наполнил его, расплескав бренди по отполированному до блеска столику, стоящему у самого локтя. Что бы Джек ни предпринял, он намеревался любой ценой выдворить Кейт из своего дома и отправить прямиком в Лондон, поскольку, Бог свидетель, ему приходится прилагать дьявольские усилия, чтобы

держаться от нее подальше. А это не дело. Она слишком хороша для озлобленного калеки, у которого в кармане ветер свистит, и не должна приковывать себя к нему. Скрести ему полы всю оставшуюся жизнь! Джек вспомнил ее огрубевшие от работы руки. Ну, нет! Он выгонит ее отсюда — пусть даже ценой собственной жизни — выгонит и немедленно отправит в изысканную лондонскую гостиную.

Джек снова начал пить большими глотками, мрачней все больше при воспоминании обо всех мгновениях, когда он касался Кейт. Всего лишь воспоминания, а его тело тут же откликнулось, рот Джека цинично искривился. Он должен все это прекратить, должен выкинуть ее из головы и из своей жизни. Он покончил с женщинами, во всяком случае, покончил с леди — даже с леди-полотерками, что обладают такими нежными, притягательными глазами и пахнут столь сладко и свежо. Женщины — это западня. У них иной образ мыслей.

Даже лучшим из лучших мужчина нужен только из корыстных побуждений.

Он подумал о Джулии, и тяжелая горечь вновь наполнила его сердце. Была ли Кейт другой? Что нужно нищей сиротке без кола, без двора от него — хромой развалины... уродливой, хромой развалины?... Может, дом? Даже самый захудалый домишко, как этот, пришелся бы по душе бездомной бродяжке. И пусть он считал себя бедным, но бедность бедности — рознь; голод ему определенно не грозит, а Кейт уже довелось его испытать и не раз. И нет, он никогда не окажется в ситуации, когда некуда идти и не к кому обратиться.

У него есть дом, семья, и он наследник своей бабушки. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: все это покажется привлекательным девушке, у которой ничего нет. И если цена тому жизнь со сломленным покалеченным мужчиной, что ж, у Кейт полным полно христианских добродетелей: она и милосердна, и самоотверженна, и сострадательна... Да, нетрудно понять, что в нем, вероятно, увидела Кейт. Девушка может многое стерпеть ради крова, безопасности и семьи...

***

— *Senorita*, — неуверенно прошептал Карлос, — думаю, это плохая идея.

— Верно-верно, а как же иначе, — бросила Кейт, презрительно глянув на него. — Это ведь вы покупаете ему все эти бутылки с отравой, которой он заливает глотку каждый вечер.

— Он как-никак мой хозяин, — пожал плечами Карлос.

— Будь вы хоть мало-мальски заботливым слугой, не стали бы потакать ему в этом. Разве не видно, что он убивает себя? — Она топнула ногой. — Ну, так я этого не потреплю! Меня наняли следить за его благополучием, и я сию же минуту положу конец этим выходкам!

Кейт шагнула к двери.

— *Senorita*, умоляю, сейчас не самое подходящее время. — Карлос в отчаянии схватил ее за рукав. — Пожалуйста, подождите до утра.

— К утру он успеет выпить излишне много этой мерзкой дряни, — резко ответила Кейт. — А теперь отпустите меня, Карлос.

Она распахнула дверь.

— *Senorita*, очень опасно спорить с ним, когда он находится в таком состоянии, — не унимаясь, прошипел слуга.

— Трус!

Кейт сбросила его руку и смело шагнула в комнату. Она зажгла пару свечей от пламени в камине и, поставив канделябр на деревянную, с резным узором, каминную полку, повернулась лицом к Джеку. Он сидел молча и неподвижно, сверкающие глаза задумчиво разглядывали ее из-под густых, темных бровей. Кейт заметила бокал, небрежно повисший в его длинных, изящных пальцах, и полупустые графины на низком, стоявшем у кресла столике красного дерева. Заметила пятна от пролитого из-за дрожания рук спиртного, груды недокуренных сигар в редкой по красоте фарфоровой чаше, в которой он их и гасил.

— Карлос, — позвала Кейт, — будьте добры, несите сюда ведро.

Карлос, робко кинув на Джека извиняющийся взгляд и разгневав тем самым Кейт, неохотно прошаркал вперед.

— Держите его вертикально, — приказала она и, прежде чем Карлос с Джеком догадались о ее намерениях, швырнула графины и бутылки в ведро. Бьющийся хрусталь резким звоном пронзил тишину комнаты. Кейт смахнула в ведро окурки сигар и пепел и, в довершение всего, в то же месиво полетел бокал, который она выхватила из рук Джека.

— Так-то лучше, — заключила она, отряхивая руку об руку. — Вот и все, Карлос.

— *Madre de Dios!* ^[35]Теперь точно все, — пробормотал тот и удрал с поля боя.

Кейт отступила на пару шагов. Джек, похоже, начал приходить в себя от изумления: по всем признакам он вот-вот разразится приступом яростного гнева. Кейт попыталась не выставлять напоказ свой довольный вид.

— Какого дьявола вы тут вытворяете, женщина? — взревел Джек, поднимаясь с кресла и направляясь напрямик к ней.

— Делаю то, что давным-давно бы следовало, — сдержанно ответила Кейт и юркнула за кушетку.

Сердце ее нервно трепыхалось в груди, но, хотя ей было немного боязно — мало ли чего Джек учинит с ней спьяну, — Кейт не думала, что он убьет ее, несмотря на пылающую ярость в глазах. И потом было нечто возбуждающее в том, чтобы схлестнуться с ним вот так — один на один в темной комнате.

— Ради вашего же блага вам не стоит запирайтесь здесь ночь за ночью, хандрить и напиваться до бесчувствия. — Она перебралась от кушетки к маленькому обеденному столику. — Поэтому я решила, что вам пора прекратить пить.

— О, да неужели?! — проревел Джек и сделал выпад, чтобы схватить ее. Кейт, меняя укрытие, метнулась от стола к креслу с подлокотниками. — И какого черта вы суете нос в мои дела, мадам?

Она осторожно посмотрела на него.

— Ваша бабушка наняла меня, чтобы заботиться о вас...

— Назойливая старая гарпия подсунула мне вас, чтобы свести с ума, — зарычал он и снова попытался схватить девчонку. Но та вовремя ускользнула от него. — И, ей-богу, она преуспела в этом дальше некуда!

— Вздор! — резонно возразила Кейт. — Будь вы чуточку сердиты, я сумела бы это понять, но, по всей видимости, все гораздо хуже, и виной тому бренди или портвейн, или... что за муть вы там пили?!

Он замер и, ошеломленный, яростно уставился на нее.

— *Чуточку сердит? Чуточку сердит?! Сейчас вы узнаете, как я чуточку сердит!* Я преподам вам урок, моя девочка, урок, который ваш чертов отец давным-давно должен был преподавать: не мешать джентльмену в его джентльменских удовольствиях.

Он снова сделал неудачный выпад.

— Не оскорбляйте моего отца, — отрезала Кейт.

— Я у себя дома, девочка моя, и волен делать все, что заблагорассудится, включая порку, которую задам вам и которую вам полагалось получить еще от родителя в тот день, когда вы впервые испробовали на нем вашу дьявольскую дерзость!

— Я никогда не дерзила своему отцу, ни разу в жизни! — с негодованием солгала Кейт, решительно не желая вспоминать те дюжины порок, что получила не только за дерзость, но и за более серьезные проступки. — И как вы смеете угрожать мне, вы, огромное чудовище? Только троньте меня хотя бы пальцем, и я... я закричу.

— И кто вас спасет, скажите-ка на милость? — Джек зло усмехнулся. — Прекрасно зная Карлоса, думаю, он уберется куда подальше от нашего маленького скандала, Милли и Флоренс сейчас у себя дома, а Марта... — он усмехнулся еще шире, — что ж, мы оба отлично знаем: в ее глазах я всегда прав. Она, возможно, еще и подначивать меня станет.

Кейт стиснула зубы. Едва переступив порог дома Джека Карстерза, Марта вспылала к нему нелепейшей нежностью. И он смеет на это ссылаться! Даже похвалиться этим! Кейт сердито глянула на него поверх вазы с зеленью, которую этим утром сама же и принесла сюда.

— Я не стану кричать, — тяжело дыша, проговорила она, — я и сама смогу себя защитить.

Кейт схватила вазу и швырнула ее. Несмотря на то, что она промахнулась, и ваза разбилась о стену позади Джека, листья и вода сделали свое дело. Кейт торжествующе ухмыльнулась.

Джек смахнул растения с волос и вытер капли воды с лица.

— Ха! Промазала, маленькая мегера! Где же ваш хваленый крикет.

— Так было задумано, — беззаботно проворковала она, — но обещаю: в следующий раз я не промахнусь.

Он перегнулся через стол.

— Нравится кидаться вещами? Видимо, я должен быть благодарен, что под рукой у вас не нашлось котелка с кипящим маслом: вы бы и его в меня швырнули, признайтесь?

— Возможно.

— Что ж, вот потому я и задам вам самую большую трепку в вашей жизни.

Его глаза весело поблескивали, несмотря на гнев. Кейт решила покончить с его веселостью: нельзя же допустить, чтобы все свелось к обыкновенной игре.

— Что ж, по крайней мере, теперь у вас появилась цель в жизни! Давно пора!

Джек оцепенел.

— И что вы под этим подразумеваете?

Кейт вызывающе вздернула подбородок. Она не хотела быть такой резкой — слова вырвались сами собой, — но отступать нельзя, иначе все, чего она с таким упорством добивалась, пойдет прахом.

— Я сказала, что теперь у вас, по крайней мере, появилась цель в жизни, — отчетливо повторила она, внутренне содрогаясь от своих слов. — Разумеется, помимо той, чтобы напиться вусмерть! Впрочем, угроза избить женщину — не совсем та цель, которой можно

гордиться...

Лицо Джека побелело от гнева и потрясения.

— Да как вы смеете?! Никогда в жизни я не бил женщину! — проскрежетал он. — А теперь, сию же секунду, вон из моего дома... пока я не сломал вашу шейку и не сбросил вас с лестницы, — добавил он, совершенно не осознавая, что противоречит сам себе.

Его длинные пальцы сомкнулись на спинке кресла в стиле королевы Анны ^[36], которое стояло между ними. И Кейт слышала, как под его руками трещит старая добротная парча.

Кейт дрожала, пульс ее учащенно бился, вот только от чего — от страха или от возбуждения? Казалось, сейчас он и правда жаждал ее убить. Но внутреннее чутье подсказывало: неважно, как ведет себя Джек и чем угрожает, вреда он ей не причинит. Ни за что.

— О, да, вам только того и надо, верно? — язвила она, порхая от одного предмета мебели к другому. — Избавьтесь от меня, и не останется никого, кто бы снова вытащил вас из вашей скорлупы. Что ж, если вы хотите, чтобы я покинула ваш дом, вам придется выставить меня вон, мистер Карстерз, потому что я уйду отсюда только по собственному желанию и пока делать этого не намерена.

Он рванул к Кейт, и та, увертываясь, зацепилась ногой за торчащий край ковра. Джек, не задумываясь, выставил руку, спасая девушку от падения.

— Вот вы и попались, маленькая мегера, — прорычал он, притягивая ее к себе.

Кейт попыталась вырваться из железной хватки, а Джек впился в пленницу пылающим взглядом. С легкостью он прислонил ее к стоявшему рядом столу, сильным бедром надавил на ее ноги, лишая возможности двигаться, и заключил ее тоненькие запястья в свою широкую ладонь. Не обращая внимания на отчаянное сопротивление, он крепко прижал Кейт к себе — грудь к груди, — тяжело дыша, вызывая легкое, дразнящее трение. Воцарилась тишина. Было слышно только их дыхание да потрескивание огня.

— Мне действительно следует выпороть вас, знаете ли, — наконец прошептал он, глаза его потемнели.

Кейт знала: подобная опасность ей не грозит. Его хватка, пусть и железная, все-таки была нежной. Почти собственнической. В этом заключалась опасность совершенно иного рода. Кейт долго и пристально смотрела на Джека, глаза в глаза, а потом опустила взгляд на его губы. Этого никак не следует поощрять, не следует даже допускать. Возможно, ей и хотелось этого всем сердцем, но это так неправильно.

— Пожалуйста... — выдохнула она и изогнулась, давая понять Джеку, что хочет освободиться.

Он загадочно посмотрел на нее и застонал.

— Раз уж вы так смотрите на меня этими своими глазами... — пробормотал он и прильнул к ее губам.

Нежное объятие переросло в нечто совсем иное, чего Кейт еще не доводилось испытывать. Она несмело боролась со своей сдержанностью, которая внезапно заговорила в ней, но его губы, требовательные и настойчивые поначалу, смягчились и стали ласково дразнить и умолять ее, пока она не поддалась их зову и не ответила, раскрыв свои губы.

Огонь пронзил ее с такой силой, что Кейт слегка всхлипнула. Хватка Джека тотчас ослабла, и, приподняв голову, он посмотрел на нее. Кейт совершенно обессилила — только его крепкие руки не давали ей соскользнуть на пол, — голова ее была откинута назад, а влажные губы приоткрыты.

— Что вы имели в виду, говоря о моих глазах? — наконец произнесла она.

— Только то, что каждый раз, глядя в ваши глаза, мне хочется сделать вот это...

Он снова опустил голову и поцеловал ее долгим, страстным поцелуем.

У Кейт голова шла кругом, мало того, она не могла поверить в то, что он сказал... Ее глаза вызывают в нем желание целовать ее? Ее глаза?!

Джек поднял голову и улыбнулся, глядя в ее потрясенное личико. Она знала, что должна что-то сделать, что-то сказать, но не могла. Кейт неотрывно глядела в его глаза, и, похоже, он увидел в ее взгляде безмолвное послание, потому что прошептал:

— Ну вот, вы снова это делаете.

И с мучительной нежностью припал к ее губам.

Потом вдруг провел пальцами по ее груди. У Кейт перехватило дыхание, и она выгнулась к нему в ответ. Соски стали невыносимо чувствительными, когда его руки начали потирать их сквозь ткань платья и нижней сорочки. Сладчайшая дрожь накатывала волна за волной, Кейт трепетала и неудержимо льнула к Джеку. А в это время его рот, губы и язык дарили ей самые невероятные ощущения, от чего ее тянуло еще сильнее вжаться в него, почувствовать его рядом, вокруг и внутри.

Вкус недавно питого им бренди, выкуренного табака, но также чего-то неописуемого, мужского и присущего только одному Джеку заполнил Кейт. Она хотела прикоснуться к Джеку, целовать, вкушать. Одна ее рука погрузилась в его густые, волнистые темные волосы, а другой Кейт накрыла его подбородок, нежно поглаживая и наслаждаясь небритой кожей. Джек на мгновение оторвался от ее губ, и Кейт тихо застонала в знак протеста и потянулась к его рту.

Его тело прижималось к ней, совершая медленные, равномерные движения — мужского к женскому, — удерживая, пробуя, желая. Его руки прошли по ее спине, заставив Кейт сильнее прилечь к Джеку, потираясь грудью о его твердую грудь. Она почувствовала, что он как-то отстранился от нее, затем постепенно стала ощущать спиной прохладу.

Она вдруг поняла, что Джек расстегивает ей платье, пытаясь спустить его с плеч. Кейт отпрянула, изумленно ахнув, и обнаружила, что руками удерживает лиф и онемело смотрит на Джека.

— Джек... — прошептала она, в ее глазах стоял вопрос, на который не было ответа.

Он взглянул в личико Кейт, потом чертыхнулся и оттолкнул ее. Развернулся, проводя рукой по волосам, и направился к столу, где обычно держал бренди. Резко остановился и снова выругался, вспомнив, какая участь постигла его напиток. Сунув руки в карманы, Джек мрачно уставился на огонь в камине. Потом разок пнул поленья больной ногой, и в дымоход, танцуя и кружась, словно дервиши ^[37], взлетели искры. Боль привела его в чувство.

Кейт как могла торопливо застегнула платье и стала ждать, когда же Джек обернется. Они долго стояли в тишине: Джек, глядя на огонь, с непроницаемым выражением лица и тяжело вздымающейся грудью; Кейт, взволнованная и с широко открытыми глазами, чье лицо в свете свечей горело нежным румянцем.

На скулах Джека играли желваки. Одно нежное слово — и Кейт снова окажется в его объятиях. И тогда его уже ничто не остановит. Он и без того ходил по краю пропасти. Он желал Кейт, желал, как ни одну женщину в своей жизни.

Но Кейт была леди, и если он коснется ее сейчас, их имена, как вступающей в брак пары, огласят в церкви уже в следующее воскресенье, а он не мог поступить с ней так. Не смел привязать к жалкому калеке, ведь стараниями его бабушки Кейт могла заполучить

любого мужчину и жить припеваючи, не ведая ни забот, ни хлопот. Нет, пусть он и не ахти какой джентльмен, но ему достанет гордости не произнести этого нежного слова и не заманить Кейт в ловушку ее же добротой.

— Убирайтесь, пока я и в самом деле не задал вам трепки, — прорычал он. — Господи, неужто ваш отец не учил вас, что нельзя столь пылко отвечать мужчине? Если бы я не знал, что вы невинны... — Он провел рукой по своим волосам. — Это же отвратительнейшее подстрекательство. Разве вы не понимаете? Это приглашение воспользоваться вами как женщиной самой низкой пробы!

Краска медленно отхлынула от лица Кейт. Она открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

«... приглашение воспользоваться вами как женщиной самой низкой пробы!»

Он обвиняет ее в распутстве, в отчаянии подумала она. Осуждает, как и все прочие...

«... столь пылко отвечать... Если бы я не знал, что вы невинны...»

Но ведь Джек и не знал ее так хорошо, как полагал! А узнай получше, что бы он подумал? Что она и Анри тоже подначивала? Что сама напросилась в шлюхи французу?

Она бы умерла, посмотри на нее Джек подобно тем мужчинам в Лиссабоне.

Кейт оцепенело глядела на Джека. Все верно. Она его подначивала.

Подначивала... на ссору. Возбуждала его гнев, только и всего. Джек ведь первый схватил ее. И поцеловал ее он, когда она даже не помышляла об этом... ну, разве что капельку. О да, она ответила на поцелуй, но начал-то все он, целуя ее так потрясающе... И ведь это он принялся расстегивать ей платье! Но, как и все в Лиссабоне, именно ее он счел ответственной...

Что ж, если она распутна, то он ни чем не лучше!

Внезапно в ней заклокотал гнев, гнев не только из-за слов Джека, но и из-за всего того, что наговорили о ней мужчины в Португалии и Испании. Осуждая ее!

Лицемеры!

На сей раз она не станет покорно принимать на себя вину за то, что с ней сделал мужчина. Она отстоит себя. И даст ему заслуженный отпор!

Белая, как мел, Кейт вперилась взглядом в Джека. Он невольно потянулся к ней рукой и тут же получил увесистую пощечину. Остолбнев от неожиданности, он так и остался стоять, словно истукан, а она повернулась в полном безмолвии и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Ошарашенный, Джек долго не отводил взгляда от двери. Потом поднял руку и задумчиво потер щеку. Неслабый удар. Его маленькая Кейт отвесила добрую пощечину. Он снова сел в кресло и уставился на огонь, не отрывая руки от пострадавшей щеки, хотя та уже давно не горела.

Каким образом все зашло настолько далеко?

Ад и пламя, то она сводила его с ума, подстрекая на ответный шаг, — вихрем влетела, будто маленький ангел мщения, и вырвала у него из рук всю выпивку. Потом он не без оснований рассердился на нее, когда она скакала от одного предмета мебели к другому, швыряя в него обвинения и вазы с листьями, — нахальный чертенок. И вот уже его гнев перерос в нечто иное. Превратился в охоту. А когда он поймал Кейт, ощутил ее хрупкое, дрожащее тело рядом с собой, пробудилась вся его неудовлетворенность...

Черт, ей нужно было преподать урок, но он вовсе не помышлял вот так ранить ее. Он все никак не мог выбросить из головы выражение ее глаз. До того, как Кейт осознала его

слова и опьяненная его объятиями изумленно взирала на него, он успел заметить в ее взгляде сияние: самое робкое и ласковое сияние. Джек никогда не забудет, как погасло это нежное сияние, вытесненное глубочайшей болью и мукой...

Она не заслужила этого. Он сжал кулак и треснул им по подлокотнику кресла. Черт побери, о чем она думала, приставая к нему пьяному? Но какой же сладкой она была в его объятиях, сладкой, страстной и доверчивой. И это невыносимо, ведь продолжения, как он знал, быть не могло. Потому он и наговорил гадостей: хотел прогнать Кейт, пока не стало слишком поздно. Джек снова застонал.

Он еще раз стукнул кулаком по подлокотнику, затем ударил себя по ноге, получая горькое удовлетворение от вызванной боли.

* * *

Кейт лежала поперек кровати на стеганом покрывале в убежище своей спальни; влажный, скомканный носовой платок свидетельствовал о ее горьких слезах. Она лежала, уставившись на выцветшие обои, и только редкие судорожные вздохи напоминали о недавнем приступе безудержных рыданий. Сейчас она чувствовала необычайное спокойствие, спокойствие после бури.

Добрую половину нынешнего года Кейт всеми силами сторонилась людей, не позволяя себе других чувств, кроме самых простых, будничных переживаний. Это решение, поняла она теперь, было продиктовано страхом, страхом перед тем, что ее снова могут ранить, снова могут отвергнуть.

И Кейт не зря боялась.

«Что вы имели в виду, говоря о моих глазах?» — «Только то, что каждый раз, глядя в ваши глаза, мне хочется сделать вот это...»

И поцелуи Джека стали для нее всем тем, о чем она когда-либо мечтала... и даже больше. На радость или на беду, но она без памяти влюбилась в Джека Карстерза.

Все ее решения, все ее чтения наизусть библейских отрывков, все ее безумные планы оказались, однако, лишь отчаянными попытками отгородиться от правды. Теперь она это признала. Кейт не сразу поняла, что непоправимое уже случилось.

Поначалу, несмотря на привлекательность Джека, она не видела в нем опасности. Она просто-напросто обрадовалась, что в Севеноуксе нуждаются в ее умениях. Но постоянное вмешательство Джека выбивало из колеи: их перепалки и веселили ее, и приводили в ярость, и невероятно бодрили. И Кейт понимала: это не просто физическое влечение, а нечто большее. Ссоры вспыхивали из-за его желания защитить ее. Она пыталась это отрицать, но для девушки, которой едва ли довелось испытать на себе заботу других людей, стремление защитить оказалось подкупающим качеством в мужчине. И когда ей открылась его боль, она, вопреки ранее принятому решению, не смогла остаться безучастной. К тому времени, когда она наконец осознала, как глубоки ее чувства к Джеку, стало слишком, слишком поздно.

Кейт пыталась... но потом он поцеловал ее. И, как цветок, неизбежно отвечающий на теплоту солнца, она раскрылась сердцем и отдалась чувствам, которых еще не испытывала ни к одному человеку.

Она полюбила его.

«... каждый раз, глядя в ваши глаза, мне хочется сделать вот это...»

Джек понятия не имел, как много значили для нее эти слова. Когда другие смотрели ей в глаза, то видели в них ее покойную мать, — и отец, и братья, и Марта. Даже леди Кейхилл.

Но Джек видел только ее, живую Кейт. И с Джеком, только с Джеком, ее глаза стали поводом для поцелуев. И она — находясь в его объятиях, зацелованная, — предложила всю себя, какой она была и какой могла бы стать...

А он так грубо отверг ее дар.

Как же больно, нестерпимо больно. Кейт чувствовала себя совершенно раздавленной.

На следующее утро Кейт встала рано и, по обыкновению, спустилась вниз на кухню приготовить завтрак. Ночью она кое-что решила для себя, решила твердо. Она позволила себе слишком много вольностей с Джеком, а она ведь экономка, всего лишь экономка. Ей не следовало — пусть и с благими намерениями — вмешиваться в его жизнь. Чувства к Джеку — непростительная ошибка, ведь знала же, что потом будет непременно больно. Довольно уже пребывать в царстве грез.

Она не позволит никому и никогда — ни Джеку, ни кому-то другому — вновь всколыхнуть ее чувства подобным образом. Впредь она будет держать их в строгой узде, заново возведет вокруг своего сердца ледяные стены, как в Лиссабоне. Она позволила Джеку Карстерзу растопить их — теперь они станут крепче. И она даже начала возводить их накануне, во время долгой и бессонной ночи. Дюймы толщины. Кейт уже чувствовала, как от этих стен ее пробирает мороз. Может, и холодно, зато никакой боли.

Кейт поставила вариться кофе и замерла, услышав легко узнаваемые неровные шаги, приближающиеся к кухонной двери. Дверь открылась. Долгое молчание. Кейт ощущала, как Джек сверлит ее глазами. Глубоко вздохнув, она повернулась к нему.

— Я должен извиниться перед вами, мисс Фарли, — заговорил Джек. — Я не имел права говорить вам тех слов. На самом деле я вовсе так не думал и глубоко сожалею о них. Я накинулся на вас самым постыдным образом. Это было непростительно.

Кейт удивленно моргнула. Будь он проклят, проклят, проклят! Он совершенно искренен. Она смутно почувствовала, как лед вокруг нее начал таять. О, черт бы побрал этого Джека Карстерза!

Он продолжал:

— Я не прошу вас простить меня, но надеюсь, вы, по крайней мере, примите мои смиренные извинения. Уверяю вас, такое больше никогда не повторится.

У Кейт встал ком в горле:

— Мистер Карстерз, это не совсем ваша вина. Не... не мне решать, проводить вам вечера за выпивкой или нет. — Голос ее зазвучал более хрипло, чем обычно: — Мое вмешательство неуместно, поэтому — неважно, что вы там сказали или сделали, — винить я должна только себя.

«О, боже, — подумала она, — зачем я это говорю?» Она не собиралась извиняться. Ей не должно быть дела до его мыслей, слов или поступков. Так что же она делает? Очевидно, опять извиняется.

— Я тоже наговорила вам ужасных слов и не подразумевала под ними ничего такого... или, во всяком случае, не должна была...

Кейт сбилась и смолкла. Она чувствовала на себе горячий взгляд Джека. Последовала долгая, напряженная пауза, а потом сбежал кофе.

— Кофе! О, боже! — воскликнула Кейт и кинулась его спасать. — Ай! — вздрогнув, резко вдохнула она: Кейт обожглась, опрометчиво схватившись за горячую чугунную ручку.

Она отступила от плиты, впившись губами в руку.

— Позвольте мне взглянуть.

— Ерунда, — отмахнулась Кейт, тем не менее, защищая, бережно прижала обожженную руку к груди.

— А ну-ка, — повелительно произнес Джек, — показывайте.

Он осторожно взял ее руку и нагнулся, внимательно осматривая ожог. Кейт взглянула на склоненную темную голову и почувствовала, как вся дрожит. Ей неудержимо хотелось запустить пальцы в эти густые, непокорные волосы. «Лед, — мысленно твердила она себе, — думай о льде!»

— Ничего серьезного, — спокойно произнесла Кейт. — У меня бывали ожоги и посильнее.

— А не должны быть. — Кейт удивилась сдержанному гневу в его голосе. — Вам не следует находиться там, где вы беспрестанно обжигаетесь.

Опять эти замашки защитника. Потеряв присутствие духа, она попыталась отдернуть руку. Джек поднял голову и взглянул в ее глаза.

— Да катись все к чертям! — проворчал он и заключил ее в объятия.

Он обрушился на ее рот требовательным поцелуем, и Кейт почувствовала исходящую от него страсть. Ледяные стены с треском раскалывались, мгновенно превращаясь в пар.

Поцелуй длился считанные секунды. Джек оттолкнул ее и покинул кухню, направляясь во двор. Кейт осела на стол, боль в руке была почти забыта. Он вернулся через несколько минут, неся чашу с водой, в которой плавали огромные куски льда и снега.

— Вот, — резко произнес Джек, — опустите руку сюда. Холод — самое лучшее средство от ожогов; чем холоднее, тем лучше.

Казалось, ее обожженная рука сейчас совершенно ни при чем. Кейт потрясенно моргнула, уставившись на него. Слишком поздно: ни одна ледяная стена не устоит перед этим мужчиной. Кейт любила его. Единственный лед, который она ощущала, — тот, что глыбами плавал в чаше. В остальном же ее окутывало тепло. Настоящий жар. Она вся пылала.

— О, ради всего святого, не смотрите на меня таким взглядом, — простонал Джек. — Опустите руку в эту чертову чашу и забудьте о том, что сейчас произошло. Я... я, должно быть, еще пьян с прошлой ночи.

Он провел рукой по волосам и, заметив, как Кейт наблюдает за ним, снова выругался.

— Кейт, черт побери, я же просил не делать так! Это было умопомрачение, ошибка. Простите меня. Такое не повторится. Даю вам слово. Только перестаньте смотреть на меня так, договорились?

— Не повторится? — прошептала Кейт.

Если она не в силах возвести против него стены, тогда какой смысл сопротивляться?

— Нет, ни за что не повторится.

— Тогда и вы меня простите.

Джек сжал кулаки, не веря своим ушам.

— О, ради всего святого! — проворчал он. — Больше мне не вынести.

И тихо захромал из комнаты.

Кейт понимала, что ей не следовало произносить этих слов. Это не подобает приличной девушке, но раз ее больше не считают приличной, тогда...

И ей нравились его поцелуи, нет, не просто нравились.

Она еще никогда в жизни не испытывала таких чувств, которые неизменно пробуждал в ней Джек Карстерз, держа ее в объятиях и склоняясь к ее губам. После его поцелуев она ощущала себя такой одновременно опустошенной и живой, ликующей и уязвимой и... восхитительнейшим образом плененной.

И ей хотелось еще.

***

— Я намерен написать своей бабушке и попросить ее немедленно забрать вас к себе, — объявил Джек, входя в библиотеку, где Кейт стирала пыль с книг.

Она резко обернулась, оторвавшись от своего занятия.

— Но почему? — в тревоге округлив глаза, прошептала она.

Судя по всему, Кейт усердно трудилась: волосы кое-где начали выбиваться из узла, подбородок в пыли, а над правой бровью — пятно от воска. Господи, где еще найдешь девчонку, столь несовместимую с домашней работой? Ей следует выйти замуж за богача хотя бы для того, чтобы ее личико всегда оставалось чистым. Джек старался не выдать взглядом своего веселья, силясь сохранить твердость по отношению к ней.

— Так продолжаться больше не может.

— Как продолжаться?

Взгляд его посуровел:

— Как сегодня утром и вчера вечером.

Кейт зарделась и прижала к груди книгу, которую только что вытирала.

— Вообще-то, я не хочу ехать в Лондон к вашей бабушке.

— Это к делу не относится. Если вы останетесь, может случиться непоправимое.

Кейт в упор смотрела на Джека:

— Правда? — тихо спросила она.

Джек выругался про себя и отвернулся. Проклятье! Под взглядом этих огромных серо-зеленых глаз вся его решимость мгновенно таяла. Надо заставить ее понять, раз и навсегда.

— Храни меня, Боже, от наивных девственниц! — недовольно прорычал он.

Кейт напряглась, как струна, но он этого не заметил.

— Вы не понимаете, в какой опасности находитесь, — произнес Джек.

«О, неужели?» — подумала Кейт.

— Мисс Фарли, у мужчин есть потребности, плотские потребности. Мужчины не похожи на женщин. Когда мужчиной овладевает потребность, он, чтобы ее удовлетворить, обращается к женщине. Вы понимаете меня? Я говорю «к женщине», к любой женщине, первой попавшейся под руку женщине, способной удовлетворить эти самые плотские потребности.

Кейт закусила губу.

Джек снова выругался. Проклятье, ему ничего не остается, как быть по возможности безжалостным с Кейт, чтобы потушить это мягкое сияние, которым всякий раз лучится ее взгляд, останавливаясь на нем. Он не мог предложить ей будущего. Истинная правда, он даже не мог потанцевать с ней, а Кейт Фарли прямо-таки создана для танцев, девушка-пушинка. Не может же он позволить ей похоронить себя в беспросветной нищете, тем более что она и понятия не имеет, чего лишается.

Она никогда не бывала в Лондоне, никогда не танцевала в предрассветный час на пышном балу в объятиях красавцев, поочередно сменяющих друг друга, никогда не посещала

оперу, Ковент-Гарден ^[38], Друри-Лейн ^[39], Олмакс ^[40]. Но видела смерть, чересчур много смертей, а та жизнь, которую могли предложить ей его бабушка и Лондон, ей была неведома. Ее может ожидать блестящее будущее; и если жестокие слова — это то, что заставит ее отправиться в столицу, тогда он их произнесет.

— Я не исключение. Возможно, я и изуродованный калека... — Кейт передернуло от неприкрытой ненависти к самому себе, прозвучавшей в его голосе, — но я все еще мужчина, с мужскими потребностями. — Он помолчал, чтобы до нее дошел смысл слов. — И у меня уже давно не было женщины, Кейт. Очень давно. И дело в том... в этом. Все дело в этом. Вы меня понимаете? Я бы никогда не прикоснулся к вам, никогда бы не поцеловал, но я был пьян, и у меня сто лет не было женщины, вот и не сдержался.

Он отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза.

Кейт уставилась на тряпку и медленно скомкала ее. Она принялась натирать ближайшую полку. Ему надо было напиться, чтобы захотеть прикоснуться к ней? Именно об этом он толкует? Она для него любая? Всего лишь женщина, оказавшаяся под рукой? Горькие, жестокие слова, но в конечном итоге Кейт поняла, что они не расстроили ее так, как должны бы.

Просто в глубине души она ему не верила.

Если ему всего-навсего нужна доступная женщина, тогда почему он не донимал Милли или Флоренс? Или девицу из таверны, где частенько пропадал, — говорят, она еще та штучка. Нет, что бы там Джек Карстерз о ней ни думал, доступной женщиной он ее не считал. И на пьяное состояние он зря грешил: оно лишь усугубило непростую ситуацию, но не более того.

— К концу недели вы закончите все необходимые приготовления для отъезда в Лондон.

Казалось, слова его доносились откуда-то издалека.

— Нет, — прекратив бессмысленное натирание, кинула Кейт через плечо.

У нее не было ни малейшего желания становиться предметом насмешек высшего света. Ни за что, пока у нее есть выбор. И кроме того, она ведь дала слово его бабушке.

Джек недоверчиво переспросил:

— Вы сказали «нет», я не ослышался?

— Не ослышались, — спокойно ответила она. — Я не намерена уезжать.

— Женщина, да в своем ли вы уме? — пророкотал он. — И это после того, что я сейчас сказал? Все равно собираетесь остаться? Рискую быть обесчещенной?

Иронично скривив губы, Кейт свернула тряпку для пыли в тугой узел. Можно ли быть обесчещенной дважды? Спорный вопрос.

— Вы что не слышали, о чем я говорил, глупая вы девчонка?! — Карстерз схватил ее за плечи и развернул к себе. — Если вы останетесь, то рискуете расстаться с девственностью! Да что, черт возьми, с вами такое?

Кейт вывернулась из его крепкой хватки и стала приглаживать юбку, словно пташка, только-только спасшаяся от кота, — перышки.

Джек прищурился, черты его лица ожесточились.

— Может, таков ваш план?

— Вы о чем?

— Соблазнить и попытаться поймать меня в брачные сети, — медленно произнес он.

— Соблазнить вас?

Кейт задохнулась от негодования.

— А разве не это имело место? Уверен, тут не обошлось без моей бабушки: она тоже приложила к плану свой хитрый коготок. — Он резко рассмеялся. — Да, все верно. Никаких сомнений, вы обе хорошенько продумали, как обстригать это дельце.

— Да как вы смеете?!

Джек продолжил, не обратив на нее внимания:

— О, господи, каким я был глупцом. Все же ясно, как дважды два. Не успела моя помолвка с Джулией отойти в прошлое, как, откуда ни возьмись, появляется моя бабушка, озабоченная холостяцким положением внука. Она сваливает на меня бедную сиротку Кейт, надеясь, что я, не моргнув глазом, подберу ее и сделаю своей. Ха! Двух зайцев одним махом! — Он зыркнул на Кейт. — Только ничего из этого не выйдет: ваши козни раскрыты. Так просто меня вам не поймать, мисс Фарли; жениться на вас я не намерен.

— А я вовсе и *не собираюсь* за вас замуж, мистер Карстерз! — Над Кейт возобладал ее неукротимый нрав. — Никогда, *ни при каких обстоятельствах* бы не опустилась до такого подлого замысла, а вы... вы — невероятный наглец, если строите подобные предположения. Это совершеннейшая нелепость, и я требую немедленных извинений — и передо мной, и перед вашей бабушкой. Уверена, она ни за что не станет плести столь грязные интриги!

— Согласен, не грязные, гораздо точнее сказать — бесконечные.

Кейт пропустила его замечание мимо ушей:

— И как вы посмели обвинить меня в попытке соблазнить вас? Ведь именно вы хватаете меня и распускаете руки с тех самых пор, как я сюда попала, ежеминутно досаждаете мне, когда я всего лишь пытаюсь привести в порядок этот дом, — закончила она целомудренно, пусть и покривив душой.

— О, так значит, я вас хватал и распускал руки, да? А кто приставал ко мне в моей собственной комнате посреди ночи?

Кейт топнула ногой:

— Ничего подобного я не делала! Да как вы смеете даже предполагать такое?!

— Хорошо, в кабинете наверху. Вы прокрались туда, зная, что я под хмельком, и начали меня соблазнять.

— Я не кралась! Не кралась! — возмутилась Кейт. — И вы были вовсе не «под хмельком», как поэтично выразились, а просто-напросто *напились*! Горький пропойца! И если воображаете, будто я пыталась вас соблазнить, отбирая отраву, которую вы лакали, тогда у вас очень странное представление о соблазнении, и не удивительно, что Джулия, кем бы она ни была, вас бросила!

— Не вмешивайте ее сюда, — прорычал он.

— С удовольствием.

Кейт вскинула голову, сожалея, что почти ничего не знает о его бывшей невесте.

— Что же касается так называемой «склонности распускать руки», о которой вы столь неодобрительно отзываетесь, как-то я не заметил, чтобы вы этому героически сопротивлялись. И насколько мне помнится, именно я всякий раз останавливался, а вовсе не вы.

Запылав ярким румянцем, Кейт не нашла достойного ответа. Разумеется, она не прерывала его объятий. Ему прекрасно известно, что от его поцелуев в ней остается столько же твердости, сколь в бланманже [\[41\]](#), а желание что бы то ни было останавливать совершенно улетучивается. Но как... как же *оскорбительно* его стороны поддевать ее этим. Кейт охватило беспомощное негодование.

На лице Джека появилась легкая понимающая улыбка.

— О, да вы прямо вне себя от ярости! — выкрикнула она. — К вашему сведению, я *не намерена* выходить замуж. Ни за вас! Ни за кого! И никогда!

— Вздор!

— Вовсе не вздор, а чистая правда — так уж вышло.

Он смотрел на нее из-под грозных черных бровей. Уже не в первый раз она несет эту околесицу. Представить Кейт всю жизнь живущей старой девой не проще, чем допустить, что он может летать.

— Но почему, мисс Фарли? Я уже слышал от вас это заявление, но вы должны привести убедительные доводы. Мне прекрасно известно, чего хотят женщины... — Джеку не удалось избежать насмешки в голосе, — ...богатства, красиво обставленного дома, положения в обществе, восхищения и влюбленного до безумия олуха на блюдечке. Еще не родилась та женщина, которая ради этого не стала бы плести интриги.

Кейт передернуло от такого циничного взгляда на брак. Он исходит из личного опыта? Кто-то больно ранил его — ясно как божий день. Джулия? Кейт, разумеется, не могла говорить за всех женщин, но для нее самой важна была только любовь и ничего из того, что перечислил Джек. Однако Анри отобрал у Кейт право на уважение, а какая любовь без уважения? Значит, выйти замуж она не могла. Этому ее научил Лиссабон. Лиссабон и Гарри, ее жених.

— Вы ошибаетесь насчет большинства женщин, но вижу, слушать вы не будете. Мне остается только повторить: я не намерена выходить замуж. Что до причин, они очень и очень личные. Ваша бабушка о них осведомлена и поэтому не стала уговаривать меня сопровождать ее в Лондон, а подыскала взамен эту временную должность — вашей экономки.

— Чушь! — фыркнул Джек. — Бабушка предложила вам эту должность лишь потому, что вы чертова упрямец и не ведаете, что для вас хорошо. Эта должность — не что иное, как временная подачка вашей гордости. Бабушка решительно настроена представить вас свету. Ничего, ровным счетом ничего не мешает вам выскочить замуж за богатого, респектабельного дурачка.

Яростно сжав рот, Джек сверлил Кейт взглядом, глаза его метали молнии.

— Вы просто обязаны избавить меня от своего присутствия и отправиться в Лондон — трепетать этими длинным ресницами перед джентльменом, который отвечает вашим запросам, нежно шептать ему на ушко этим мягким, хрипловатым голосом, улыбаться и соблазнять его своей прелестной фигуркой. Дурачок и пикнуть не успеет, как вы будете вышагивать с ним под ручку по проходу в церкви, и, поверьте, не пройдет и года, может, двух, и вы станете лениво покачивать на коленях его наследника.

Длинные, крепкие пальцы Джека впились ей в плечи, и он тряс ее, пока говорил. Губы Кейт мучительно подрагивали от его неосознанной жестокости. Он заставил слушать о невозможном! И в каких словах описал столь уютную и совершенно недостижимую картину...

Джек ощущал каждый ее вдох и выдох, сладкое розмариновое благоухание ее волос. Кейт дрожала под его руками, и он глубоко и шумно вздохнул.

— Если же он заартачится и будет медлить с предложением руки и сердца, вы только посмотрите на него, как теперь, и бедняге уже не выкрутиться.

Застонав, он впился в ее губы, и Кейт снова закружило в водовороте чувств, которые

становились такими дорогими и такими удивительно привычными для нее.

В конце концов он оставил ее рот и, тяжело дыша, навис над ней. Разбушевавшиеся чувства Кейт все не унимались — объятия Джека только подстегивали их, и она, ища опору, вцепилась ему в плечи и прижалась к теплой вздымающейся груди.

Дрожа, она собрала жалкие остатки своей воли и попыталась оттолкнуться от его мускулистой груди и обнимавших ее рук.

Джек тут же отпустил ее и отступил. Кейт ощутила себя такой одинокой, что ее решимость грозила рассыпаться в пух и прах. Она хотела вернуться обратно в эти крепкие, изумительные объятия, но не могла. Она отошла в другой конец комнаты и стояла там, приходя в себя.

Кейт, имевшая полное право настаивать на соблюдении приличий, не сумела этого сделать. Если именно это беспокоит Джека, она обещает, что поцелуев больше не будет. Она была уверена, что справится с этой задачей, ведь в случае неудачи ее отошлют в Лондон. Так далеко от него.

Прошла пара минут, и она неуверенным голосом произнесла:

— Вы во многом ошибаетесь, мистер Карстерз, но в одном совершенно правы — подобное поведение следует прекратить. — Она глубоко вздохнула и продолжила ничего не выражающим голосом: — Я прошу прощения за свое участие в непристойном поведении, которое имело место. Не беспокойтесь, подобное больше не повторится. В этом можете полностью на меня положиться. Но в Лондон я не поеду.

Джек стоял и наблюдал за ней потемневшим взглядом. Он коротко кивнул и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Кейт подобрала пыльную тряпку. Из глаз брызнули слезы.

***

Проходили дни, но о том, чтобы отослать Кейт к леди Кейхилл, речи больше не заходило. Как, собственно, и обо всем остальном, так как Кейт с Джеком почти не разговаривали, разве что по крайней необходимости.

Наступило и прошло Рождество, словно еще один обыкновенный день. Но только не для Кейт. Придя из церкви, она похлопотала, чтобы приготовить особенный обед, однако Джек так и не появился, посему трапеза вышла преунылая — компанию Кейт составили только Марта и Карлос. Фермерским девушкам дали выходной, впрочем, в такой зверский холод только и оставалось, что жаться у огня.

Для Кейт это был день горького-прегорького одиночества, воскрешавший в памяти все те прошлые рождественские дни, когда ее братья играли и шутили, дурачась на все лады...

Она старалась не раскисать, говоря себе, что на самом деле все не так уж плохо, — ей теперь не приходится голодать и у нее есть кров над головой, а похвастаться подобным могли далеко не все. И все же это было первое одинокое Рождество из длинной череды тех, что ей еще предстояло встретить в жизни. Осознание безрадостного будущего пробрало до самых костей — Кейт знобило, и даже бушующее пламя очага не спасало от этого, она чувствовала себя всеми покинутой.

Наконец, после долгого, печального дня, она заползла в кровать и с наслаждением предалась слезам, убаюкивая себя.

***

Возвращаясь из местной таверны после проведенного в добровольном изгнании дня и проходя мимо двери Кейт, Джек услышал приглушенные всхлипывания. Он замер, прислушиваясь. Его неудержимо тянуло войти в комнату, заключить Кейт в объятия и поцелуем успокоить горькие рыдания. Он хотел обнимать ее, утешать, лю... Но не мог. Даже будучи пьян, он сознавал: войти к Кейт — значит навсегда разрушить ее жизнь. Джек страдальчески прислонился к двери, каждый всхлип болью отдавался в его груди, пока наконец не наступила тишина, и он понял, что Кейт заснула.

***

Однажды утром, уже в новом году, Кейт, по обыкновению, любовалась освещающим заснеженным рассветным пейзажем. Неожиданно под окном раздался приглушенный стук копыт. Сердце ее бешено заколотилось. Неужели лошадь снова его сбросит? Кейт распахнула окно и, обеспокоенная, высунулась на самый холод. Мимо, развеивая по ветру гривой, пронесся крупный чалый [\[42\]](#)жеребец. Джек Карстерз уверенно держался в седле и скакал довольно неплохо, хотя, возможно, и не столь элегантно, как в былые времена. Кейт прижала руку к щеке, и глаза ее наполнились слезами, когда она поняла, чего он добился.

С унижением покончено. Он мог ездить верхом. Джек Карстерз снова присоединится к клубу «Куорн» [\[43\]](#) или к любой другой группе охотников на лис. Кейт понаблюдала, как он скачет галопом по небольшому холму, потом неспешно умылась и оделась. То был великий день. Джек, по всей вероятности, ничегошеньки ей не расскажет, но она отпразднует это событие, приготовив ему вкусный-превкусный завтрак.

Кейт возвращалась из курятника, как вдруг услышала за спиной стук копыт по мощеному двору. Она круто развернулась и чуть было не выронила корзинку, полную яиц, когда чалый, сдерживаемый крепкой, умелой рукой, с цокотом остановился перед самым ее носом. Джек ликуяще ухмыльнулся ей с высоты и, соскользнув с огромного коня, лихорадочно вцепился в нее.

— Вы видели, Кейт?! Я снова могу скакать! И все благодаря вам!

Он без предупреждения обхватил ее и стал кружить и кружить, радостно смеясь. Кейт тоже рассмеялась, ей безумно хотелось поставить корзинку на землю, чтобы обнять его в ответ. Наконец кружение замедлилось, и Джек, продолжая удерживать Кейт выше себя, посмотрел ей в глаза.

— Ну как, Кейт? Объявим мир? Сегодня я слишком доволен жизнью, чтобы продолжать наше вооруженное перемирие.

Преисполненная чувств, Кейт не смогла вымолвить ни слова, лишь смахнула слезы.

— Что я вижу? — воскликнул Джек. — Слезы?

Улыбка сползла с его лица, и он, не разжимая объятий, позволил девушке медленно соскользнуть вниз на землю.

— О, нет, — пробормотала она, опуская корзинку и нащупывая платок. — Я... я часто плачу от счастья. Эт... это крайне нелепо.

— Действительно, нелепо, — улыбаясь, мягко заметил он, — но зато в этом — вся Кейт, правда?

Она подняла на него глаза, пораженная теплотой его голоса.

— Банальность не в ее духе, — проворчал Джек. — Позвольте-ка. — Забрав платок из ее податливого кулачка, он одной рукой вытирал ей глаза и щеки, а другой — придерживал за затылок.

Кейт поймала себя на том, что не может и шелохнуться. Она была потрясена ощущением его мощного тела, прижимавшегося к ней, его теплого дыхания на своих щеках, его мягкого, глубокого голоса, шептавшего у ее уха. Она знала, что должна отстраниться. Так твердил внутренний голос, но она словно ослепнела. В конце концов Джек закончил вытирать ей щеки, и они так и стояли, молча и замороженно. Кейт поняла, что не может взглянуть на него. Она почему-то затаила дыхание и уставилась на пуговицы его рубашки, всем своим существом впитывая жар и силу его объятий. Наконец он пальцем легонько приподнял ей подбородок, и их взгляды встретились.

— Благодарю вас, Кейт, — ласково произнес Джек и устремился к ее губам, его нежность не оставила камня на камне от решительности, с которой она собиралась его оттолкнуть.

Поначалу его губы были осторожны и мягки, потом, когда под его нажимом она приоткрыла рот, Джек издал гортанный стон, и поцелуй стал более глубоким. Кейт полностью отдалась восхитительному, волнующему ощущению его языка, который искал, ласкал и сплетался с ее языком. Она сильнее прижалась к Джеку и запустила пальцы в его густую темную шевелюру, с безрассудным наслаждением впиваясь ему в волосы. Застонав, он приподнял голову и посмотрел Кейт в лицо, встречая ее ошеломленный от удовольствия взгляд, его же глаза почти почернели от страсти.

— О, боже, — пробормотал он и снова прильнул к ее губам крепким, долгим и страстным поцелуем, от которого она вся затрепетала.

Внезапно Кейт поняла, что ее резко отпустили. Потрясенная, она не сразу расслышала голоса и громкие шаги по каменному настилу. Из-за угла дома появились Милли с Флоренс, и Джек взял чалого за поводья. Кейт по-прежнему стояла там, где он ее оставил, пытаясь собраться с мыслями после стремительной атаки на ее чувства.

— Доброе утро, мисс Кейт, мистер Карстерз, — хором пропели девушки. — Батюшка говорит, скоро снова жутко повалит снег.

Джек непринужденно болтал с ними, и Кейт подивилась его великолепному самообладанию. Вероятно, он не испытал такого же взрыва эмоций, как она, заключила Кейт. Не мог испытать, раз умудрялся вот так легко, вскользь, как ни в чем не бывало вести разговор. Страсть, видимо, не одинаково действует на мужчину и женщину. Но с ее стороны это была не просто страсть — была еще и любовь. Может, разница в этом. Она заставила себя поздороваться с девушками и на подгибающихся ногах побрела на кухню, где плюхнулась на ближайший стул и стала приводить мысли в порядок.

Кейт отчаянно старалась изгнать Джека Карстерза из своего сердца, но, кажется, он врос в него на веки вечные. Ничего, похоже, не помогало. Она хотела заставить себя относиться к нему равнодушно, пыталась неделя за неделей. Но лишь стоило поверить, что это ей наконец удалось, как Джек смотрел на нее грешными сверкающими синими глазами, и вся ее решимость таяла. Или говорил что-нибудь низким, глубоким голосом, который неизменно пронимал ее до глубины души. Или мимоходом небрежно касался ее: легонько притрагивался к плечу, задевал бедром ее юбки — любое, самое невинное касание находило в ней чувственный отзыв.

И вот теперь этот поцелуй...

Восторг Джека от того, что он мог скакать верхом, делал его совершенно неотразимым. В такие минуты она была готова отбросить всякую осторожность и пристойность, забыть обо всем на свете и отдаться ему, пока он ее хочет. И такие минуты случались все чаще и чаще.

Единственным выходом Кейт видела его предложение, которое она категорически отвергла, — убраться с глаз долой, — и на которое никак не могла заставить себя решиться. В любом случае через несколько месяцев ей придется уехать, поэтому она будет рядом с ним, пока может...

К тому времени, как в комнату, неся свежее молоко с фермы, вошли девушки, Кейт уже взяла себя в руки. Ей удалось за все утро больше не столкнуться нос к носу с Джеком. Они виделись разве что издалека. Целый день Кейт находила различные предлоги, чтобы избегать его.

Но вечером Джека прямо-таки распирало от эмоций, поэтому обедать в одиночестве он не мог и настоял на том, чтобы вечернюю трапезу превратили в праздник; он то и дело подливал всем вина, даже Милли с Флоренс, и нес такую несусветную чушь, что довел всех до колик. Кейт, прежде совершенно не знавшая его с этой стороны, была очарована. Карлос тоже оказался на высоте, его темное лицо озаряла широкая улыбка, когда он подстрекал Джека на все более и более глупые подшучивания над девушками и Мартой, от которых комната наполнялась безудержным хихиканьем.

Как оказалось, все это время Карлос подогревал масло и готовил мази для Джека, продолжая лечение в тайне от Кейт. Истории о том, каким чудом удавалось избежать разоблачения, как Кейт едва не ловила их, вызывали восторженные восклицания и дружный истерический хохот — Джек выступал сначала в роли Карлоса, потом Кейт, затем Марты, а напоследок надутого деревенского аптекаря.

«В подобном настроении он совершенно неотразим», — подумала Кейт, вытирая слезы смеха. Она вдруг поняла, что таким он, видимо, был до войны.

Должно быть, именно этот Джек обручился с Джулией, с замиранием сердца осознала Кейт: остроумный, обходительный и полный жизни. Мужчина, который в высшем свете чувствовал себя как дома. По которому наверняка сходили с ума все женщины, будь они простого происхождения, как Милли, Флоренс и Марта, или же «голубых кровей», как Джулия, кем бы она ни была, и как его собственная бабушка.

Кейт отчетливо поняла, что он достаточно окреп и телом и душой, чтобы вернуться в мир, от которого отрекся. Мир, где он будет в кругу равных себе и в своей стихии. Она уныло размышляла, возвратится ли он теперь к Джулии, когда, по-видимому, выкарабкался из пучины страдания.

Она должна радоваться за него, уговаривала она себя. И она радовалась... за него.

Однажды в полдень на исходе февраля, в пору ясных погожих деньков — вестников того, что зима неумолимо сдает свои права, перед парадным входом Севеноукса остановился изящный парный двухколесный каррикль [44]. Немного погодя появился еще один, по изяществу даже превосходящий первый, а следом — элегантный фаэтон и несколько грумов, ведущих под уздцы великолепных лошадей. Очевидно, что подобного спортивного вида экипажами правили молодые, состоятельные щеголи. Из этих, таких разных, экипажей вышли трое джентльменов и, весело выкрикивая «Безумный Джек!» и обмениваясь добродушными выпадами по поводу мастерской езды друг друга или отсутствия таковой, поднялись на крыльцо.

Кейт открыла парадную дверь и замерла. Она не ждала посетителей, особенно таких франтов, как эти. Девушка стояла, словно статуя, едва замечая их довольно восторженное настроение. Низкорослый, круглолицый мужчина стремительно прошел мимо нее, на ходу бросая ей тяжелое, со множеством пелерин пальто [45] и шляпу с высокими бортами. Посмотрев наверх лестницы, он выкрикнул:

— Эй, Джек! Безумный Джек Карстерз. Выходи, хватит прятаться, парень, и дай нам выпить!

Высокий худощавый молодой человек передал ей еще одно теплое, с пелеринами дорожное пальто и кастановую шляпу [46] с загнутыми полями и, смеясь, последовал за другом. Последний из гостей вручил ей тяжелую, отделанную шнуром шинель [4], и спокойно произнес:

— Сэр Тоби Фенвик, мистер Леннокс и полковник Френсис Мастертон к мистеру Карстерзу.

Полковник Мастертон? Военный? *С Пиренейского полуострова?* Она отчаянно боролась с паникой. Разглядеть-то как следует он ее не мог: Кейт почти скрылась под грудой тяжелой верхней одежды.

— Пожалуйста, подождите в гостиной слева от вас, сэр, а я постараюсь найти мистера Карстерза.

Джентльмен поднес монокль к глазам. Кейт сильнее съежилась за кучей одежды в руках. Закончив осмотр, полковник слегка улыбнулся и лениво проследовал в комнату, указанную Кейт. Выйдя из холла, она бросила все пальто на стул и рухнула поверх них, сердце бешено колотилось в груди.

Переполошилась почему зря, строго отчитывала она себя. С какой стати он ее узнает? Только потому, что полковник? Да, скорее всего, сотни полковников даже и не бывали на Пиренеях. А сотни других слыхом не слыхивали о Кейт Фарли. Какая нелепость думать, что именно этот мог ее узнать. Она-то уж точно не узнала ни его, ни остальных.

Приходя в себя от страха, Кейт отправила Милли разыскивать Джека, пока сама раскладывала простую закуску — хлеб, масло, вино и бренди. Потом послала Флоренс в гостиную, чтобы разжечь камин. Флоренс вернулась очень быстро, румяная и хихикающая. Кейт сжала губы — ведет себя, как трусиха, заставляя девушек терпеть все это. Когда-то же ей все равно придется встретиться с гостями Джека.

Внезапно Кейт кое-что вспомнила. Она взлетела вверх по ступенькам и помчалась к себе в комнату. Усердно порывшись в большом дубовом сундуке, Кейт выпрямилась,

ликующе размахивая белым чепцом, какой носят старые девы и который заприметила пару недель назад. Она надела убор, тщательно заправив торчащие завитки волос, и крепко завязала его под подбородком. Потом посмотрелась в зеркало. Замечательно. Чепец был уродлив до безобразия и слишком велик для нее. На нем красовались кружева, банты из лент и оборка, свисающая почти до ресниц. В таком она могла встречать любых гостей-военных, не страшась быть раскрытой. Кейт еще раз глянула на себя в зеркало и захихикала: она едва узнавала саму себя.

Она поспешила вниз и, не обращая внимания на изумленные взгляды Милли и Флоренс, а также на испуганный вздох Марты, забрала поднос с закусками и вошла в гостиную с высоко поднятой головой. Только так: иначе из-под оборок ничего не было видно.

— Бренди — вот это уже другое дело.

К Кейт, покинув теплое местечко у камина, подскочил самый высокий из джентльменов и забрал с подноса графин с бокалом.

— Эй, негодяй! — воскликнул щекастый молодой человек. — Удрать тебе с этим не удастся, даже не думай. А ну-ка, налей и мне!

Он тоже схватил бокал и кинулся вслед за другом. Кейт осенило: эти двое уже успели где-то — как говаривали ее братья — хватить лишнего.

К ней неторопливо подошел третий джентльмен. Кейт затаила дыхание.

— Позвольте мне, — предложил он, забирая поднос из ее рук и ставя его на ближайший столик.

Выпрямляясь, мужчина мельком глянул на чепец и проследил за глазами Кейт, направленными в сторону двух молодых людей, которые небрежно наполняли свои бокалы, проливая бренди на стол, только сегодня утром отполированный Кейт самым тщательным образом.

— Вы совершенно правы, мэм, — сказал он, замечая ее недовольно поджатые губы. — Боюсь, мы чересчур засиделись в отменной пивной неподалеку отсюда. Мои друзья и в самом деле слегка... э... перебрали.

— Да, я уж вижу, — сухо произнесла Кейт.

— А с вами, мэм, мы еще не имели удовольствия познакомиться. Полковник Френсис Мастертон в отставке, Девяносто пятый стрелковый полк, к вашим услугам. — Он поклонился. — А вы?...

Он выдержал паузу.

— Э... Кейт Фарли, — пробормотала Кейт.

Его легко произнесенные слова не на шутку встревожили ее. Девяносто пятый стрелковый полк? Выходит, полковник *служил* на Пиренейском полуострове.

«Дай Бог, чтобы он ничего обо мне не слышал, — лихорадочно взмолилась она. — О, небеса! Зачем я назвала свое имя? Мне следовало изменить его. О Господи!»

Она машинально протянула руку, а затем, опомнившись, неуклюже отдернула ее. Прислуга не обменивается рукопожатием с гостями хозяина дома.

— Я экономка.

— Неужели? — изумленно протянул Мастертон. Кейт глянула на него из-под оборок. В нее проницательно всматривались серые, под отяжелевшими веками, глаза. — Вы меня удивили, мэм, — произнес полковник и ошеломил Кейт тем, что взял ее кисть и учтиво над ней склонился, проворно поднося к своим губам.

Кейт покраснела и выдернула руку.

— Я... я посмотрю, не занят ли мистер Карстерз.

О Боже, как прикажете понимать этот его жест с поцелуем? Может, Мастертон смеялся на ней? Может, намекал, что узнал ее. Разумеется, он предположил, что она вовсе не служанка. Неужели подумал, что перед ним содержанка Джека?

— Мистер Карстерз действительно не занят, — послышался глубокий голос от дверей.

Джек вошел, и по блеску его ясных синих глаз Кейт поняла, что он видел, как полковник Мастертон целовал ей руку. Кейт повернулась с намерением уйти. Но Джек задержал ее.

— Не оставляйте нас пока, мисс Фарли, — попросил он, неодобрительно глядя на ее чепец. — Я хотел бы представить вас моим гостям, которые недавно вернулись после баталий с войсками Бони на Пиренейском полуострове.

«О Всевышний, — подумала Кейт, — все трое? Не только полковник?»

Джек развернул ее лицом к приятелям. Побледневшая Кейт стояла, словно кол проглотив.

Джек заговорил с холодной учтивостью:

— Это сэр Тоби Фенвик и мистер Эндрю Леннокс, оба служили в Четырнадцатом полку — личном полку легких драгун ее высочества герцогини Йоркской, и, как я понял, вы только что познакомились с полковником Френсисом Мастертоном, который, полагаю, недавно ушел в отставку из Девяносто пятого стрелкового полка.

Двое молодых джентльменов удивленно воззрились на него.

— Брось, Джек, — заговорил щекастый сэр Тоби, — к чему такая формальность? Или теперь принято представляться прислуге? — Он засмеялся и поднес бокал к губам. — Тогда представь меня той, другой, невысокой блондиночке...

Кейт, оскорбленная, постаралась вырваться из хватки Джека.

Но тот, не обращая на нее внимания, продолжал с парализующей настойчивостью:

— Мисс Кэтрин Фарли — подопечная моей бабушки по материнской линии, леди Кейхилл. Мисс Фарли и ее компаньонка, миссис Беттс, заехали сюда, следуя к моей бабушке в Лондон, но сжалились над бедным холостяком и великодушно предложили помочь привести в порядок этот дом. Вы даже представить не можете, в каком огромном долгу я перед этой леди.

Полковник Мастертон в ответ на тираду Джека лишь слегка повел бровью. Двое остальных робко подошли под суровым взглядом Джека и протянули свои руки.

— Простите, мэм, — произнес долговязый Эндрю Леннокс, — что приняли вас за одну из служанок.

— Э... да, черто... извиняюсь, — пробормотал сэр Тоби. — Э... вы должны простить нас... э... слегка перебрали... Рад встрече, мэм.

Красный от смущения он взял руку Кейт повлажневшими ладонями и горячо потряс.

От страха в Кейт разыгрался пылкий нрав. Джек не имел права ставить ни ее, ни своих друзей в столь неловкое положение этакой шарадой, представляя экономку как подопечную своей бабушки. Джек намеренно схитрил, вынуждая ее играть роль, от которой она, как ему известно, отрецивалась уже тысячу раз. И он нарочно привел в замешательство гостей, чтобы заявить о ее неприкосновенности.

Но Джек? сам того не ведая, играет с огнем. Если позднее кто-то из этих джентльменов ее все-таки узнает, то они придут в ярость, поняв, что их обманным путем заставили принести извинения опозоренной женщине. И обвинят во всем Джека. Им ведь не будет

известно, что он сам ничего не знал, поэтому ей необходимо опровергнуть его слова и внести ясность насчет своего положения.

— Не стоит извиняться, сэр, — решительно заявила Кейт, — ибо мистер Карстерз преувеличивает. На самом деле я и есть экономка, получившая сию должность от леди Кейхилл, чьей подопечной вовсе не являюсь. Она была крестной моей покойной матушки, вот и вся связь.

— Черт возьми, женщина, не перечьте мне. Вы моя гостья, — проорал Джек, взбешенный тем, как она себя унижает.

Мистер Леннокс и сэр Тоби отпрянули, напуганные его тоном. Нрав Джека был известен им не понаслышке. Полковник Мастертон снова повел бровью.

— Говорю же, довольно, старина, — начал мистер Леннокс, осторожно положив ладонь Джеку на плечо.

Тот, однако, пропустил слова приятеля мимо ушей. Тряхнув Кейт за руку, он посмотрел на ее чепец.

— Вы здесь *неслужанка*, черт побери! Вы — моя гостья!

Его друзья с опаской поглядывали на Кейт, словно ожидая, что она вот-вот расплачется. Но Кейт была крепким орешком. Яростно взвизгнув, она вывернулась из его хватки и расправила юбку.

— Вы только что орали на меня, мистер Карстерз, — еле слышно пропела она. — Ни один джентльмен не станет кричать на *гостя* — особенно перед прочими гостями. Подобное поведение всегда приберегают для простых слуг, которые не смеют перечить по причине своего положения.

Она победоносно выплыла из комнаты, оставив позади ошеломленную и затаившую дыхание публику.

— Не смеют перечить! — фыркнул Джек. — За этой маленькой мегерой неизменно остается последнее слово.

И он повернулся к своим друзьям.

Полковник Мастертон беззвучно сотрясался от смеха. Мистер Леннокс с восторгом взирал на закрывшуюся дверь, а сэр Тоби Фенвик стоял с открытым от изумления ртом. Он повернулся к Ленноксу:

— Ты видел, Леннокс, дружище?

Леннокс ухмыльнулся:

— Ага. Женщина, росточком с твой мизинец, только что лихо отчитала Безумного Джека Карстерза как никто и никогда раньше.

Сэр Тоби горячо закивал головой:

— Именно. Вот уж не думал, что доживу до такого. Удивительная девчонка! Говоришь, твоя экономка?

— Нет, дурья твоя башка, я же сказал вам... о, ну и черт с этим! — сердито отрезал Джек. — Лучше ответь, какого черта ты здесь делаешь, Табби?

Сэр Тоби смутился:

— О, ну... прошел слух... что ты отдал Богу душу или весьма к тому близок.

— Итак, вы решили приехать и удостовериться — мертв я или нет.

Приятели выглядели слегка сконфуженными.

— Рад, что вы так поступили, — неожиданно для себя произнес Джек, осознав, что впервые за несколько месяцев перспектива принимать посетителей не вызывает у него

отвращения. — Разумеется, — добавил он, — должен вас предупредить: уровень гостеприимства здесь не тот, каким вы наслаждались в моем обществе прежде. Условия в Севеноуксе довольно спартанские.

Он криво усмехнулся и смерил приятелей взглядом.

— Я, право, сомневаюсь, что трое таких непревзойденных щеголей смогут вынести отсутствие удобств в этом доме.

Подобное заявление вызвало волну жаркого отрицания и добродушных подтруниваний.

— Черт подери, парень, мы разбивали биваки в гораздо худших условиях, ютились в грязных лачужках по всему Пиренейскому полуострову, и если ты имеешь в виду, что больше мне этого не вынести, можешь преспокойненько забрать свои слова обратно, — заявил сэр Тоби.

Он обвел хмельным взором комнату, отмечая сверкающую мебель, бушующее в камине пламя, блеклые, выцветшие краски.

— И место вовсе не столь захудалое, как нас хотели уверить. Должен признать, черт возьми, выглядит оно поистине приятным. И уж точно уютнее, чем тот проклятый холодный сарай, что сочли нужным построить мои предки в мрачные стародавние времена.

Со вздохом удовлетворения он опустил в кресло и щедро отпил из бокала.

Кейт, дрожа, удалилась на кухню. Она не намеревалась привлекать к себе внимание таким образом. Отрицать положение подопечной его бабушки — да. Но втягиваться в перепалку — по-другому это и не назовешь — с Джеком! Да еще на глазах у его друзей! О, это все ее ужасный, ужасный нрав! Такие господа, как приятели Джека, как правило, не замечают слуг. Только это обстоятельство да чепец защищали ее от разоблачения. Но сейчас она позволила своему нраву все испортить. Настоящий слуга не посмел бы дерзить хозяину в ответ. Отнюдь не являясь незаметной, она сделала себя источником их интереса. Ох, какая же она легкомысленная дурочка!

Все ее прежде принятые решения искать место у нетитулованных дворян вернулись к ней насмешкой «А-я-же-тебе-говорила». Она бы никогда не повела себя подобным образом, если бы работала у людей, не принадлежащих ее кругу. И никогда бы не потеряла бдительности.

Она позволила себе расслабиться и успокоиться, почувствовать себя уверенно.

Кейт перестала бояться быть узнанной любым посторонним, — они ей просто-напросто не встречались. И все благодаря добровольному затворничеству Джека и необычайно суровой зиме. Все несколько месяцев ее пребывания в этом доме они жили словно в коконе, словно на острове. И в этом коконе Кейт чувствовала себя в безопасности.

Но теперь Джек вновь обрел силу, за окном — весенняя оттепель, и спасительное уединение нарушено. Мужчина, который в данную минуту, как она слышала, смеялся вместе с друзьями, был мало похож на того озлобленного отшельника, встреченного ею по приезде в Севеноукс. Сейчас к Джеку Карстерзу мог пожаловать весь свет, и он принял бы его с распростертыми объятиями. Она же оставалась уязвимой перед взорами незнакомцев и зависимой от капризов их воспоминаний...

Надо перестать волноваться — ей следует сосредоточиться на приготовлении ужина из того, что есть под рукой. Кейт послала Карлоса зарубить еще парочку кур и состряпала пирог из остатков вчерашнего ростбифа. Простая, но сытная еда. И подаст ее Карлос.

После ужина джентльмены остались выпить портвейна.

Кейт сидела в соседней комнате, стул ее был придвинут к двери в гостиную настолько близко, насколько позволяло приличие. На коленях у нее лежало шитье, но пальцы Кейт не двигались: она подслушивала, не в силах дольше сносить напряжение, — она должна понять, узнал ли ее кто-либо из гостей. Со своего места Кейт слышала каждое слово, произносимое в комнате за дверью.

— У тебя тут пол'ожительно уютное мес'течко, Джек, — выговорил сэр Тоби. — Сытный ужин, доброе вино, жаркий камин, приятные собеседники — все, что душе угодно, все есть. И, черт побери, аккурат посреди одного из самых лучших в мире мест для охоты! Ты счастливчик, Джек Карстерз.

После его слов в гостиной повисло неловкое молчание.

— Боже мой, Джек, я олух! Мне очень жаль. Я не хотел...

— Просто заткнись, Табби! — прошипел Эндрю Леннокс. — Ты довольно наговорил.

— Я не имел в виду...

Сэр Тоби печально умолк.

Последовала минутная тишина.

— Не нужно обращаться со мной, как с фарфоровой статуэткой, знаете ли, — произнес Джек. — Меня вовсе незачем жалеть, право слово.

Полковник Мастертон наклонился вперед к свету и пристально посмотрел на друга.

— Так значит... — протянул он, озаренный догадкой.

Джек усмехнулся:

— Ты всегда был чертовски догадлив, Френсис.

Он нашел его руку и крепко пожал ее. Двое других уставились на них в недоумении.

— Какого дьявола, о чем речь-то? — вопрошал Эндрю Леннокс. — На ум приходит лишь...

Он изучающе посмотрел на Джека и, прочитав подтверждение в его глазах, тоже потянулся с жаром пожимать ему руку.

— Кто-нибудь соблаговолит сказать мне, что происходит? — жаловался сэр Тоби. — Почему все жмут Джеку руку и почему вы все вокруг так умопомрачительно загадочны? Тебе подвернулась наследница, да, Джек?

В ответ раздался дружный смех.

— Что ж, я собирался попридержать этот сюрприз до завтра, Табби, но я снова могу ездить верхом. Разумеется, об охоте говорить еще рано, но и ее час не за горами.

Сэр Тоби с минуту ошарашенно глазел на друга, потом вскочил с кресла, расплескивая вино, схватил Джека за руку и тряс ее, пока последнему не показалось, что она вот-вот отвалится.

— Ч'удесно, старик, просто ч'удесно! — все повторял Табби. Он обвел взглядом остальных друзей, не двинувшихся с места. — Разве вы не п'нимаете, вы, два идиота? Джек может ездить! Раз'ве вы не собираетесь поздравить его?

Друзья громко захохотали. Когда шум стих и выпивку разлили по новому кругу, Френсис обратился к Джеку:

— Не понимаю. Ведь доктора божились, что ты больше никогда не сядешь на коня?!

— Да. Но мисс Фарли с ними не согласилась.

— Мисс Фарли? — переспросил мистер Леннокс.

Сидевшая в соседней комнате Кейт застыла.

«Ах, нет, нет, — мысленно молила она. — Не говори им, прошу, не надо».

— Да, ее брата исцелил от похожей травмы какой-то восточный лекарь, — продолжил Джек. — Она сказала, что брат почти полностью восстановился... к сожалению.

— Не понял?

Джек пояснил:

— Война отобрала у мисс Фарли и отца, и двух братьев. Думаю, ее братья служили в Восемьдесят третьем полку. Теперь у нее никого нет на целом свете, не считая моей бабушки, которая стала ее опекуной.

Кейт так и осела в своем кресле. В Восемьдесят третьем. Яснее некуда, чтобы опознать ее. Если им доводилось что-то о ней слышать, то сейчас они точно все вспомнят.

— А вот это обстоятельство, должен признаться, от меня ускользнуло. Умоляю, объяснись, друг мой. История мисс Фарли мне немного знакома...

Кейт вскочила с места. Она прокралась к двери и прислонилась к ней, затаив дыхание от страха. Полковник действительно знал ее. Он все расскажет Джеку. Кейт беспокойно кусала губу. Ей придется уехать. Она не сможет вынести выражения лица Джека, когда ему станет известно ее прошлое.

— Я знал ее братьев и неоднократно встречал ее отца. В Испании, разумеется. И однажды видел мисс Фарли, хотя выглядела она несколько иначе... Но подопечная твоей бабушки? Никогда не слышал, чтобы ты состоял в родстве с Фарли, Джек.

— Нет-нет. Никакого кровного родства, насколько я знаю. Она — я имею в виду мою бабушку — крестная матери мисс Фарли.

— А, — протянул Френсис иронически, — тесные семейные связи, понимаю.

«О, ради бога, давайте поживее!» — мысленно подгоняла Кейт, сходя с ума от нервного напряжения.

Джек уныло пожал плечами:

— Вы же знаете мою бабушку — если она решит с кем-то сблизиться, то ни один смертный, будь то мужчина или женщина, не помешает этому.

— Точно-точно, — согласился Эндрю, — и бессмертный тоже, держу пари.

— Ума не приложу, — прервал их сэр Тоби, — причем тут твоя бабка, Джек. Ужасная старуха! Обращается со мной, как с жалким школяром всякий раз, когда я имею несчастье попасться ей на глаза. Поверьте, лучшее бы держать ее подальше от всего. — Он умолк на мгновение, потом воскликнул с растущим подозрением: — Погодите-ка! Ее ведь здесь нет? Она не подслушивает где-то наверху?

Кейт едва не завопила от досады.

— О, замолчи, Табби, дурачок! — добродушно усмехнулся Эндрю. — Пусть Джек закончит свой рассказ. Восточный лекарь, Джек, — напомнил он.

— Что ж, как я говорил, — продолжил Джек, — брат мисс Фарли полностью вернул себе подвижность, и Кейт рассказала мне об этом, хотя я, олух, не хотел ее слушать... Черт, чуть не сорвал на ней зло лишь за попытку помочь.

— Могу себе представить, — откровенно признался сэр Тоби. — Более того, в подобном настроении ты бываешь ох как нелюбезен, уж поверь мне, Джек. Ни за что не

свалился бы к тебе без приглашения, если б Френсис меня не заставил. Я полагал, ты бродишь по дому и рычишь на всех, подобно обозленному волчище. Пришлось пару раз остановиться по дороге, чтоб принять для храбрости. Не собирался подступаться к тебе трезвым! Так что же она делала? Нашеп'тывала милые пустячки, а?

Кейт сжала кулаки.

Джек засмеялся:

— Отнюдь, она заявила, что, если я хочу провести оставшуюся жизнь калекой и падать с лошади, то могу и дальше продолжать делать то, что я делал!

— Неужели? — ахнул Тоби.

— Да. Так и бросила мне прямо в лицо, что я упиваюсь жалостью к себе.

— Боже милостивый! — воскликнул Френсис.

— Ты же не ударил ее, да, Джек? — спросил сэр Тоби.

— О, не будь таким идиотом, Табби, — взмолился Эндрю.

— Нет, Табби, но она, определенно, получила порцию проклятий за свои старания, в общем, можешь себе представить. Однако ее слова не шли у меня из головы и в конце концов достучались до той малости, что осталась от моего здравого рассудка. В итоге я проглотил свою гордость и обратился к Кейт за помощью, и, одним словом, теперь я могу ездить. Зрелище не из приятных, тем не менее, в седле я держусь. Конечно, на псовую охоту я пока не выезжал, но вскоре и это будет мне по силам. Так что, Табби, дружище, ты в целом прав: я действительно счастливчик — спасибо мисс Фарли.

Кейт слегка перевела дух, прислонившись к стене. В глазах блеснули слезы. По крайней мере, она оставила ему на память о себе что-то хорошее. И когда он узнает правду, возможно, не станет судить ее слишком строго, вспоминая об оказанной помощи.

Мужчины в гостиной на время замолчали, лишь изредка слышался звон бокалов или треск огня. А потом заговорил Эндрю Леннокс, и его слова снова заставили Кейт напряженно замереть.

— Так ты говорил, Френсис, что прежде встречал мисс Фарли?

— Да, встречал, — подтвердил тот. — Однако мне понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить, где я впервые ее увидел.

— И где же? — заинтересовался Эндрю.

Кейт зажмурилась и затаила дыхание.

— При решающей осаде Бадахоса, — спокойно сообщил полковник.

Кейт резко распахнула глаза. *Бадахос?*

— Бадахос? Ты, верно, шутишь! Объяснись, Френсис, — потребовал Эндрю.

— Хочешь сказать, эта крошка была в Бадахосе? — изумленно пролепетал сэр Тоби. — Это невозможно, правда же? Я имею в виду, в Бадахосе не было женщин... ну... в смысле женщин, э... женщины были... но не леди... э... ну вы знаете, что я хочу сказать.

— На самом деле, Тоби, по крайней мере одна настоящая леди там была. И моя тетя Шарлотта будет благодарна ей до конца своих дней, — сказал Френсис.

Какое-то время все потрясенно молчали.

— Твоя тетя Шарлотта? Что за чушь! — фыркнул сэр Тоби. — И не говори, будто твоя тетка Шарлотта была в Бадахосе, никогда не поверю. Твоя тетушка — самая закоснелая женщина в мире! Она ни разу не выезжала из страны. Даже Лондон едва ли покидала. Держу пари на свою лучшую гончую.

Френсис тихо рассмеялся:

— Твоя правда, дружище, но кто для моей тетки дороже всех на свете?

— Э... твой кузен Арнольд? — предположил Эндрю, немного поразмыслив.

— Именно — Арнольд, — согласился Френсис.

— О чем, к дьяволу, речь? — встрял сэр Тоби. — С какой стати мы поочередно обсуждаем наших чертовых родственников? Довольно было и одной Джековой бабки, так нет же — теперь ты разглагольствуешь о своей тетке и кузене Арнольде. Я был рад его возвращению из Бадахоса, но, черт побери, мне вовсе не хочется знать или говорить...

— А что случилось с Арнольдом в Бадахосе, Тоби? — мягко прервал его Френсис.

— Он поймал пулю или что-то вроде того, в общем, был ранен, и совсем тронулся головой — беспрестанно нес околесицу о якобы спасшем его ангеле, или нечто похожее.

У Джека вырвался удивленный возглас.

— Чистая правда, старина, — подтвердил сэр Тоби. — Своими сказками об ангеле он просто сводил всех с ума. К тому времени, как его отослали домой, я, например, уже был готов доделать дело, проваленное одним идиотом-лягушатником, черт его побери.

— Табби, старина, — вмешался Френсис, — то был не ангел — то была Джекова мисс Фарли.

У Кейт едва не подогнулись колени.

— Что? — раздалось одновременно с трех сторон.

— Да-да. Мисс Фарли была там вместе со своим отцом и обыкновенно предпринимала рискованные вылазки, не раз оказываясь в непосредственной близости от сражения, и ухаживала за ранеными. Так она и столкнулась с кузеном Арнольдом, раненным в руку и истекающим кровью. Мисс Фарли перевязала его, чтобы остановить кровь. Хирург, к которому потом-таки попал Арнольд, сказал, что девушка спасла ему жизнь. Арнольд наверняка бы умер от потери крови. Можно сказать, был на волосок от смерти.

Закрыв глаза, Кейт прислонилась к дверному косяку. Так тот бедный мальчик — кузен Френсиса? В гостиной долго стояла тишина, иногда прерываемая тихим потрескиванием горящих поленьев.

— Кейт рассказывала, что после Бадахоса отец на целую неделю запер ее в палатке, — яростно пробурчал Джек. — Боже, как вспомню о кровавых зверствах...

— Верю, что он так и поступил, — сказал Френсис. — После того, как обнаружил, что она спасла Арнольда.

И снова воцарилось продолжительное молчание.

— Девчонка — черт возьми, маленькая героиня, — наконец произнес Тоби.

— Совершенно верно, — тихо согласился Френсис. — И, насколько я понимаю, Арнольд — лишь один из многих, кого она спасла.

В соседней комнате Кейт тихо опустилась в кресло. У нее кружилась голова от облегчения. Что с ней случилось в дальнейшем, Френсис не знает — на какое-то время можно вздохнуть спокойно. Ну и страху она натерпелась... но он считает ее героиней! Большого ей слышать и не требовалось. Героиня — вряд ли бы он так ее назвал, зная об Анри. И все же она чувствовала огромное облегчение. И ни капли сил. Кейт бесшумно выскользнула из комнаты и пошла наверх, лечь в постель.

— Ангел Арнольда, говоришь? Боже правый! — пробормотал сэр Тоби. — Кто бы мог подумать, чтобы леди...

— Да, в самом деле, — сердечно согласился Эндрю. — Большинство дам свалилось бы замертво, расскажи мы им хотя бы десятую долю того, что происходило на войне, не говоря

уже...

Голос его затих, все четверо смотрели на огонь, вспоминая, как жаждущие крови войска сошли с ума после долгой осады и штурма Бадахоса. Насилие, грабеж, мародерство. Страшно представить Кейт в гуще всего этого.

Пару минут спустя Эндрю оживленно произнес:

— И чего мы впали в такое уныние? Мы ведь живы-здоровы, попиваем отменный портвейн, и наконец-то собрались все вместе. И Джек, воскресший из мертвых, поделился с нами новостью, наилучшей из возможных.

— Ты прав, ей-богу! — поддакнул сэр Тоби и поднял бокал: — За Безумного Джека и Охоту! За долгожданное воссоединение!

— В самом деле, — согласился Френсис. — Выпьем за Джека и Охоту!

— И за мисс Фарли, — спокойно добавил Джек, поднимая бокал.

Все дружно встали и выпили.

— За мисс Фарли.

— Ангела Арнольда.

На следующее утро Кейт не могла сдержать зевоту, накрывая стол в комнате для завтраков. Всю ночь она проворочалась, гадая, что же ей теперь делать. Кейт знала, что нужно уехать, однако было невыносимо больно от самой только мысли, чтобы покинуть Севеноукс, покинуть Джека. Как показал визит его приятелей, она ходит по очень тонкому льду. Джековы друзья все сплошь военные; будут и другие гости, другие военные. Они станут приезжать поохотиться и повидаться с Джеком. И чем больше посетителей, тем вероятнее, что ее узнают и разоблачат. Это всего лишь дело времени.

Если же ее здесь не будет, ни у кого из гостей не возникнет повода вспомнить об английской девушке благородного происхождения, жившей в грехе с французским офицером. Кейт хотелось бы всю жизнь провести рядом с Джеком. Но цена, которую за это пришлось бы заплатить, — он станет презирать ее, — была слишком высока. Гораздо лучше оставить его в неведении. Пусть он сохранит о ней хорошее мнение.

Отойдя на несколько шагов, Кейт оценила взглядом накрытый стол, для чего ей пришлось снова откинуть несносную оборку на чепце. Пожалуй, этот маскарад ей больше ни к чему, но, как говорится, береженого Бог бережет. То, что Джек представил ее как свою гостью, только добавило причин не снимать чепец. Подобного фасона вещицы, должно быть, носят старые девы-экономки, а значит, сей головной убор как нельзя лучше подчеркнет ее положение в доме.

Наконец послышались шаги и мужские голоса, и Кейт быстро занялась последними приготовлениями горячего завтрака. К приходу Джека на кухне уже витал дразнящий аромат кофе, поджаривался хлеб, на сковороде тихо шкворчали яйца, только-только из-под курицы, и толстые ломти ветчины, даже был налит в кувшин эль.

— Какого черта вы снова это напялили?

— Я не знаю, о чем вы говорите, однако предупреждаю: беседуя со мной, вы погубите завтрак. Мне и так приходится делать четыре дела сразу, и если вы думаете, что вдобавок ко всему я буду еще с вами перебраниваться, то ошибаетесь.

Кейт была довольна собой: ей удалось вести себя как прежде, он вряд ли заподозрит, что что-то не в порядке.

— Пожалуйста, подождите в комнате для завтраков, и я тотчас все подам вам и вашим друзьям. — Она взглянула на Джека. — Полагаю, они уже спустились вниз?

— Какого черта вы напялили эту мерзость?

— Не знаю ничего ни о каких мерзостях; у меня нет на них времени, — топнула ногой Кейт. — Что я хочу знать, так это то, на сколько персон подавать завтрак. Все гости уже встали?

— Да, — отрезал он. — Почему вам никто не помогает? Где эти девицы и мой никчемный слуга? Карлос! — завопил он.

— Будьте так добры, не оглушайте меня своим ором. — Она быстро сняла с решетки чуть было не подгоревший тост. — Карлос с девушками ушел в деревню, чтобы пополнить запасы еды. Надо же чем-то кормить ваших друзей.

— Неужели понадобилось идти всем вместе? И один человек управился бы!

— Мистер Карстерз! — Резко обернувшись, Кейт впиалась в него разъяренным взглядом, позабыв обо всех своих благих намерениях. — Если вам так необходимо приходить сюда и

ругаться со мной сейчас — это ваше право, но не ждите, что при этом вы получите съедобный завтрак!

Кофе пах восхитительно. Ветчина и яйца были выше всяких похвал. От тостов струился дымок. Это всего лишь временное отступление, уверял себя Джек, и урчащий желудок тут вовсе ни при чем. Кроме того, следовало заняться гостями. С Кейт он разберется потом.

Завтрак был подан без дальнейших проволочек. Друзья Джека незамедлительно провозгласили Кейт ангелом-спасителем Арнольда. Она снова испытала огромное чувство облегчения. В их глазах она была героиней, а не предательницей и не шлюхой. Героиней! Кейт не могла удержаться от радостного смеха.

Мужчины настояли, чтобы она позавтракала вместе с ними, и всячески ее развлекали. Через какое-то время Кейт осознала, что Джек злобно пялится на ее чепец. Она обратила внимание, что гости не без удивления поглядывают в ее сторону всякий раз, когда она отводит с глаз оборку. Однако же они были слишком хорошо воспитаны, чтобы сказать хоть слово. С упавшим сердцем Кейт поняла, что в отличие от них Джек молчать не будет. Упрямо выставив подбородок, она сделала вид, что не замечает его мрачного взгляда.

В глазах Френсиса начало проблескивать веселье. То, что Джек не в духе, он понял сразу, как только друг вернулся с кухни. Теперь же он чувствовал, что за столом происходит молчаливая борьба характеров. Его кузен ошибся: эта девушка была отнюдь не ангелом, а дерзким чертенком, способным дать сдачи. Джеку она подходила идеально.

По окончании трапезы Кейт встала и собрала тарелки, пока остальные обсуждали планы на день. Джек пробормотал извинения и последовал за ней на кухню.

Поспешный уход хозяина дома также не укрылся от Френсиса. Если его не подводило чутье, между мисс Фарли и его другом намечалась очередная пикировка. Френсис беззастенчиво последовал за ними — не пропускать же развлечение. Услышав, что голубки уже громко переругиваются, он потихоньку проскользнул на кухню.

— А теперь, мисс Фарли, вы мне наконец ответите. Что это за кошмар у вас на голове, черт побери?

— Какой кошмар?

— Вот этот, белый, — пренебрежительно махнул рукой Джек.

— Это чепец.

— Я знаю, что это такое! Что вы хотите доказать, надев его?

— Неужели не очевидно?

— Мне — нет. Такое обычно носят неказистые, потерявшие всякую надежду старые девы, и то только, если им нужно скрыть что-то. Вы же еще девушка, и ваши волосы слишком хороши, чтобы их прятать.

— Очень мило с вашей стороны говорить так, но я уже не молодая девушка, — стояла на своем Кейт, пусть и удивленная комплиментом. — Я старая дева и, как и подобает старой деве, буду носить чепец.

— Никакая вы не старая дева, — с отвращением фыркнул Джек. — Потому сию же минуту снимите этот проклятый чепец, и чтобы я его больше не видел.

— Я действительно старая дева и буду носить этот чепец всенепременно, нравится вам это или нет.

Кейт подбоченилась и негодуя воззрилась на Джека.

— Ах, так?

Френсис заулыбался. Карстерз просто вне себя от ярости — все признаки налицо, — но

отчаянно старается сдержаться. Джек начал наступать, а Кейт, придерживая чепец обеими руками, осторожно отходила. Френсис решил, что пора дать о себе знать.

— Ради бога, простите меня за вторжение... нет, нет, продолжайте, пожалуйста. Ни в коем случае не хочу мешать вашему разговору. — Он сел, явно желая досмотреть представление, и услужливо подсказал: — Старина, ты, кажется, собирался стянуть чепец с головы мисс Фарли.

Кейт перевела взгляд с улыбающегося, вежливо-заинтересованного Френсиса на угрюмого, нахмуренного Джека и захихикала. Улыбка Френсиса стала заметно шире. Джек рассерженно взъерошил волосы.

— Черт бы тебя побрал, Френсис, — выругался он, но тут чувство юмора начало брать верх.

Вид подергивающихся губ, так не вяжущихся с сурово нахмуренным лбом, заставил двоих наблюдателей просто-таки расхохотаться, и в конце концов Джек тоже не выдержал и рассмеялся.

Наконец Кейт встала, и мужчины немедленно поднялись на ноги.

— Прошу прощения, но меня ждут дела, — сказала она.

— Меня тоже, — согласился Джек, и не успела Кейт опомниться, как он сорвал с ее головы треклятый чепец и швырнул его в огонь. — Так-то лучше, — торжествующе улыбнулся он.

— Ах вы, бессовестный! — воскликнула Кейт.

— Чепец был омерзителен, а омерзительные вещи следует предавать огню. Верно, Френсис?

— Простите мое вероломство, мисс Фарли, — поклонился Френсис, — но, как бы я ни порицал грубые методы Джека, чепец был, безусловно, омерзителен, и ни один мужчина, ценящий красоту, не заслуживает пытки его видом. Ваши волосы поистине прелестны, их не следует скрывать.

Кейт от смущения залилась краской.

— Что ж, Френсис, — Джек, сощурившись, глядел на друга, — полагаю, ты уже довольно высказался. Тебе пора идти. Эээ... кажется, тебя зовет Тоби.

— Друг мой, у тебя, должно быть, потрясающий слух. Я ничего не слышал, — посмеиваясь, тихо проговорил Френсис.

Джек сердито посмотрел на него и вытолкал за дверь. Обернувшись к Кейт, он наткнулся на такой яростный взгляд блестящих серо-зеленых глаз, что решил: радушному хозяину пора вернуться к гостям. И он последовал за Френсисом в коридор, где они встретили мистера Леннокса.

— Прекрасное утро для верховой прогулки, как считаешь, Джек?

— Замечательная мысль, — согласился Джек, в одночасье повеселев.

Они крикнули сэру Тоби, чтобы тот присоединился к ним, и четверка друзей направилась к конюшне.

Утро было солнечным, с морозцем, как нельзя более подходящим для верховой езды. В тенистых оврагах, ожидая своей участи быть сожженными, когда до них доберется яркое солнце, таились клочья тумана и остатки снега. Лошади находились в превосходной форме, фыркали и гарцевали, им не терпелось пуститься вскачь, но Френсис, сэр Тоби и мистер Леннокс сдерживали своих животных, не зная, на что способен Джек, и не желая, чтобы он напрягал больную ногу. После нескольких минут езды со скоростью похоронной процессии

Джек разгадал тактику друзей и крикнул:

— Вперед, лентяи! Кто быстрее доскачет до вершины вон того холма!

И бесшабашно послал своего коня в галоп. Остальные, со смехом и гиканьем, последовали за ним. Это была безумная скачка, к концу которой все четверо разругались и пытели.

— Боже мой, Джек! — возбужденно воскликнул сэр Тоби. — Никогда бы не подумал! Убей меня, если ты не скачешь почти так же хорошо, как и прежде! Это потрясающе, говорю тебе, потрясающе!

— Боюсь, все же не так хорошо, как раньше, — ответил Джек, тем не менее улыбаясь во весь рот.

Он немного неловко распрямил больную ногу, и приятели заметили, как у него побелели складки вокруг рта — признак того, что ему больно.

— Послушай, Джек, ты не перестарался, надеюсь? — спросил мистер Леннокс.

— Нет-нет. — Посмотрев в полное сомнения лицо друга, он грустно улыбнулся: — Ну, разве что самую малость. Ведь не мог же я стерпеть, чтобы вы трое обращались со мной как с хрустальной вазой. Я бы от скуки помер, прогуливаясь в том темпе, что вы задали.

Друзья рассмеялись.

— А теперь скачите и не беспокойтесь обо мне, — добавил Джек. — Я уже разогнал кровь и поеду помедленнее.

— Верно, вы оба давайте, езжайте, — поддержал Френсис, — а я ненадолго составлю Джеку компанию. У меня еще слегка гудит голова после вчерашней ночи, и новой скачки, сродни той, какая только что была, ей не выдержать: боюсь, отвалится окающая.

Двое других, смеясь, ускакали, а Джек, обернувшись, посмотрел на друга с недоверием.

— Бедняжка Френсис, — с ехидцей «пожалел» он, — а я-то всегда думал, что нет головы, крепче твоей.

Френсис безмятежно улыбнулся:

— Ну, так по сравнению со мной, у тебя еще есть несколько лет в запасе, знаешь ли. Мне уже почти тридцать пять.

Они поехали медленной рысью, переговариваясь. Потом разговор иссяк, кони перешли на шаг, и всадники, погруженные каждый в свои мысли, в дружелюбном молчании наслаждались утром.

Внезапно у Френсиса вырвался короткий смешок.

— Что такое? — обернулся Джек.

— Никогда не думал, что увижу тебя в роли модистки, — улыбаясь, покачал головой Френсис.

— О чем ты?... Ах, это. Попридержи-ка язык, — пробурчал Джек.

Но Френсис не собирался останавливаться:

— Чепец был весьма уродлив, что и говорить, и портил вид симпатичной крошки, но ты вел себя так, будто она носила его нарочно, назло тебе.

— А то нет! — фыркнул Джек.

— Ого... уже и до этого дошло?

— До чего дошло? — сердито покосился на друга Джек. — Она протезе моей бабушки, вот и все.

— И тебе, естественно, приходится следить за тем, что у нее на голове, — сочувственно поддакнул тот.

— Назойливая старая карга просто навязала мне ее! У меня не оставалось выбора.

— Ах, — Френсис понимающе кивнул.

— Что «ах»?! — вскипел Джек. — Ты сложил два плюс два — и получил пять! Девчонка мне никто! Если хочешь знать правду, она надоела мне до чертиков!

— Угу, — с раздражающей готовностью согласился Френсис.

Джек заскрежетал зубами:

— Черт бы тебя побрал, Френсис!

Ответом ему был тихий, короткий смешок. Через несколько минут Мастертон заговорил снова:

— Ну что ж, друг мой, раз тебя самого крошка мисс Фарли не интересует, то ты не будешь возражать, если за ней приударю я.

Джек резко натянул поводья, останавливая лошадь, и, повернувшись в седле, свирепо уставился на друга.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду?! Ты не сделаешь ничего подобного! Ведь она... она протеже моей бабушки!

Неожиданно яростный тон друга заставил высоко взметнуться брови Френсиса:

— Разумеется, я буду ухаживать за ней, как полагается, все честь по чести — неужели ты станешь возражать?

Джек очень даже возражал, но не мог придумать ни слова в ответ. Одно дело настаивать, чтобы Кейт приняла предложение бабушки и поехала в Лондон на поиски мужа; в роли последнего Джек представлял доброго, немолодого джентльмена, который будет холить и лелеять Кейт, окружит ее роскошью. Другое дело — он бросил взгляд на друга и нахмурился, — если ее мужем окажется красивый, искушенный, элегантный... повеса!

— С какой это стати ты вдруг решил ухаживать за такой девушкой, как Кейт? — потребовал ответа Джек. — Проклятье, парень, ты же известный повеса!

— Известный повеса? — рассмеялся Френсис. — Кто же тогда ты, Джек? Мужчина, при виде которого мамыши девиц на выданье кидались прятать под крыло своих птенчиков... Ах, нет, ты же, кажется, остепенился. Джулия, Божественная Джулия. Что с ней стало? — Он заметил, что Джек насупился, и сочувственно поцокал языком. — Ты продолжаешь сохнуть по ней? Ну что ж, я понимаю, крошка Кейт, как бы она ни была очаровательна, не может сравниться с прекрасной Джулией.

— Я не сохну по ней и был бы благодарен, если б ты не упоминал ее имени рядом с именем Кейт.

— А, так значит, богиня по-прежнему царит в твоём сердце? — с притворным сочувствием улыбнулся Френсис.

— Эта богиня, как ты совершенно зря ее называешь, не что иное, как пустая, эгоцентричная гарпия, и если ты, Френсис, хоть на секунду подумал, что она... она... — Джек был настолько разозлен, что не мог найти слов. — Если ты не понимаешь, что Джулия Давенпорт не стоит и мизинца Кейт, то... то... я даже не представляю себе, что ты такое, — закончил он, запинаясь.

— Старина, меня в этом не нужно убеждать. Я никогда не относил себя к поклонникам мисс Давенпорт. Не забывай, что я, наоборот, собираюсь ухаживать за крошкой мисс Фарли с целью жениться на ней.

Френсису с трудом удавалось сохранять серьезный вид. Реакция Карстерза на его подначивания доставляла ему истинное удовольствие.

Джек стиснул челюсти. Появившаяся у друга привычка называть Кейт «крошкой мисс Фарли» начинала изрядно ему досажать.

— Никогда не думал, что ты попадешься в лапы священников. Что на тебя нашло?

— Ну, наступает пора, когда мужчине следует остепениться. Вот уже какое-то время я размышляю над этим, и почему-то идея выбрать одну из вчерашних школьниц на «ярмарке невест» меня не очень привлекает. Хотелось бы разумную женщину, с которой будет удобно жить.

— Звучит так, будто в качестве жены тебя устроило бы удобное старое кресло, — кисло заметил Джек.

Подобное описание Кейт возмутило его.

— Ну, нет, — хохотнул Френсис, — я никоим образом не думаю о мисс Фарли как об удобном старом кресле. Что ты, это просто оскорбительно. — Он выдержал точно рассчитанную паузу. — Ах, может быть, ты и не заметил, старина, но крошка мисс Фарли очень хороша собой, а уста ее так и просят поцелуев. Даже след от муки на ее носике сегодня утром выглядел весьма аппетитно. — Он сделал вид, что не слышит рычания Джека. — А ты заметил, что у нее ямочка на щеке? Она очень редко появляется, но когда ее видно, она совершенно очаровательна. Прибавь к этому удивительный голос и восхитительный смех, и у тебя в руках просто ворох прелестей в одной изящной упаковке, целый ворох.

Джека ужаснуло видение, нарисованное при этих словах его воображением: Кейт, уютно устроившаяся в объятиях Френсиса. Его прямо-таки затошнило.

— Ты знаешь, у нее за душой ни гроша.

— Я не стремлюсь найти богатую жену, — пожал плечами Френсис.

— Значит, ты ее любишь?

У Джека пересохло во рту, пока он ждал ответа.

— Боже мой, нет, конечно, — Френсис беззаботно рассмеялся. — Вовсе необязательно любить жену, чтобы брак был счастливым. Пока любит жена, все в порядке.

— И ты думаешь, что она тебя любит, да? — прорычал Джек.

— Нет, друг мой, пока нет. — Френсис самодовольно улыбнулся. — Но с этим нетрудно справиться, ведь не зря же существует супружеская постель. К концу медового месяца она меня полюбит. — Он подмигнул. — Видишь ли, я считаюсь довольно хорошим любовником. Кроме того, я собираюсь быть добрым мужем и баловать жену. Женщинам это нравится, да будет тебе известно. А юную Кейт, полагаю, почти никогда в жизни не баловали...

Френсис взглянул на Джека и счел, что ему пора присоединиться к сэру Тоби и мистеру Ленноксу. Протянув руку, он похлопал товарища по ноге:

— Друг мой, сдастся мне, твоя нога разболелась. Почему бы тебе не поехать домой — встретимся там, попозже?

Не в силах больше удерживать серьезную мину, Френсис поскакал галопом прочь и постарался отъехать как можно дальше, прежде чем наконец разразился смехом.

Джек смотрел ему вслед, и на лице его смешались ярость, печаль и отчаяние. Все верно. Френсис был бы для Кейт превосходным мужем. Так почему же при мысли об этом у него скручивает живот? Он совсем запутался. Рассудок заставлял его признать, что из Френсиса наверняка выйдет прекрасный муж. Только... не для Кейт.

Джек вошел в дом через боковую дверь со стороны конюшни и приостановился, услышав доносящиеся из утренней гостиной голоса: Кейт и незнакомый ему мужской.

Оказавшись в комнате, увидел, что Кейт сидит на диване и радостно улыбается какому-то субъекту. Джек нахмурился. Нежданный гость держал Кейт за обе руки, и та не пыталась освободиться. Она, сияя, обернулась к Джеку:

— О, Дж... Мистер Карстерз! Разве не чудесно? Это мистер Джеремая Коул.

Холодные синие глаза смирили мистера Коула, одна из бровей иронически поднялась. Суровый взгляд уперся в плененные руки Кейт. Коул немедленно выпустил добычу.

— Простите меня, мисс Фарли, — ледяным тоном процедил Джек, — но пока я не вижу ничего чудесного. Кто этот человек?

Джек снова вздернул бровь, разглядывая сидящего перед ним мужчину. К полному неудовольствию майора, Кейт, казалось, не замечала, как неласково он принял ее гостя. Она рассмеялась:

— О, прошу прощения. Должна признаться, неожиданное появление мистера Коула привело меня в смятение. — Приветливо улыбаясь, она снова обернулась к незнакомцу: — Весьма желанное появление и на редкость счастливое смятение, но я на радостях позабыла о хороших манерах.

Кейт поднялась, и мужчина следом. Взгляд Джека сделался еще более жестким, стоило ему увидеть, что Коул почти так же высок, как и он сам, крепко сбит и модно одет.

— Мистер Карстерз, — продолжила Кейт, — с большим удовольствием представляю вам моего дальнего и до сих пор незнакомого мне родственника, мистера Джеремая Коула. Мистер Коул, это мистер Джек Карстерз, мой... — она запнулась.

Мистер Коул явно насторожился.

— Мисс Фарли — подопечная моей бабушки, леди Кейхилл, — Джек мгновенно понял в чем затруднение Кейт. — Старушка уговорила мисс Фарли и ее компаньонку, миссис Беттс, помочь бедному холостяку привести этот дом в порядок.

На лице мистера Коула появилось задумчивое выражение, поэтому Джек добавил:

— Мисс Фарли в ближайшее время переедет к леди Кейхилл, которая обещала оказать ей покровительство и ввести в общество.

Это должно рассеять любые подозрения, ибо какая бабушка взялась бы представить обществу любовницу внука?

— Приятно познакомиться, — любезно ответил Коул. — Должен признаться, я был поражен, узнав, что моя маленькая кузина выжила в ужасной войне. А когда прибыл сюда и увидел, насколько кузина очаровательна, то поразился еще больше, — он поцеловал пальчики Кейт.

На глазах у негодующего хозяина Кейт залилась румянцем. Она даже не попыталась отнять руку, удерживаемую большими ладонями захватчика.

— Скажите мне, Коул, — спросил Джек, — как вы узнали, где находится мисс Фарли? Это мало кому известно.

Гость обернулся, по-прежнему сжимая пальцы Кейт:

— Ко мне обратился поверенный леди Кейхилл, Филлипс. Видите ли, по завещанию семейства Делакомб мой покойный отец наследовал их имущество как ближайший родственник мужского пола. И два месяца назад после его смерти все перешло ко мне.

Он улыбнулся Кейт, и ревнивому взгляду Джека улыбка показалась неискренней. Коул похлопал Кейт по руке и принял торжественный вид:

— Можете себе представить мою радость, когда я обнаружил, что на самом деле не одинок на белом свете и что моя кузина жива и здорова, а не убита проклятыми французами,

как ее отец и братья. — Он сочувственно погладил запястье Кейт. — Естественно, я поспешил встретиться с ней. И, конечно, прежде всего, принести мои глубочайшие соболезнования по поводу утраты возлюбленных братьев и дражайшего родителя.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Коул, — тихо сказала Кейт.

— «Мистер Коул» звучит так сухо. Я ваш единственный ныне живущий родственник хоть и дальний. Пожалуйста, не сообразоволяйте ли называть меня «кузен Джеремайя» и не дозволяйте ли мне обращаться к вам «кузина Кэтрин»?

— «Кузина Кейт» будет еще лучше, кузен Джеремайя, — девушка улыбнулась новообращенному родственнику, и тот снова поцеловал ее руку.

Джек с отвращением смотрел на убогое представление. Неужели Кейт не видит, что этот штафирка — ничтожный тип? Ну да, он прилично одет и неплохо выглядит, если вам нравятся эдакие здоровяки с соломенными волосами и правильными чертами лица, но на вкус Джека он был слишком вкрадчивым, а уж что касается повадки непрерывно льстить Кейт и постоянно ловить, и целовать ее пальцы...

Джек испытывал непреодолимое желание схватить нахала за его отменно скроенный воротник и вышвырнуть из своего дома. Но Кейт ни за что такого не позволит, она, по-видимому, совершенно очарована новым родственником. Джек сердито наблюдал за девушкой. Очевидно, та верила каждому слову этого скользкого типа, и, казалось, ей даже нравилось, как он тискает и лобызает ее ладошку. Во всяком случае, она позволяла это гостю. И улыбалась.

— Итак, вы — наследник, — встрял Джек, прежде чем неутомимый субъект успел в третий раз приложиться к ручке Кейт.

— Да, действительно, — согласился мистер Коул, — хотя печально осознавать, что получил богатство вследствие чужей-то смерти. — На мгновение он принял скорбный вид, но тут же оживился: — Кстати, кузина Кейт, я прихватил кое-что, завещанное лично вам, особое девичье наследство, так сказать.

Улыбнувшись в ответ на вопросительный взгляд Кейт, Коул передал ей плоский продолговатый сверточек. Девушка недоуменно смотрела на подношение несколько секунд, потом развернула и ахнула, удивленная и обрадованная. Джека осыпали распахнутые от восторга глаза.

— Украшения, — она обернулась к кузену, — это бабушкины?

— Да, она оставила вам несколько вещей на память, — кивнул тот.

Джек нахмурился, вспомнив, как его бабушка уверяла, что Кейт не оставят без средств. Похоже, леди Кейхилл ошиблась, потому что все наследство представляли собой сущие безделицы — нить жемчуга, гранатовые бусы, сережки, кольцо и пара брошек.

Вдруг Джек заметил, что Кейт совсем притихла. Склонив голову, она разглядывала вещицы, разложенные на коленях, легонько прикасаясь то к одной, то к другой, переворачивая, пропуская жемчуга сквозь пальцы. Конечно, подумал Джек, она, скорее всего, разочарована, что не получила ничего ценного. Даже не видя опущенного лица, он угадывал, что она, должно быть, испытывает. Разочарование и гнев охватили его при виде слезы, скатившейся по ее щеке. Наверняка Кейт надеялась получить то, чего обычно желают женщины и чего она заслуживала больше, чем любая из них: бриллианты, изумруды, рубины. Он мысленно проклял ее бессердечных родственников.

Кейт подняла голову. Глаза были полны слез, но лицо сияло.

— Благодарю вас, кузен Джеремайя, благодарю вас. Вы не представляете, как много для

меня значит бабушкин прощальный подарок, — тихий, хрипловатый голос показал Джеку, что она тронута до глубины души.

Мистер Коул неловко заерзал. Внезапно Кейт встала и улыбнулась мужчинам сквозь слезы.

— Если не возражаете, я хотела бы уйти в свою комнату. Пожалуйста, простите. — Она протянула кузену руку: — Мы еще увидимся, кузен Джеремайя?

— Конечно, — мужчина улыбнулся, снова склоняясь над ее рукой, — уж не думаете ли вы, что я уеду, когда только что обрел очаровательную маленькую кузину? Я остановлюсь в ближайшем городке и, с вашего позволения, дорогая, навещу вас завтра же.

Кейт радостно улыбнулась ему и вышла, прижимая сверток к груди. Ошарашенный, Джек долго смотрел ей вслед. По ее виду можно было подумать, будто ей привезли королевские сокровища, а не горсть дешевых побрякушек! Девчонка не уставала изумлять его. Совершенно удивительная женщина. Обернувшись, он уставился на мистера Коула. Тот пыжился с чрезвычайно довольным видом. Проклятый штафирка! Джеку он нисколечко не нравился.

— Я провожу вас к выходу, мистер Коул.

— Приятно было познакомиться, мистер Карстерз, — вежливо ответил гость, не обращая внимания на злобный взгляд хозяина. — С нетерпением жду возможности узнать вас поближе. Насколько я понял, вы — один из славных героев Пиренейского полуострова. Я был бы счастлив как-нибудь в будущем обсудить с вами триумф нашего оружия.

«Славный герой», которого чуть не стошнило от любезной речи, кое-как сумел удержать себя в руках и не спустить кузена Кейт с лестницы. Пришлось удовлетвориться тем, что громко хлопнул дверью.

Джеку требовалось выпить, поэтому он пошел в библиотеку, но застыл на пороге, увидев сидящую в кресле у камина Кейт.

— Милли моет полы в моей комнате, — подняв голову, объяснила она свое присутствие.

— Ваш родственник ушел, — кивнул Джек.

— Очень учтиво с его стороны проделать такой путь, — вполголоса промолвила Кейт, — он мог просто послать мне украшения по почте.

Джек увидел, что она поглаживает сверток, лежащий на коленях. Воцарилось долгое молчание.

— Вы были рады встретиться с ним, — наконец, сказал Джек.

— Да, — вздохнула Кейт, — чудесно обнаружить, что все-таки я не одна-одинешенька на белом свете.

— Вовсе вы не одна.

— Конечно, одна, Джек, — тихо возразила она, — была, по крайней мере.

— У вас есть моя бабушка, — начал он. «И я».

— О, у леди Кейхилл золотое сердце, — прервала Кейт, — но, если откровенно, родства между нами нет. Забота обо мне — всего лишь дань благотворительности в память о моей матери, не более того. Она очень добра и щедра, и я благодарна ей за проявленное участие, но вы должны понимать, что на самом деле я не вправе ничего ожидать от нее. Знать, что у вас есть родня, кто-то, с кем вы связаны нерасторжимыми кровными узами, — это совсем другое.

— Вы ничем не связаны с этим перекормленным, расфуфыренным, надутым подхалимом!

Джек категорически возражал против такого «родства».

— Мистер Карстерз, — холодно одернула его Кейт, — я просила бы вас выбирать выражения, когда говорите о кузене Джеремае в моем присутствии. Он прекрасно сложен, ни капельки не перекормлен, и я нахожу его манеру одеваться безупречной. — Джек не мог не заметить, что при этом она бросила взгляд на его запачканные лосины. — Более того, у него доброе сердце, и он проделал долгий, утомительный путь из Лидса сюда только для того, чтобы встретиться со мной и передать украшения.

— Побрякушки, — фыркнул Джек.

— Для вас они могут быть побрякушками, — ошетибилась возмущенная его пренебрежительным тоном Кейт, — но это мои единственные драгоценности, и принадлежали они моей бабушке, которой я никогда не видела. — Девушка прижала к груди маленький сверток. — Моя мама умерла, давая мне жизнь, и я никогда ее не знала. Все, что она мне оставила — ее жемчуга и ее глаза. Жемчуга мне пришлось продать, чтобы уплатить долги. — «А глаза стоили любви отца». — Вы не в состоянии понять, как это важно для меня — что бабушка вспомнила обо мне, — ведь отец рассорился с родителями моей матери еще до моего рождения, и, насколько я знаю, с тех пор они не поддерживали никаких отношений.

Глаза Кейт блестели от непролитых слез. В обретенных украшениях заключалось нечто большее их стоимости, и неважно, как много их. Кейт знала о маме только по чужим рассказам, и смутный образ омрачался чувством собственной неизбывной вины. Но теперь у Кейт появилось нечто осязаемое от бабушки, которая думала о ней с радостью, а не обвиняя. Бабушки, которая достаточно сильно любила внучку, чтобы послать ей подарок на память, не запятнанный осуждением самого существования Кейт, таким привычным со стороны ее отца.

— Вы называете их побрякушками, но как вы не понимаете, что мама носила их, когда была девушкой? — голос прервался, и, бросившись к лестнице, Кейт убежала наверх.

Джек сердито выругался про себя и взъерошил волосы. Проклятье, почему он всегда ляпает черт знает что, не подумав? У него и в мыслях не было смеяться над жалкой кучкой безделушек, просто сегодняшние испытания перевалили через край. Сначала его разозлил Френсис, строивший дерзкие планы в отношении Кейт, а потом он пришел домой и обнаружил Кейт, сияющую от счастья, с этим льстивым штафиркой... вот уж действительно перебор. Кроме того, не на шутку разболелась нога. Конечно, сам виноват, нечего красоваться перед друзьями. Надо бы помассировать, пока совсем не прихватило.

— Карлос! — заорал он. — Карлос!

И мрачно поковылял наверх.

— Черт бы все побрал, Френсис, — взорвался Джек, — по крайней мере, Табби и Дрк имели совесть не злоупотреблять гостеприимством. Неужели тебе больше нечем заняться, кроме как неделями слоняться тут и обедать меня?

Френсис негромко рассмеялся.

— Совсем нечем, приятель. Мне здесь нравится. Свежий воздух, красивый вид... — он многозначительно поднял брови в направлении террасы, где Кейт прогуливалась со своим кузеном, — ...очаровательная компания.

Френсис отпил портвейна из бокала и иронически добавил:

— О, и, конечно же, ты — превосходный хозяин, Джек, старина. Непревзойденно гостеприимный. Я постоянно чувствую себя донельзя желанным гостем.

Джек негромко проворчал:

— Шагу не ступить, чтобы не наткнуться на тебя или на проклятого Коула. — Он впился взглядом в вазу с пышным букетом. — И дом уже завален этими вонючими сорняками! Неужели ни одному из вас больше не на что тратить свои деньги? Даже не знаю, кто из вас хуже: несносный штафирка, осыпаящий Кейт банальностями и без конца лижущий ее руку, или ты, сыплющий цветистыми комплиментами, словно чертов поэт.

— Я на самом деле горжусь своим поэтическим талантом, и сдается мне, малютка Кейт тоже наслаждается сим дарованием.

— Малютка Кейт? Для тебя — мисс Фарли! И я буду премного благодарен, если ты не станешь обращаться к подопечной моей бабушки так фамильярно, Френсис.

Ухмылка Френсиса стала шире:

— Она попросила меня называть ее Кейт, дружище, а я терпеть не могу отказывать леди в просьбе.

Джек пробормотал что-то неразборчивое и, громко топая, покинул библиотеку, оставив там посмеивающегося Френсиса. Джек уже несколько недель вел себя, как разъяренный медведь, огрызаясь и ворча на своих гостей безо всякой причины. Или, по крайней мере, без причины, в которой готов был сознаться.

Френсис перевел взгляд, сразу ставший более острым, на пару на террасе. Его собственное так называемое «ухаживание» не представляло опасности для Джека, но этот малый Коул вел себя как настоящий соперник. Он навещал Кейт по утрам и после обеда в течение последних трех недель, преподнося ей цветы, книги и сладости, хотя, где он отыскивал букеты в эту пору года, да еще и в деревне, оставалось выше понимания Френсиса. Очевидно, кошелек кузена туго набит. Френсис нахмурился. Он жаловал парня не больше, чем Джек, пусть и по другим причинам. Была в записном угоднике какая-то неприятная назойливость. Коул преследовал Кейт с того момента, как они встретились, целеустремленно и решительно, что, по мнению Френсиса, больше походило на расчет, нежели на влюбленность. Собственническое отношение новоявленного родственника к «очаровательной маленькой кузине» росло с каждым днем, и Френсис подозревал, что Кейт чувствовала себя по этому поводу неловко.

Однако открытая враждебность Джека к нежданному гостю мешала Кейт отражать чрезмерную фамильярность кузена, поскольку было очевидно, что Джеку нужен лишь повод, чтобы вышвырнуть Коула вшаей и запретить ему являться на порог. В конце концов, Коул

приходился Кейт кузенom, единственным ее оставшимся в живых родственником, и она хотела иметь возможность видеться с ним, даже если не находила приятным его излишнее покровительство. Френсис вздохнул и налил себе еще портвейна.

* * *

— Моя дорогая кузина, — начал Джеремайя Коул.

Кейт почувствовала, как в животе у нее все оборвалось. Последнее время она жила в ожидании рокового момента, и никакие намеки не могли ослабить решимость кузена. Вероятно, лучше позволить ему высказаться, и тогда с этим будет покончено. Он пленил ее руки своими влажными ладонями.

— Возможно, за эти последние недели вы поняли, что моим желанием, моим самым горячим желанием стало сделать наши отношения более близкими.

— Кузен Джеремайя, я счастлива принимать вас в качестве моего кузена...

— Но я нет, — прервал он. — Вы должны знать, Кейт, какие чувства я к вам испытываю.

Коул прижал ее руки к своей широкой груди. Кейт попыталась высвободиться, но его хватка лишь усилилась.

— Я влюблен в вас, Кейт, безумно, отчаянно, и я хочу, чтобы вы оказали мне честь стать моей женой.

— Кузен Джеремайя, — проговорила она мягко, — это очень любезно...

— Любезно! То, что я чувствую к вам — не любезность, обожаемая моя. Это любовь! Я хочу, чтобы вы были моей. Вы же совсем одна в мире. Позвольте мне заботиться о вас, защищать, лелеять до конца ваших дней. Только дайте мне вашу руку, милая Кейт.

Несмотря на серьезность момента, чувство юмора одержало верх над Кейт.

— На самом деле, кузен Джеремайя, кажется, вы уже ее взяли вне зависимости от того, согласна я или нет, — усмехнулась она, прилагая усилия, чтобы освободить свои ладони.

Коул не отпускал, лишь улыбался ей едва ли не со злостью.

Кейт произнесла более твердо:

— Пожалуйста, отпустите меня, кузен Джеремайя. Вы делаете мне больно.

— А вы причиняете боль мне, Кейт, не отвечая. Я задал вам вопрос, один из самых важных вопросов, которые вам когда-либо зададут в вашей жизни. Вы станете моей женой?

— Нет, кузен Джеремайя, — мягко отказала она. — Мне жаль.

Упрямец нахмурился, глядя на нее недоверчиво.

— Не верю! — вскричал он, отпуская ее руки только для того, чтобы крепко схватить за плечи. — Я этому не верю! — повторил Коул, довольно сильно потрянув девушку. — Я люблю вас и уверен, что вы отвечаете взаимностью, — его тон смягчился, — ведь это так, Кейт? Вы просто дразните меня?

Кузен твердо притянул Кейт к себе, и хотя она пыталась оттолкнуть поклонника, он оказался слишком силен.

— Ах вы, шалунья, так дразнить своего Джеремайю, — промурлыкал он и, прежде чем Кейт поняла его намерения, крепко прижался губами к ее губам, и стал настойчиво целовать

влажным ртом, наполняя отвращением.

Кейт тщетно боролась, пока уверенные руки скользили вниз по ее телу, а толстый язык пытался проникнуть за сжатые зубы.

Внезапно она оказалась на свободе и отшатнулась к балюстраде, в то время как Джек вклинился между ней и пылким кузеном.

— Ты, мерзкая свинья, держи свои грязные руки подальше от нее! — взревел Джек и так с размаху врезал Коулу кулаком, что тот неуклюже растянулся на каменных плитах пола.

Джек стоял над поверженным соперником, закатывая рукава, в его глазах пылал воинственный огонь.

— Как ты посмел лапать порядочную девушку, ты, трусливый подонок?

Кузен Джеремайя торопливо подался назад.

— Иди сюда, ты, презренный негодяй. Одно дело запугивать беспомощную женщину и другое — противостоять мужчине, не так ли? Хотел принудить невинную девушку подчиниться своей грязной похоти? Не в моем доме! Я преподам тебе урок, как обращаться с леди, да такой, что ты никогда не забудешь...

Джек шагнул вперед, исполненный жаждой убийства. Он не замечал, что Кейт отчаянно трясет его за рукав.

— Джек, остановитесь! Вы не должны. Он не причинил мне боли. Джек! — вопила она но воин был непоколебим в своем намерении.

Джек двинулся к кузену Джеремайе, кулаки его были сжаты, синие глаза яростно сверкали.

— Джек, мистер Коул попросил меня выйти за него замуж! — крикнула Кейт ему в ухо.

Майор резко остановился. Крутанулся и, потрясенный, уставился на нее. Краска гнева схлынула с ошарашенного лица, превращая его в безжизненную серую маску.

— Он — что? — наконец прохрипел Карстерз.

— Попросил меня выйти за него замуж, — повторила Кейт тихо, с опозданием понимая, что ввела Джека в заблуждение, но не находя другого выхода из ситуации, другой возможности избежать насилия. А насилия она повидала уже достаточно.

— Так вот почему... — у Джека перехватило дыхание. Он отвел глаза и отвернулся. — Я... понимаю, — пробормотал он и ушел, не взглянув ни на одного из них.

Кейт смотрела ему вслед, кусая губу. В его глазах застыла боль. Потому что он решил, будто она собралась замуж за кузена Джеремайю? Кейт собралась уже побежать за глупцом и сказать, что отказала, но побоялась, как бы после такого сообщения к Джеку не вернулась его прежняя ярость, и он не нанес сильных увечий Джеремайе. Теперь, когда Джек остановил ее кузена, она чувствовала, что в состоянии справиться с ним сама. Кейт могла сердиться на Джеремайю за то, что тот навязывал ей свои ласки, однако влюбленному многое прощаешь, а он, как ни крути, к тому же оставался ее родственником.

Она обернулась:

— Думаю, вам лучше уйти, кузен Джеремайя. Сожалею, что дошло до такого.

К этому моменту пострадавший уже поднялся хоть и с трудом. Его испуг прошел и быстро превращался в негодование.

— Должен вам сказать, кузина Кейт, я глубоко оскорблен обращением этого невежи со мной. И твердо намерен донести на него в ближайший магистрат. Совершенно очевидно, что это буйный безумец. Да как он смеет?...

Горячий нрав Кейт наконец проявил себя:

— Что вы такое говорите? Если хотите знать, я считаю, что вы еще легко отделались, ибо, будь я мужчиной, то врезала бы вам давным-давно. Как смеет он? Как вы смеете?! Против моей воли целовать меня и думать, что, прибегнув к грубой силе, добьетесь моего согласия! Донесите на мистера Карстерза в магистрат, если осмелитесь, кузен Джеремайя, и обнаружите, что вас самого обвиняют в нападении — на меня!

Мистер Коул побледнел и немедленно уgomонился.

— Ладно, ладно, Кейт, дорогая, я не это имел в виду. Я... я был расстроен. Думаю, вы должны признать за мной право сердиться из-за этого жестокого беспричинного нападения, но, конечно, если это вас огорчит, я не предприму никаких напрашивающихся шагов.

Кейт пришла в себя. Она заговорила более мягко:

— Мне жаль, что дошло до этого, кузен Джеремайя. Если не возражаете, давайте впредь никогда не упоминать об этом происшествии.

— Нет, нет, конечно, нет, — живо согласился он. — Ну, а теперь, моя дорогая, я бы хотел как можно скорее уладить дело с нашей женитьбой.

Кейт недоверчиво уставилась на Коула. Неужели этот человек настолько бестолков?

— Кузен Джеремайя, — твердо вымолвила она, — все это случилось в первую очередь из-за того, что вы отказались выслушать меня. Извините, но я *не выйду* за вас замуж.

— Но я люблю вас, — настаивал он.

— Что ж, мне очень жаль, но я не отвечаю вам взаимностью.

— Любовь может прийти после свадьбы, — он никак не желал сдаваться.

— Не в этом случае, — резко ответила Кейт.

Она так долго сносила от кузена цветистые комплименты и поцелуи рук, что этого ей хватит до конца жизни.

— Мне все равно, если вы пока не любите меня, я все равно женюсь на вас, — благородно объявил Коул.

Кейт стиснула зубы и пожалела, что не позволила Джеку задать упрямцу хорошую трепку.

— Но я не желаю выходить за вас замуж.

Кузен сделал несколько шагов по направлению к ней, и она отступила назад. Господи, да он снова собирался обниматься.

— Кузен Джеремайя, я не жеманничаю! — Кейт почти кричала в отчаянии. — Я сказала, что не выйду за вас, и именно это я имела в виду. Ничто не заставит меня передумать.

— Как вы восхитительно застенчивы, — рокотал кузен Джеремайя, надвигаясь на нее с решительной улыбкой на лице.

— *Я не застенчива!*

— Думаю, вам лучше послушать леди, — произнес спокойный голос позади них. — Мой друг, мистер Карстерз, уже познакомил вас с довольно грубыми приемами борьбы колдстримских гвардейцев. Я же готов показать вам приемы, которые предпочитают джентльмены из девяносто пятого стрелкового полка. — Френсис начал закатывать рукава, затем остановился. — Если только вы не принесете леди извинения и не уйдете прежде, чем я закончу подготовку.

После этих слов он продолжил закатывать рукава, аккуратно и не торопясь.

Кузен Джеремайя наблюдал за тем, как обнажались мускулистые предплечья Френсиса. Всего один удар Карстерза уже наградил ужасной головной болью и, судя по ощущениям,

трещиной в челюсти. Коул начал что-то возмущенно бормотать о насилии, которое приходится сносить человеку, чьим единственным преступлением является слишком пылкое ухаживание за леди, когда поймал сверкающий взгляд полковника Мастертона. И увидел в нем тревожащее сходство с убийственным взглядом мистера Карстерза несколькими минутами ранее. Незадачливый ухажер торопливо пробормотал извинения Кейт и ретировался, чуть ли не бегом преодолев лужайку в стремлении поскорее покинуть этот негостеприимный дом.

Несмотря на комичную картину поспешного отступления, у Кейт не было желания смеяться. Она чувствовала себя как выжатый лимон. И не хотела обсуждать произошедшее с Френсисом.

— Спасибо, Френсис, — тихо вымолвила Кейт и повернулась, чтобы уйти.

— С вами все хорошо? — спросил спаситель.

— О, не беспокойтесь, — уверила Кейт, предпринимая провальную попытку весело улыбнуться. — Мне просто нужно немного отдохнуть.

Она повернулась и побежала наверх в свою комнату.

* * *

Позднее тем же вечером Кейт спустилась вниз, чтобы проследить за приготовлением ужина. Джек куда-то ушел. В таверну, без сомнения. Кейт не была в настроении ужинать с Френсисом, поэтому поела на кухне со слугами. В самом деле — все это казалось донельзя нелепым. Вот она, девушка, которая знает, что не может выйти замуж, и при этом за ней ухаживают двое джентльменов, ни одним из которых она не увлечена...

Кейт вздохнула. Еще недавно, правда, недолго жизнь протекала удивительно приятно... Она по-прежнему частенько ловила на себе взгляд Джека, но вместо покровительства и затаенной нежности в его глазах сквозило подозрение и тягостное неодобрение. Что бы она ни делала, казалось, он постоянно злился на нее. Это сбивало с толку, причиняло боль и раздражало все сильнее.

Причем непонятно, какие чувства питал к ней Джек и каковы были его намерения. Спору нет, его поцелуи волновали как ничто, испытанное ею прежде, но она обязана сопротивляться возникшей привязанности. Даже если можно предположить невероятное, будто он испытывает к ней что-то более глубокое, нежели похоть, союз между ними невозможен. Любой человек с крупницей здравого смысла понял бы, что Джек в его положении должен жениться на деньгах.

Кейт подумала, каким же бездушным был его отец, раз так безжалостно лишил сына наследства. Если бы жестокосердный родитель не играл в карты в тот день, когда умер, и не выиграл бы документ на эту собственность, Джек теперь бы ютился... лишь Богу известно — где. В любом случае, если Джек и собирался предпринимать какие-то шаги, чтобы наладить свою жизнь, то ему, скорее всего, придется искать себе наследницу, родовитую наследницу, а не дочь бедного священника, не имеющую за душой ничего, кроме вульгарного скандала...

— Мисс Кейт, — прервала поток ее мыслей Флоренс, — вы же почитаете нам вскорости чуток из той истории?

Кейт улыбнулась. Несколько недель назад, убираясь в библиотеке, она обнаружила несколько новелл миссис Радклифф [\[47\]](#). Как дочери викария ей было строго-настрого запрещено читать «пустяковые рассказы», так что, естественно, Кейт пристрастилась к ним. Теперь каждый вечер пока Марта и девочки шили и чинили одежду, Кейт вслух читала очередные приключения, заставляя внимавших задыхаться от ужаса и восхищения.

И публика Кейт росла. Сестры девушек и их брат, слушая на ферме пересказ каждого захватывающего эпизода из «Удольфских тайн», вскоре решили, что Милли и Флоренс нуждаются в сопровождении по пути домой. Каждый вечер шестеро представителей семейства Коттеров, Марта, Карлос, грум Френсиса и даже его высокомерный камердинер «случайно» появлялись на кухне во время чтения очередной главы.

Оглядевшись, Кейт увидела, что все собрались. Она не осознавала, что уже так поздно. Кейт взяла роман, присела поближе к огню и начала декламировать. Час спустя она закрыла книгу, что вызвало вздохи и протесты со стороны слушателей.

— Э, мисс Кейт, — проговорил брат Милли, Том, — этот негодяй Монтони, ведь он взирававший злодей, да? Наш па всегда говорит, что иностранцам нельзя доверять, — он бросил потемневший взгляд на Карлоса.

— *Si*, — мгновенно отреагировал Карлос, — я, к примеру, никогда не доверял итальяшкам... никогда! Этот синьор Монтони [\[48\]](#) — плохой человек. Бедная мисс Эмили [\[49\]](#).

За этим последовал дружный хор согласия. Девушки картинно вздрагивали и болтали об услышанном, когда выходили одна за другой.

— Собираешься идти наверх в постель, голубушка? — спросила Марта.

— Нет, еще нет. — Кейт совсем не устала после дневного сна. — Пожалуй, я просто немного посижу тут возле огня, Марта. А ты иди спать.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и вскоре Кейт осталась наедине со своими мыслями.

— Интересно, сколько еще в вас скрыто талантов? — произнес глубокий баритон из тени, заставив ее подпрыгнуть от испуга.

Она обернулась и разглядела Джека, небрежно прислонившегося к стене чулана, наполовину скрытого сумраком.

— Как давно вы там стоите? — спросила Кейт задыхающимся голосом.

Джек выступил вперед из темноты.

— Минут двадцать или около того. Все были так захвачены вашим чтением, что никто не заметил, как я пришел, и я решил не прерывать вас. Вы хорошо декламируете, малютка Кейт, — насмешливо проговорил Джек и споткнулся о стул.

В желудке Кейт все оборвалось. Он был пьян.

— Такая вся из себя актриса, да? — навис над ней Джек, и Кейт вжалась в спинку стула. Майор вытянул длинный палец и легко провел по ее носу.

— Опять пятнышко от муки. Черт меня побери, если я когда-нибудь встречал другую женщину, настолько склонную к неряшливости.

Кейт отдернула голову. У нее на самом деле имелась склонность что-либо расплескивать и рассыпать, и, несмотря на все старания оставаться опрятной, она частенько находила следы от муки или пятна пыли на лице или руках, когда совершала вечерний туалет. Но Кейт была уверена, что все совсем не так плохо, как утверждает Карстерз. Она вытерла рукавом свой нос, глядя на Джека, мягко покачивающегося из стороны в сторону.

— Вы пьяны, — резко выпалила Кейт.

— Ну и что с того? Не ваше дело, пьян я или нет.

Кейт нахмурилась.

— Где Френсис? — спросила она.

— Так он уже Френсис, да? — глумливо ухмыльнулся Джек. — Очень уж вы фамильярничаєте с моими друзьями.

Кейт не ответила. Не было смысла спорить, когда он в таком состоянии.

— Вы еще не рассказали душе Френсису о своей маленькой договоренности с этим слащавым штафиркой?

Трудно не догадаться, о ком идет речь.

— Пожалуйста, не говорите о кузене Джеремайе столь грубо. Я знаю, что он вам не нравится, но он мой единственный родственник, хоть и дальний.

— И скоро станет гораздо ближе, да? — не унимался Джек. — Так много ханжеских заявлений, мол, вы никогда не выйдете замуж! И все, что понадобилось — богатенький штафирка, который завалил вас цветами и убогими комплиментами, и вся ваша твердость улетучилась, как дым. — Он презрительно хмыкнул: — Женщины! Вы такая же, как они все. Стоит какому-то парню потрясти набитым кошельком перед вашим носом, и вы тут же — сплошная сладость и уступчивость.

Джек насмешливо передразнил ее:

— О, кузен Джеремайя, я буду счастлива. Дорогой кузен Джеремайя, не желаете ли поцеловать меня? Пожалуйста, сделайте это. О да, кузен Джеремайя, я выйду за вас замуж, позволю вам лапать меня повсюду вашими сальными руками, прижиматься мерзкими рыбьими губами к моим! — К этому моменту Джек впал в бешенство. — Как только вам не противно даже рассматривать возможность брака с таким отвратительным выскочкой? Это выше моего понимания.

Кейт свирепо взглянула на обличителя. Сначала она открыла рот, чтобы сообщить, что отказала навязчивому кузену, но к тому моменту, когда Джек прервался, чтобы вдохнуть воздуха, и у нее появилась возможность вставить слово, Кейт пришла в такую ярость, что все мысли о том, чтобы сказать ему правду, вылетели у нее из головы. Однако близость Джека подавляла, поэтому она соскользнула со стула и встала за кухонным столом лицом к нему.

— Как вы смеете говорить со мной в такой манере? — гневно прошипела Кейт. — Это не ваше дело, мистер Карстерз, как я поступлю. Никак не ваше. Если я захочу увидеться со своим кузеном, то увижусь, если захочу обнять его, обниму, и если пожелаю выйти за него замуж, выйду! Это не имеет к вам никакого отношения!

Она топнула ногой и продолжила:

— И как вы смеете ставить под сомнение мою честность, обвиняя в погоне за богатством? Состояние мужчины или отсутствие оноим образом и ни в какой степени не влияет на мои к нему чувства, и это возмутительно, что вы утверждаете обратное. Мне безразлично, богат кузен Джеремайя или нет. Меня нисколько не интересует финансовое положение человека, и только чрезмерно вульгарный субъект может думать иное.

— На голую ногу всякий башмак впору... — начал Джек.

— Тогда вы его и носите, — огрызнулась Кейт. — Потому что подобные рассуждения никогда не приходили мне в голову!

— Вы не можете подразумевать, что любите это ничтожество, — голос майора сочился презрением, но тело напряглось, пока он ждал ответа.

Кейт вскинула голову:

— Это, мистер Карстерз, вас не касается!

— Еще как, черт побери, касается!

— С какой стати? — не отступила Кейт, во рту у нее пересохло.

Они с негодованием уставились друг на друга, потом Джек неожиданно быстро передвинулся и притянул строптивницу к себе. Мгновение смотрел на нее, а затем обрушил свой рот на ее губы.

Это был яростный поцелуй, полный страсти, отчаяния и гнева. Джек сильно стиснул Кейт, и если бы она осознавала это, то могла бы пожаловаться, что он причиняет ей боль. Но Кейт тоже потерялась в бурных волнах страсти и ответила на алчущий поцелуй с таким же мучительным отчаянием, иступленно сжимая мужчину, сторицей возвращая каждую ласку.

Поцелуй закончился, и они застыли, тяжело дыша и глядя в глаза друг другу. Губы Кейт опухли, но она ничего не замечала, кроме Джека. Она сглотнула, пытаясь вернуть самообладание. Он молча смотрел на нее. Наконец тишина стала невыносимой.

— Что это значило? — спросила Кейт непослушным голосом.

Она гадала, может ли он слышать, как гулко колотится ее сердце, ей самой биенье казалось оглушительным.

Джек стоял, с трудом вдыхая воздух, медленно собираясь с мыслями. Он предоставил ей шанс отвергнуть Коула, а она им не воспользовалась. Ничего не изменилось. Кейт все еще помолвлена со своим богатеньким штафиркой. Будь он проклят, если раскроет ей свои чувства, чтобы потешить женское тщеславие. С него достаточно. Он посмотрел в распахнутые глаза. Ну да, кокетка ждет не дождется, чтобы он произнес те самые слова, без сомнения, лишь для того, чтобы швырнуть их обратно ему в лицо. Она ничем не отличается от любой другой женщины.

— Что это значило? — повторил он. — Что же это значило? Да ровно ничего, дражайшая Кейт. Приятная интерлюдия, вот и все. — Он облизал губы с непристойным намеком. — Я уже говорил, что вы талантливы, не так ли?

Кейт почувствовала, как у нее перехватило дыхание, а глаза, которые мгновение назад сверкали пламенной страстью, теперь словно сковало льдом.

— Вы чудовище! — прошептала она.

Его слова явились своевременным напоминанием. Все та же старая история о собаке на сене. Но сегодня был долгий, тяжелый день, и на этот раз у Кейт не доставало сил, чтобы справиться с враждебностью и гневом, которые она видела во взгляде Джека. Она ощущала себя такой несчастной, что все, чего ей хотелось — броситься Джеку на грудь и выплакать боль своего сердца. Вот только, учитывая его настроение, он, скорее всего, вырвет ее сердце из груди и растопчет. Или он уже это сделал?

Джек хрипло рассмеялся:

— А разве вы не знали, моя дорогая? Я думал, что пасторская дочка была не единожды предупреждена о том, что все мужчины — животные. Вот почему мы так вам нравимся.

— Напротив, мой отец учил меня любить всех людей так же, как это делал он, — проговорила Кейт безжизненным голосом.

«Мой отец, который любил весь род человеческий, кроме меня».

Джек заметил невольную, болезненную гримасу на нежном лице. Неужели его речи ранили ее? Он отступил и в умоляющем жесте протянул к Кейт руку, но она не заметила попытки утешить.

Кейт больше ни разу не посмотрела на майора. Она тихо покинула комнату и пошла наверх. Только задувая свечу, Кейт поняла, что так и не сказала Джеку об отказе своему кузену. Если бы только Карстерз мог принять ее желание никогда не выходить замуж! Упрямый, ужасный человек! И почему он снова пил? Ведь не потому же, что подумал, будто она приняла предложение мистера Коула? Нет, разумеется, не из-за этого, ведь он сам убеждал ее отправиться в Лондон и найти там мужа?

О, но как бы то ни было, похолодало, она устала и уж, конечно, не имела намерения разыскивать Джека, когда он пребывает в подпитии, а она лишь в одной ночной сорочке. Он, возможно, снова ее поцелует, а Кейт чувствовала себя такой одинокой и несчастной этим вечером, что, скорее всего, не предпримет ничего, чтобы воспротивиться, и это приведет к необратимым последствиям.

В ее жизни было достаточно обвинений в непристойном поведении, и ей не нужно еще одно.

* * *

— Ты не видел Кейт сегодня? — спросил Френсис друга.

— Нет, — пробормотал Джек.

Он продолжал читать газету, присланную однополчанином. И не хотел даже думать о Кейт. Слишком больно представлять себе, как она выходит замуж, навсегда исчезая из его жизни. К тому же не его дело, чем она может заниматься. Его это не волнует. Лучше почитать новости.

Газета была давнишняя, но содержала детальное описание отступления армии из Испании в Португалию. Оба, Джек и Френсис, нашли известия весьма угнетающими содержащими, как это водилось, сообщения об ужасных потерях. Джека чрезмерно поразили урон, понесенный бригадой Ансона. Они вместе сражались в битве при Саламанке, и Джек дружил как с самим Ансоном, так и со многим его офицерами.

Писаки на все лады ругали Веллингтона за то, что военачальник позволил такому случиться. Пресса оказалась ненадежным союзником старому пройдохе, решил Джек. Веллингтон слыл героем, когда побеждал, и бездарным глупцом, когда дела осложнялись. Джек с отвращением отбросил газету в сторону. Через несколько мгновений он вспомнил вопрос Френсиса о Кейт. Он вообще весь день ее не видел. Без сомнения, она снова избегала его после их столкновения прошлой ночью.

— Она, наверное, на кухне.

Джек встал, чтобы налить себе стакан мадеры ^[50], и почувствовал раздражение, когда обнаружил пустой графин.

— Карлос! — взревел он.

Карлос явился на зов и был тотчас послан за новой бутылкой. Когда слуга уже уходил, Френсис произнес:

— Карлос, ты не видел мисс Кейт?

— Нет, *senor*, она утром уехала на прогулку с сеньором Коулом.

Оба мужчины нахмурились.

— Но уже далеко за полдень. Ты уверен, что она еще не вернулась? — уточнил Френсис. Карлос мрачно кивнул:

— *Si, senor*, потому что миссис Марта и девочки весь день ждут ее возвращения.

Двое джентльменов обменялись взглядами. Джек угрюмо пожал плечами, пытаясь скрыть свое беспокойство.

— Если она хочет провести весь день со своим женихом, это ее дело. Очевидно, что она не волнуется о своей репутации.

— Женихом? — переспросил Френсис. — Она не помолвлена.

Джек снова пожал плечами:

— Она не позаботилась о том, чтобы сообщить тебе? Этот слащавый штафирка имел дерзость сделать ей вчера предложение, и глупая девчонка приняла его.

Френсис нахмурился:

— Когда в точности это произошло?

— Вчера, на террасе. Я застал его лапающим Кейт своими ручищами, целующим ее... Врезал наглецу хорошенько. — Майор сжал кулаки. — Жаль, что не впечатал ему зубы в затылок. Я бы это сделал, но несчастная дурочка повисла у меня на руке, крича, что они собираются пожениться, так что мне ничего не оставалось, как уйти и оставить счастливую пару обсуждать свадьбу.

Лоб Френсиса разгладился, и он попытался скрыть свои подрагивающие губы. Джек усердно старался казаться безразличным, но без особого успеха. Френсис сжалился над другом:

— Она не приняла его предложение, знаешь ли.

— Нет, приняла.

— Нет, не приняла. Я был здесь, в библиотеке, когда ты сбил его с ног. — Френсис хмыкнул. — Как раз собирался выйти и вмешаться, но ты меня опередил, и, могу тебя заверить, Кейт отнюдь не по своему желанию оказалась в объятиях Коула.

Джек выглядел неуверенным.

— Ну, должно быть, потом она передумала.

Френсис покачал головой:

— Ни малейшего шанса, старина. После того, как ты ушел, парень имел чертовское нахальство продолжать упорствовать в своем уходе. Я слышал, как Кейт отказала ему в недвусмысленных выражениях несколько раз. Он бы снова стал ей навязываться, если бы я не вмешался и не прогнал пристава, предложив отведать моих собственных домашних заготовок по твоему рецепту. — Он задумчиво усмехнулся: — Видел бы ты, как кузен удирал через лужайку. Думаю, кучер догнал его только у главных ворот.

Оба мужчины громко рассмеялись. Затем Джек внезапно забеспокоился.

— Тогда какого дьявола Кейт поехала с ним кататься сегодня утром? — Их взгляды встретились. — И почему она до сих пор не вернулась? — Он провел рукой по голове. — Должен сказать тебе, Френсис, я попрекал ее вчера этим, но она ни разу не отрицала, что помолвлена с Коулом.

— Наверное, ты действовал в своей обычной тактичной манере? — поинтересовался Френсис.

Джек поморщился.

— Ты был в отвратительном настроении, ведь так? — уточнил Френсис. — Болтал все подряд, чтобы найти повод для ссоры? — Он покачал головой. — Лучший способ заставить

женщину поступить прямо противоположно тому, как ты хочешь, — осудить и попытаться запугать. Особенно женщину с таким горячим нравом, как у Кейт. Возможно, она сказала, что помолвлена со своим кузенom, чтобы отплатить за твое хамство.

Он встретился взглядом с другом:

— Положись на меня, Джек. Судя по вчерашнему, можешь быть уверен, что малышка Фарли не испытывает к этому парню ничего, кроме родственных чувств, которые весьма поблекли после того, как тот попытался принудить ее выйти за него замуж.

— Ну и где же тогда ее черти носят?

Джек направился на кухню, зовя Карлоса, Марту и двух служанок. Он опросил их, размышляя, почему Кейт поехала на прогулку со своим кузенom, если накануне они расстались не в лучших отношениях.

— Он заявился с утреча, — повествовала Марта, — с видом побитой собаки и букетом цветов. Сказал, что он-де очень сожалеет и не простит ли она его, и не позволит ли покатать ее в экипаже. — Марта завернула руки в фартук. — Но уж не один час прошел, сэр, и совсем не похоже на мисс Кейт уезжать так надолго, в особенности с джентльменом.

— Она взяла что-нибудь с собой, Марта?

Марта выглядела озадаченной.

— О чем это вы, сэр?

— Дорожную сумку, шляпную картонку, какой-нибудь сверток?

Марта твердо покачала головой:

— Нет, сэр, ничего такого. — Она уставилась на хозяина с подозрением. — Неужто вы думаете, будто мисс Кейт сбежала, сэр? Только не мисс Кейт. Она бы не учинила нам всем такого беспокойства.

Служанка перехватила полный сомнения взгляд и снова покачала головой:

— Я знаю девочку с тех пор, как она была совсем крохой, мистер Джек, и нет у нее такого — тайком из дома сбегать.

Джек все также выглядел неуверенным, однако Марта и слышать не хотела ни о чем подобном. На этот раз ее любимый мистер Джек был не прав, и она, Марта, наставит его на путь истинный.

— Ох, у нее и взаправду горячий нрав, когда она сердится, сэр, но чтобы затеять такое непотребство — никогда! Я беспокоюсь, мистер Джек, что-то ужасное случилось, и мне не нравится этот ее кузен, нисколько не нравится. Мисс должна была быть дома уж давным-давно. — Старческое лицо сморщилось от тревоги, и Марта вцепилась в рукав молодого человека. — Найдите ее, мистер Джек. Найдите ее и привезите домой.

— Карлос, седлай моего коня, — резко бросил Джек.

— Может, карета будет лучше, Джек? Ведь твоя нога не выдержит скачки в течение нескольких часов, — предложил Френсис.

— К черту мою ногу. Конь быстрее кареты. Седлай моего чалого, Карлос.

— И моего гнедого, — добавил Френсис.

— Кто-нибудь знает, в каком направлении они уехали?

— Сэр, я видела, как карета повернула у ворот и направилась на север, — сказала Флоренс.

— Север? — Джек мрачно посмотрел на Френсиса. — Ты думаешь то же, что и я?

Френсис медленно кивнул:

— Коул был чертовски настойчив вчера. Казался отчаявшимся после окончательного

отказа. Но стал бы он принуждать ее?

Джек выругался.

— Если этот ублюдок хоть пальцем ее коснется, я его убью!

Уже смеркалось, когда Джек и Френсис достигли очередной деревни. Мастертон нарочито придержал свою лошадь, и через мгновение Джек с нескрываемой неохотой последовал его примеру. Он задал сумасшедший темп, и теперь их кони выбились из сил. Но стоило замедлить ход, беспокойство Джека возросло. Может так выйти, что эта деревня — их последняя возможность.

Плечи Джека устало ссутулились, лицо посерело от тревоги и боли. Он надеялся поймать Коула гораздо раньше, и чем дольше длились поиски, тем меньше оставалось надежды, что погоня увенчается успехом. Последствия неудачи были слишком страшны, чтобы о них думать. И, разумеется, он не мог думать ни о чем другом. Этот путь должен быть правильным, просто обязан!

Расспросив местных жителей, друзья выяснили, что Коул обменял двуколку на закрытый наемный экипаж и направился на север. Также им рассказали, что с Коулом находилась больная сестра, и он вез ее домой. Вооружившись описанием кареты, мужчины понеслись вперед, справляясь в каждом селе.

Взошла луна, ее бледный свет посеребрил все вокруг. Френсис с тревогой поглядывал на Джека. Было очевидно, что тот держится из последних сил и страдает от сильнейшей боли.

— Мы должны ненадолго остановиться, дружище. Нужно дать отдохнуть лошадям.

— И оставить ее в руках этого чудовища на мгновение дольше, чем требуется? — тон Джека не располагал к спорам. — Он похитил Кейт, чтобы принудить выйти замуж. До границы они доберутся не раньше, чем через два дня. Наверняка он собирается взять ее силой, Френсис. Сегодня. Думаешь, я смогу отдыхать, пусть даже недолго, пока Кэтрин в руках сумасшедшего?

— Ох, не мучай себя, Джек. Согласен, судя по направлению, цель Коула — Гретна Грин, но он же не знает, что его преследуют. У него нет причин компрометировать Кейт сегодня.

Джек открыл, было, рот для ответа, но тут что-то привлекло его внимание. Дернув за поводья, он остановил лошадь, развернулся, проехал чуть назад и взгляделся вдаль, в конец узкой тропинки.

— Ты видишь то же, что и я?

Там, у небольшого озерца, на фоне серебристой глади виднелось нечто, что могло быть дорожным экипажем. Рядом стояло небольшое строение. Это был с виду старый и ветхий домишко, в котором, судя по вымахавшим зарослям бурьяна, давным-давно никто не жил. Обменявшись молчаливыми взглядами, мужчины тихонько направили к нему лошадей.

Спешившись, Джек и Френсис подобралась ближе. Внутри дома двигался человек, освещенный свечой. Коул. Он склонился над неподвижным телом, лежащим на тюфяке на полу.

Дверь с грохотом распахнулась. Испугавшись, Коул резко обернулся. Как только он разглядел огромную темную фигуру, возникшую в дверном проеме, все краски сбежали с его лица, а губы скривились в жуткой пародии на любезную улыбку.

— А-а-а... э-э-э...

— Отойди от нее, — мягко приказал Джек, и от этого голоса мороз пробрал до костей кузена Джеремайю, и тот поспешно и как можно дальше отскочил в сторону. — Если ты

тронул хоть волосок на ее голове, ты — труп, — направляясь к тюфяку, все тем же устрашающим тоном произнес Джек.

Нежно погладив Кейт по щеке, он откинул волосы с ее лба. Веки девушки задрожали, и она застонала.

— Что, черт подери, ты с ней сделал, мерзавец?

— Честное слово, ничего! Богом клянусь, ничего! — затараторил Коул. — Она не ранена, всего лишь одурманена.

— Одурманена! — раздался голос Френсиса от двери.

Коул повернулся к Мастертону:

— Только немного лауданума, клянусь... она ведь сопро...

Похитителя схватили за воротник и швырнули к стене.

— Она сопротивлялась, ты, грязная свинья? — прорычал Джек. — Хотелось бы спросить, почему она подумала, что следует сопротивляться?

Кулак, тяжелый и твердый, словно камень, врезался в живот Коула, и тот сложился пополам, хватая ртом воздух. Следующий удар, сопровождаемый громким хрястом, обрушился на челюсть, а затем похитителя безжалостно вздернули вверх за волосы и затрясли, как котенка. Зарыдав, Коул встретился взглядом с горящими синими глазами Джека.

— Я научу тебя, как похищать невинных девушек! — последовали еще два молниеносных удара, и незадачливому похитителю показалось, что его нос взорвался. Коул повалился на пол.

— Поднимайся! — крикнул Безумный Джек Карстерз. — Я с тобой еще не закончил! Далеко не закончил! — наклонившись, он схватил всхлипывающего врага за шею. Джек улыбнулся особенно зловещей улыбкой, от одного вида которой Коул помертвел, и спокойно сообщил: — Я собираюсь убить тебя, догадываешься об этом?

Коул всегда полагал себя крупным мужчиной, но сейчас его, держа за шею, поднял над землей и медленно душил разъяренный безумец. Попытки сопротивления оказались безуспешными: кузен Джеремайя был словно кролик в когтях орла. Лицо багровело, а глаза выкатывались все больше по мере того, как незнающие жалости мощные руки все крепче сжимали ненавистное горло.

— Джек... — раздался слабый дрожащий голос со стороны тюфяка, и Коула отшвырнули в сторону, будто кучу тряпья.

Он рухнул на пол, жадно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Заботливо склонившись над Кейт, Джек поднял ее с грязного матраса и прижал к груди.

— С вами все в порядке, дорогая? — он осторожно, с безграничной мягкостью погладил спутанные локоны.

— Джек, я так странно себя чувствую... — пробормотала девушка, стараясь высвободиться.

— О нет, нет, не пытайтесь двигаться, милая. Все хорошо, теперь вы в безопасности, — он прижал Кейт к себе еще сильнее.

Большие руки уверенно обнимали ее, защищая ото всего на свете, пока майор бормотал на ушко успокаивающую чепуху, чередуя слова с легкими поцелуями. Избавитель целовал ее волосы, уши, все, до чего мог дотянуться.

Кейт, сбита с толку, ослабевшая, испытывающая головокружение из-за лекарства, зарылась лицом в его шинель и затихла. Вцепившись в сильные плечи, она понимала только

одно — Джек здесь, он держит ее, так что теперь все на самом деле хорошо.

Френсис наблюдал за ними с безмерной нежностью, пока движение слева не привлекло его внимание. При виде жалкого зрелища, которое представлял собой кузен Джеремайя, взгляд воюки потяжелел. Из царапин под глазом, носа и губ сочилась кровь, челюсть начала опухать, а оба глаза — заплывать.

Рассматривая сопящее, всхлипывающее ничтожество, Френсис презрительно скривил губы. Он молча открыл дверь и резко мотнул головой. Испуганно посмотрев на Джека, который все еще был полностью поглощен Кейт, Коул, шатаясь, поднялся на ноги и заковылял к выходу. Френсис направился следом.

— Не в экипаже, — пророкотал он мягко, когда Коул шагнул к карете. — Он нам потребуется, чтобы доставить мисс Фарли в поместье.

— Но как я доберусь до дома? — простонал тот.

Ночь выдалась морозной.

— Не имею ни малейшего представления, — холодно бросил Мастертон, — но как только мой друг осознает, что вы все еще здесь, он обеспечит вам уютное и тепленькое возвращение — в гробу. Можете не сомневаться.

От ужаса у Коула перехватило дыхание, и он, шатаясь, падая и постоянно в страхе оглядываясь, захромал по ухабистой тропинке в сторону большой дороги. Френсис смотрел вслед, пока мерзавец не скрылся из вида. Тогда Мастертон тихонько вернулся в разваливающийся домишко.

Кейт, свернувшись в клубочек, лежала у Джека на коленях. Она прильнула к широкой груди, как ребенок, и, казалось, погрузилась в сон. Глаза двух мужчин встретились. Френсис приподнял брови в молчаливом вопросе, и Джек едва заметно покачал головой. У Мастертона вырвался вздох облегчения. Значит, девушка невредима. Коул одурманил ее, но не причинил зла.

Внимательно приглядевшись к парочке на соломенном тюфяке, Френсис вздохнул. Оба явно не в состоянии двигаться сегодня дальше. Кейт истощена выпавшими на ее долю суровыми испытаниями и все еще под влиянием лауданума. Что же касается Джека, хоть ему, ослепленному яростью, и хватило сил избить Коула, сейчас, когда гнев отхлынул, он едва ли смог бы сделать шаг. Френсис был уверен в этом.

— Пойду проверю лошадей, — тихо сказал он и вышел наружу.

Джек не услышал друга, направив все свое внимание на Кейт. Она пробормотала что-то во сне, и он стиснул бедняжку еще крепче.

Карстерз безучастно уставился в стену поверх ее головы. Каким же идиотом он был! Думал, что сможет отказаться от нее. Убедил себя, будто без него ей будет лучше, будто самое правильное, что он только может для нее сделать, это отослать к своей бабушке...

Он не хотел никуда ее отсылать. Он хотел обнимать ее так, как сейчас, всю оставшуюся жизнь. Джек чуть шевельнулся и поморщился, когда нога, еще больше разболевшаяся из-за неудобного положения, дала о себе знать. Хорошо, обнимать не совсем так, как сейчас. Не сидя на грязном матрасе, брошенном на твердый холодный пол маленькой убогой хижины.

Кейт трепыхнулась, и, несмотря на испытываемые неудобства, тело майора ответило на ее движение. Нет, он не хотел обнимать ее так же всю оставшуюся жизнь. Обнимать — о, да. Но в своей постели. Лаская, занимаясь любовью, вводя ее в мир наслаждения и страсти. А в ней чувствовалась страсть, в его маленькой Кейт. Джек ощутил, как при неосторожной мысли налилась его плоть. Последнее время с ним такое часто случалось! Слишком часто.

Он едва мог сдерживать себя, откликаясь на каждый ее мимолетный взгляд и жест, и ему приходилось постоянно бороться с собой.

Кейт задрожала и вновь шевельнулась. Будь проклята его глупость! Ведь ей же холодно, понял Джек. Чертов идиот, вот кто он такой! Думает только о себе, пока девочка мерзнет. Она нуждается в тепле его тела, а не в самом теле. Самовлюбленный, не соображающий, бесчувственный идиот! Аккуратно, стараясь не потревожить ее, Джек стащил с себя шинель и, накрыв ею Кейт, плотно подоткнул тяжелую ткань вокруг девушки.

— М-м-м, хорошо, — пробормотала она, и Джек криво усмехнулся, понимая, что она и правда озябла.

Стиснув зубы от пульсирующей боли и нежно обнимая Кейт, он начал осторожно передвигаться, пока не оказался лежащим наполовину на боку, наполовину на спине. Кейт примостилась рядом. Карстерз расстегнул сюртук и рубашку и, оттянув полы, крепко укутал страдальцу, чтобы получше согреть своим жаром. Кейт тотчас же обвила руками его обнаженный торс и почти взобралась на мужчину, прижавшись губами к его шее.

Стойко игнорируя бурный отзыв плоти, Джек запахнул рубашку и заботливо поправил вокруг девушки шинель. Теперь, когда он сам и его одежда защищают Кейт ото всех сквозняков, ей будет теплее. Джек ощущал, как кровь с безумной скоростью мчится по венам. Естество пульсировало, стремясь получить облегчение. Он разрывался между удовольствием от ее близости и запаха, от прикосновения слабых рук и требованиями собственного тела увеличить эту близость. Когда Кейт снова зашевелилась, его словно пронзил разряд молнии. Карстерз тихонько выругался и стиснул зубы, призывая себя успокоиться.

Проклятье! Он ничем не лучше Коула, подумал Джек. Она одурманена. Не понимает, что творит. Он должен оберегать ее, а не пылать страстью, будто какое-то лишенное разума животное. Она только что перенесла страшное испытание, а он способен думать только о том, что отчаянно хочет заняться с ней любовью. Джек уставился в просевший, весь в пятнах потолок и попытался поразмышлять о чем-нибудь другом.

Когда, шатаясь под тяжестью поленьев, в дом ввалился Френсис, Карстерз уже убедился, что потерпел позорное поражение в борьбе со своим телом. Мастертон быстро расчистил место в очаге, и вскоре там весело затрещал огонь. Джек одобрительно улыбнулся. Френсис вновь вышел, но быстро вернулся с несколькими пледами.

— Нашел их в экипаже. — Он укрыл одним пледом пару на полу. — И принес тебе кое-что еще, — ухмыляясь, он вытащил из кармана большую фляжку с бренди.

— Настоящий друг! — прошептал Джек и протянул руку. Сделав глоток, он вздохнул, чувствуя, как жидкость прокладывает обжигающую дорожку в горле. Великолепное ощущение. — О, так намного лучше.

— Нога сильно болит?

— Не очень.

Френсис фыркнул.

— Ты всегда был чертовски плохим лжецом, дружище. Глотни еще. Тебе предстоит долгая, тяжелая ночь. С ней все в порядке?

Джек кивнул:

— Просто замерзла и все еще находится под действием лауданума. Грязная свинья! Полагаю, ты позволил этому ублюдку улизнуть.

— Не мог допустить, чтобы тебя упрятали за убийство, старина. Ты устроил ему

хорошую взбучку, а я выкинул в ночь. Там чертовски холодно, мерзавец может и не дотянуть до утра. Сдохнет — невелика беда. А если выживет... он уже наказан.

— Недостаточно.

— Постарайся поспать. И, если есть силы, беспокойся о юной Кейт, а не о Коуле. Я буду спать в экипаже, заодно присмотрю за лошадьми.

На дом опустилась тишина. Лишь изредка раздавался треск горящих поленьев да ветер завывал снаружи.

* * *

Следующим утром первой пробудилась Кейт. Она приходила в себя медленно — голова все еще кружилась от лауданума. Несмотря на небольшую боль в висках и урчащий от голода желудок, она испытывала невероятное чувство легкости. Все еще лежа с закрытыми глазами, Кейт глубоко вздохнула, с наслаждением потерлась лицом о подушку и тут же замерла. Подушка казалась... странной.

Она открыла один глаз. Ее подушкой служила голая мужская грудь, слегка поросшая темными волосами. Господь всемогущий! Кейт осторожно приподняла голову и посмотрела на лицо мужчины. Джек? Она спала с Джеком? Быстро, стараясь не шевелиться, Кейт оглядела комнату. Никогда прежде не видела этого места.

Последний раз, когда она очнулась, не помня прошлого, то обнаружила, что находится в руках французов. Но здесь Джек. Кейт начала торопливо перебирать последние события, чтобы определить, что осталось в памяти. Спор с кузеном Джеремайей и тот горький кофе. Ее одурманили? Или она потеряла сознание по какой-то другой причине? Бесполезное занятие. У нее не было ответов. Оставалось только дожидаться пробуждения Карстерза.

При взгляде на глубоко спящего Джека ее губы изогнулись в нежной улыбке. Он выглядел таким юным — совсем мальчишка! — и невероятно привлекательным. Сон стер с его лица суровость и горькие складки. Легким касанием пальцев Кейт обвела скулы, подбородок, пригладила взъерошенные темные густые волосы. Не удержавшись, прижалась губами к его губам в легчайшем из поцелуев. Джек напрягся, и она застыла, но затем расслабилась, когда он снова задышал глубоко и ровно.

Кейт смотрела на широкую грудь, поднимающуюся и опускающуюся при каждом вздохе, и удивлялась, как могла проспать на ней всю ночь, не осознавая этого. Наклонив голову, лизнула теплую, чуть солоноватую кожу. Осыпала воздушными влажными поцелуями его ключицу, шею, подбородок и, наконец, вернулась ко рту. Она долго пробовала мужчину на вкус, ласкала невесомыми, как перышко, как паутинка, прикосновениями — только бы не потревожить его сон. Разница между потемневшим шершавым подбородком, царапавшим ее нежные губы, и мягким расслабленным ртом, который она так увлеченно целовала, доставляла ей неопишное удовольствие. Набравшись смелости, Кейт тронула его губы языком — чтобы вновь почувствовать их сладость. Джек, застонав, пошевелился, и она вновь застыла, наблюдая за ним. Но он по-прежнему спал, и Кейт вернулась к своим недозволенным исследованиям.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Она не должна этого делать, не должна изучать

неподвижное мощное тело, словно вор в ночи. Это противоречило всем правилам, которые в нее вдальблывали с детства, всем канонам приличного поведения леди. Но она не могла с собой совладать. Ведь больше такой возможности не представится. К тому же это не просто мужчина. Это Джек — человек, к которому она стремилась каждой клеточкой своего существа, которого любила, но который никогда не будет принадлежать ей. Конечно же, Бог простит ей этот единственный раз.

Кейт вглядывалась в спокойное мужское лицо, и все ее нутро трепетало. Как он красив! Она нежно проследовала рукой по вздымающейся груди, удивляясь мягкости кожи, под которой прятались расслабленные сейчас, но наполненные силой мускулы. Осторожно провела пальцами по мягким завиткам, окружавшим плоские коричневые соски. Поцеловала их, и Джек задрожал.

Кейт подняла голову, ища признаки пробуждения. Глаза жадно всматривались в его лицо, такую любимую изуродованную щеку, длинный орлиный нос, глубокие складки, протянувшиеся к губам. Взгляд остановился на приоткрытом рте, и она медленно склонилась, желая вновь испытать то невероятное, восхитительное ощущение, когда их языки соприкасались.

Почувствовав, как ее губы вновь прижались к его, Джек беззвучно застонал. Он не в состоянии долго терпеть эту пытку, ему необходимо отвечать ей. Тело пылало от желания обнять соблазнительницу, вернуть с избытком ее сладкие робкие ласки, овладеть ею, привести их обоих к восхитительному завершению. Но он не смел. Не здесь, не сейчас, не в тишине и украдкой. Он слишком хорошо отдавал себе отчет в том, где они находятся — в грязной конуре с просевшим потолком, на твердом полу. И Френсис мог войти в любой момент. Нет, это было бы чрезмерно низко с его стороны.

Он желал, чтобы их первое слияние — когда он в первый раз овладеет Кейт и сделает ее своей, — стало идеальным. Что же до настоящего момента, он будет терпеть столько, сколько необходимо. А терпеть ему приходилось самую сладострастную пытку в своей жизни.

Как только Кейт зашевелилась, пробуждаясь, он тотчас же проснулся, но продолжал лежать неподвижно, давая ей возможность уйти и избежать неловкости их интимного положения. Если она захотела бы, конечно. Ощувив поток холодного воздуха, когда Кейт приподнялась, он ждал, что она отодвинется, и поэтому продолжал притворяться спящим — чтобы ей было легче оставить его.

Он оказался не готов к ее действиям и, почувствовав первую воздушную ласку на своей коже, испытал потрясение. Ласку такую легкую, что сначала даже подумалось, будто это происходит не наяву, но за ней последовали новые прикосновения и поцелуи, и потребовалась вся сила воли, чтобы просто лежать, а не схватить девушку в страстном объятии. В жизни Джека Карстерза раньше ничего похожего не случалось. Сохранять спокойствие и неподвижность, пока крошечное создание, похитившее сердце майора, осыпало его нежнейшими, чуть влажными поцелуями.

Пульс его участился: под напором ее невинных, неопытных, но таких осязаемых заигрываний трудно было оставаться расслабленным. Но он не имел выбора. Приходилось лежать пластом, преодолевая мучительное блаженство, словно чувств у него не больше, чем у бревна. Или так, или этот восхитительный момент будет уничтожен суровой действительностью — никакого выбора.

Боже, но какая же она сладкая! И, Господь всемогущий, она опять целует его в губы.

Джек приготовился сопротивляться непреодолимому соблазну, когда настойчивый язычок скользнул ему в рот и робко прикоснулся к его языку. Удовольствие пронзило его, и с молчаливым отчаянием Джек понял, что отвечает ей. Он тут же ощутил, как, встревожившись, Кейт отпрянула, однако уже не владел собой и потянулся вслед за ее медовым ротиком. Девушка в панике попыталась отстраниться, но Джек, нежно и решительно обхватив ее затылок и глядя ей в глаза, вновь слился с соблазнительницей в поцелуе.

Поцелуй был долог и невероятно пылок.

Джек услышал, как на улице Френсис готовит лошадей. Он отпустил Кейт, и через мгновение она отодвинулась. На ее лице застыло ошеломленное, неверящее выражение. Джеку очень сильно хотелось вновь обнять ее и целовать, целовать, пока ее возбуждение не разгорится огнем настоящей страсти. Вместо этого он улыбнулся странной, кривоватой и одновременно нежной улыбкой.

— Доброе утро, милая, — прошептал он, — думаю, это самое восхитительное пробуждение в моей жизни.

Кейт моргнула и залилась краской. Боже милостивый, она лежит, вытянувшись на Джеке Карстерзе, в самой непристойной позе! Их ноги сплелись, ее грудь прижимается к его голому торсу, а его... мужское достоинство вжимается в ее бедра. И он не спит!

Кейт поспешно сползла с Джека и, встав, принялась лихорадочно одергивать одежду в отчаянной попытке обрести хотя бы видимость благопристойности и самообладания. Боже! Как давно он не спит? Он осознавал все, что она творила?

Глубоко смущенная, Кейт начала приводить в порядок волосы и одежду. Она не смела даже посмотреть в сторону мужчины, не говоря уже о том, чтобы встретиться с ним взглядом. Хотелось нарушить неловкое молчание какими-нибудь словами, но ничего не придумывалось. Она слышала, как позади нее двигался Джек: он, должно быть, застегивал рубашку и сюртук, натягивал шинель, в которую она была укутана...

— Всем доброе утро! Выспались? — в дом, грохоча сапогами, вошел Френсис. — Уф, ну и холодина на улице! Думаю, следует отправиться в путь как можно скорее. Кейт, как вы, дорогая?

Кейт пробормотала что-то неразборчивое и выскользнула из хижины. Ее лицо пылало. Френсис тоже здесь? Кто еще знает о ее позоре? Достаточно плохо уже то, что она позволила кузену Джеремае похитить себя, но два свидетеля этого легкомыслия и ее последующее поведение с Джеком! Что он должен думать о ней после того, как она прикасалась к нему... и Френсис находился где-то поблизости. Все это невыносимо унижительно.

Кейт искала воду, чтобы умыться, но поблизости не нашлось ни колодца, ни насоса, ни ручья. Маленькое озерцо около дома покрылось льдом — видимо, ночью ударил мороз. Разбить камнем лед не удалось. Тогда она стала тереть лицо кусочками льда, пока они не растаяли, а затем промокнула влагу нижней юбкой. Оторвав полоску кружева от той же юбки и подвязав волосы настолько аккуратно, насколько это было возможно, Кейт вернулась в дом, дрожа от холода.

Когда она вошла, оба мужчины выглядели вполне прилично, хотя, конечно, не так безукоризненно, как обычно. Кейт старалась не встречаться глазами с Джеком, она чувствовала, как горит у нее лицо, но надеялась, что вояки — по крайней мере, Френсис — объяснят румянец кусачим морозцем на улице.

— Доброе утро, джентльмены, — приветствие получилось радостным. Широкая улыбка предназначалась стене между друзьями. — У нас имеется какая-нибудь еда? Страшно хочется есть.

Френсис фыркнул.

— Леди проголодалась, старина. Мы же не можем обмануть ее ожидания? Не отправиться ли нам в ближайшую гостиницу и не позавтракать ли там? Думаю, постоянный двор в соседней деревне сможет удовлетворить наши нужды.

— О да, давайте, — немедленно согласилась Кейт, одарив Мастертона лучезарной улыбкой.

Она все еще не решалась взглянуть на Джека.

— В таком случае, мэм, я тотчас же подгоню ваш экипаж!

Френсис, поклонившись, как лакей, вышел из дома, продолжая шаркать и кланяться, словно штафирка перед королевской особой. Кейт захихикала.

Обернувшись, она увидела, что Джек стоит, прислонившись к стене, и сердито сверлит ее глазами.

— Вам необходимо флиртовать с ним в такую рань?

Кейт вспыхнула и отвела взор. Она ощущала его обжигающий взгляд. Внутри у нее все опустилось.

— Я не флиртовала.

Джек недоверчиво хмыкнул.

Отвернувшись, Кейт подошла к двери и выглянула на улицу. Тут уж ничего не поделаешь. Он будет думать то, что ему хочется, и она не сможет переменить его мнение. Задрожав от холода, она обхватила себя руками и подскочила, почувствовав, как на плечи опустилась тяжелая шинель.

— Вот, — резко бросил Джек, — завернитесь.

Шинель все еще хранила тепло и легкий запах его тела. Кейт замерла. Только когда Джек сам начал укутывать ее, она попыталась воспротивиться:

— Нет, нет, не нужно...

— Не глупите, — рявкнул он и развернул Кейт лицом к себе.

Она попыталась поймать его взгляд, но он был поглощен застегиванием пуговиц.

— Спасибо, — мягко поблагодарила Кейт.

Джек мгновение смотрел на нее с непроницаемым лицом, затем пробормотал что-то себе под нос и, протиснувшись мимо, вышел на улицу, чтобы помочь Френсису с лошадьми.

Он сильно хромает, осознала Кейт с испугом. Должно быть, нога причиняет ему страшную муку. Около губ вновь появились белые болезненные складки, и они теперь глубже, чем когда-либо прежде. Он причинил себе боль, спасая ее. Кейт хотела побежать за ним, хотела сделать хоть что-нибудь, но не могла. Она уже достаточно натворила. Джек, очевидно, смущен утренним поцелуем и сердит на нее, а иначе, почему он так разозлился, когда она подхватила шутливую болтовню Френсиса? Хотя, конечно, боль не способствует улучшению настроения.

Экипаж был готов. Править собирался Френсис. Лошадей, на которых прискакали друзья, привязали сзади. Кейт забралась в карету и ждала, пока мужчины закончат спорить, кто из них возьмется за вожжи. Наконец Джек сдался, но грубо заявил, что сядет наверху вместе с Френсисом.

— Не будь смешным, дружище, — резко возразил тот. — Из-за ноги ты не сможешь

сюда взобраться, да и в любом случае без шинели ты замерзнешь. Так что замолчи и садись внутрь, пока Кейт не подумала, что тебе не нравится ее компания.

Кейт сглотнула. Френсис шутил, но случайно попал в самую точку. Джек не хотел ехать вместе с ней. Это очевидно.

Карстерз все-таки забрался в экипаж, и Кейт уставилась в ближайшее окно. Майор молча расположился на сидении и принялся угрюмо смотреть в другое окно.

Всю недолгую дорогу до соседней деревни Кэтрин и Джек молчали. Когда они остановились перед небольшой аккуратной гостиницей, вышедший им навстречу владелец, окинув посетителей опытным взглядом, отметил и мятую одежду, и небритые лица мужчин, и небрежно убранные волосы Кейт. Его румяное лицо приобрело понимающее выражение.

— Две комнаты, хозяин, будьте любезны, — протянул Френсис. — Одну для меня и моего друга, вторую для... моей сестры.

Трактирщик оглядел Кейт, и она вспыхнула. Он явно не поверил словам Мастертона и принял ее за женщину совсем другого сорта. Девушка гордо задрала подбородок, отрицая его право судить ее.

Джек заметил этот молчаливый обмен взглядами.

— Моей жене потребуется горячая вода и горничная, — прошипел он. — Вчера вечером произошел несчастный случай, и наши служанка и кучер пострадали. Мы торопимся, хозяин, так что завтрак подайте, скажем, минут через сорок. Да, и горячую воду, и бритвенные принадлежности для меня и моего друга.

Услышав высокомерный голос Джека, владелец гостиницы кинулся выполнять распоряжения, на ходу зовя жену, чтобы та помогла молодой леди. Презрительное пренебрежение сменилось подобострастием.

Кейт моргнула. Жена? Она вздохнула. Жена, сестра — нет никакой разницы. Они выдумывали истории, чтобы защитить ее несуществующую репутацию. Кейт без слов последовала наверх за трактирщицей.

После плотного, но не слишком веселого завтрака, во время которого Френсис и Кейт болтали, а Джек ел в угрюмом безмолвии, они вновь отправились в дорогу. Миля проносилась за милей, в экипаже стояла неловкая тишина. Кейт и Джек глубоко погрузились каждый в свои мысли. Так продолжалось, пока они не достигли знакомых мест.

Тогда Кейт нарушила молчание:

— Знаете, вам не стоило говорить этому человеку, что я ваша жена. Версии про сестру Френсиса хватило бы.

— Все-то вы знаете, — фыркнул Джек.

Значит, она предпочитает представляться сестрой Френсиса, а не его, Джека, женой? Получается, сегодняшнее утро для нее ничего не значило? Женщины! Он никогда их не поймет!

— Что вы имеете в виду? — спросила Кейт.

— Ну, после сегодняшней ночи вам придется выйти за одного из нас. А так как вы спали в моих объятиях, именно я буду вынужден просить вас об этой чести, — огрызнулся он.

«О Господи, — подумал Джек, — я все испортил. Я не хотел преподносить это так. Дурак, дурак, дурак!»

Кейт побледнела. Так вот почему он был в таком гневе. Дело совсем не в его ноге или ее так называемом флирте с Френсисом. Он думает, что она поймала его в ловушку, и теперь он

должен на ней жениться.

— Не вижу никакой необходимости связывать вас браком, — пробормотала она, — в конце концов, ничего же не случилось.

Синие глаза Джека свирепо вспыхнули, заставив ее уставиться на пол. Что означает этот яростный взгляд? Он целовал ее и раньше, но не чувствовал себя обязанным делать ей предложение.

Джеку отчаянно хотелось схватить эту маленькую девчонку и трясти, пока зубы не застучат. Значит, ничего не случилось? Как она смеет так врать? Он все еще ощущал легчайшие поцелуи, которыми она осторожно и нежно покрывала его кожу. От этих поцелуев его тело до сих пор горело огнем.

— Неизменным остается то обстоятельство, что вы, как известно, сначала были похищены одним мужчиной, а затем провели ночь в компании двух других, и при этом ни один из них не приходится вам родственником. У вас нет выбора. Если вам отвратительна сама мысль о браке со мной, то Френсис с радостью сделает вам предложение. Уверен, вы это отлично понимаете. Он намного более завидная партия, это очевидно нам обоим.

Его горький сарказм причинил Кейт невероятную боль.

— Нет причин вести себя так отвратительно, — со спокойным достоинством произнесла она. — И мне нет никакой необходимости выходить за кого-либо из вас замуж. Я вообще не собираюсь вступать в брак и уже говорила вам об этом, только вы так глупы и упрямы, что отказываетесь мне верить, — заключила она с чувством.

Ее нрав вновь взял вверх. Какое у него право так с ней разговаривать? Будто бы ее волнует, кто является хорошей партией, а кто нет, когда любит-то она его! Глупый, глупый невежа! Неужели он так плохо ее знает?

— Ваши намерения больше не имеют никакого значения, дорогуша, — возразил Джек убийственным тоном. Она назвала его глупцом, да? — Ваша репутация погублена, и, повторяю, у вас нет иного выбора, кроме как выйти замуж за одного из нас. Слава Богу, по крайней мере я знаю, как устроен мир, даже если вы — нет.

— Вы ничего не знаете! — вспыхнула Кейт. — Вчерашние события не нанесли моей репутации никакого вреда.

Джек насмешливо и недоверчиво фыркнул.

— Вы не можете погубить то, что погублено давным-давно! — рявкнула она. — И поверьте, мистер Карстерз, моя репутация была полностью уничтожена задолго до прошлой ночи!

— Не будьте смешной. Все это время с вами находилась горничная моей бабушки и Марта. Возможно, это немного необычно, но вы ни минуты не оставались без компаньонки. Бабушка позаботилась об этом.

Кейт нетерпеливо отмахнулась.

— Урон был нанесен задолго до того, как я встретила леди Кейхилл, — ее голос пресекся.

Кейт почувствовала тошноту. Она надеялась, что больше никогда в жизни ей не придется рассказывать эту историю, и вот здесь и сейчас следует поведать горькую правду единственному в мире мужчине, от которого хотелось бы все скрыть.

Но нельзя позволить ему принести себя в жертву во имя спасения ее несуществующей репутации. Джеку необходимо удачно жениться на какой-нибудь девушке, прошлое которой не омрачено скандалом, и которая невинной вступит в этот брак. Пусть невеста принесет

ему девственность, незапятнанное имя, богатство, с помощью которого Джек восстановит свою разрушенную жизнь. Кейт не могла предложить ничего из перечисленного. Только саму себя и свое сердце — незначительные, жалкие дары, если подумать.

Именно врожденное благородство, проявляемое в несколько грубой манере, заставляет его предлагать ей защиту своего имени. И с ее стороны невероятная трусость оттягивать неизбежное...

Кейт вздрогнула. Она ощущала себя каким-то морским созданием, которое безжалостно вытащили из уютной ракушки, и теперь оно оказалось обнаженным и уязвимым для любого удара. Ужасное чувство...

— Я все сейчас объясню, Дж... мистер Карстерз, но прежде хочу вас попросить ничего не говорить — ни пока я буду рассказывать, ни после. Особенно после. Для... для меня очень трудно рассказывать вам это, но я понимаю, что должна, и... если вы посмотрите, или прикоснетесь ко мне, или произнесете что-нибудь... это уничтожит... вы... вы должны пообещать, что не сделаете ничего подобного...

Джек в недоумении уставился на девушку. Его охватило зловещее предчувствие, ведь Кейт была убийственно серьезна.

— А если я не пообещаю?

Кейт в отчаянии посмотрела на него:

— Полагаю, что расскажу в любом случае, даже без вашего обещания... но для меня это будет намного труднее, намного болезненнее.

— Тогда даю вам слово, — кивнул майор.

Она глубоко вздохнула и уставилась в окно, не замечая проносящихся мимо полей. Отвернувшись и запахнув большую теплую шинель, негромким невыразительным голосом Кейт поведала о последних месяцах, которые провела в Испании и Португалии. Она ничего не скрывала, не оправдывалась и объяснила очень честно, почему ее репутацию нельзя погубить и почему она не может выйти замуж за кого бы то ни было.

Джек перестал замечать тряску, ноющую ногу, все вокруг. Он ни на дюйм не пододвинулся к Кейт, но его жадные глаза не отрывались от повернутого в сторону нежного лица. Ни о чем в своей жизни он не жалел так сильно, как о только что данном обещании. Майор отчаянно хотел обнять ее и поцелуями унять боль и страдания. Но не мог. Он дал слово.

Когда Джек осознал, какая невероятная храбрость потребовалась Кейт, чтобы обнажить свою жизнь и при этом ждать от него осуждения, взгляд его потемнел, а горло перехватило. Глаза, наполненные нежностью и усталостью, впитывали ее отважно задранный подбородок и гордо выпрямленную хрупкую спину, пока она своим признанием уничтожала саму себя в его мнении. По крайней мере, она явно так думала, его маленькая возлюбленная. Если бы она только знала, насколько прекрасна, храбра, бесстрашна и красива в этот момент.

Кейт закончила рассказ как раз тогда, когда экипаж, подъехав к «Севеноуксу», остановился. Коротко и неуверенно рассмеявшись, она произнесла:

— Так что нет никакой нужды ни вам, ни Френсису, ни кому-либо еще спасать мою репутацию или защищать мою честь. Вы не можете ни спасти, ни защитить то, что было давным-давно уничтожено и утрачено.

Джек, издав нечленораздельное протестующее хмыканье, протянул к ней руку, но Кейт отшатнулась. Френсис, не подозревая о развернувшейся внутри кареты драме, спрыгнул с козел и приказал громким голосом, чтобы приготовили бренди и горячий обед. Он

распахнул дверцу, и Кейт, выбравшись из экипажа, не разбирая дороги, бросилась в дом. Нахмурившись, Френсис посмотрел ей вслед, затем обернулся и увидел изможденное лицо друга.

— Давай, старина, — сказал он мягко, — я помогу тебе.

Когда Джек, прихрамывая, начал медленно подниматься по ступенькам, в ворота въехала превосходная дорожная коляска. Джек узнал экипаж по гербу его бабушки. Коляска остановилась, и из нее показался незнакомый мужчина, тотчас же поспешно направившийся к Джеку и Френсису.

— Мистер Карстерз? — спросил он.

— Да, — ответил Джек.

— Меня зовут Филлипс. Мне выпала честь быть поверенным леди Кейхилл. Я прибыл с важными новостями для мисс Фарли. Как я понимаю, она находится здесь. — Филлипс лучезарно улыбнулся мужчинам, но при взгляде на лицо Джека сияние померкло. — Она же здесь?

Джек нахмурился.

— Да, здесь, но, боюсь, не сможет встретиться с вами прямо сейчас. Она... она нездорова. — С усилием он вернул видимость самообладания и устало предложил: — Пожалуйста, входите, я распоряжусь, чтобы принесли что-нибудь поесть. Уверен, вам это необходимо после поездки.

— Стало быть, мисс Фарли наследница? — не смог дольше сдерживаться Джек.

Ему и без того пришлось подождать, пока они с Френсисом переоденутся, а мистеру Филлипсу подадут освежающие напитки.

Почтенного адвоката, казалось, на мгновение потрясла прямога Джека, но через минуту он, видимо, пришел к какому-то решению и соизволил изобразить на лице осторожную улыбку.

— Да, сэр, вы верно догадались, хотя я не вправе больше ничего говорить, пока не извещу мисс Фарли. Впрочем, в самом деле, новости для нее замечательные.

Джек повернулся к Френсису.

— По словам моей бабули, дед и бабушка Кейт по линии Делакомб были весьма богаты. Наверняка наследство ей оставили они, — пробормотал он, ощущая необъяснимую подавленность.

— Кейт это порадует. Девочка заслуживает чуточку счастья, — заметил Френсис.

— Погодите-ка... — медленно произнес Джек. — Но ведь все деньги Делакомбов отошли кузену Кейт.

— Верно, — оживившись, подтвердил Френсис.

— Какому такому кузену? — нахмурившись, спросил мистер Филлипс. — Я провел тщательное расследование, и, согласно моим сведениям, у мисс Фарли нет здравствующих кузенов.

— Парню, которого зовут Коул.

— Коул! — пренебрежительно фыркнул Филлипс. — Вовсе он не кузен. Я послал по его следу ищеек с Боу Стрит!

— Что? — обратившись в слух, оба мужчины подались вперед.

— Ну, не тот ли это субъект — зовут Джеремайя Коул, верзила с волосами песочного цвета?

Френсис и Джек закивали.

— Это просто жалкий стряпчий, пойманный мною на том, что, как говорится, запустил руку в горшок с медом. Выскользнул из моей хватки несколько недель тому назад и скрылся.

— Боже милостивый!

— Типчик без особых ухищрений поправлял свои денежные дела за счет состояния Делакомбов с тех самых пор, как его отец, прежде бывший их поверенным, скончался.

— Боже милостивый! — снова воскликнул Френсис.

— Вы имеете в виду, что этот мерзавец присваивал деньги Кейт? И что он никакой ей не родственник?

Филлипс кивнул:

— Да, так и есть. Но как вы-то о нем узнали?

Джек обменялся долгим взглядом с Френсисом. Сейчас совершенно прояснился мотив похищения Кейт. Если бы Коул заставил девушку выйти за него замуж, все наследство досталось бы ему на законных основаниях. Впрочем, не было необходимости посвящать Филлипса в историю с попыткой умыкнуть Кейт.

— Он побывал здесь, — мрачно сообщил Джек, — выдал себя за кузена мисс Фарли и попытался склонить ее к замужеству.

Мистер Филлипс охнул от изумления. Джек посмотрел на Френсиса.

— Знаешь, лучше бы ты позволил мне прикончить мерзавца, — пробормотал он.

— Полицейские непременно поймают мошенника, старина. Его повесят или по меньшей мере вышлют.

— Если найдут.

— О, они его схватят, не беспокойтесь, — уверенно заявил мистер Филлипс, — я совершенно не сомневаюсь. Нисколько.

— Пусть уж постараются, — проворчал Джек.

— Надеюсь, он не слишком глубоко запустил свои лапы в наследство мисс Фарли? — неуверенно спросил Френсис.

Джек снова посмотрел на друга. Френсис не нуждался в богатой жене.

— Нет, что вы. К счастью, основная часть наследства хорошо защищена, и он не смог к ней прикоснуться. В целом же размеры состояния таковы, что ущерб от хищений Коула весьма незначителен, факт, на который, как я полагаю, он и рассчитывал в случае появления на пороге законных наследников, — пояснил мистер Филлипс, неосмотрительно отдавая должное доброй порции бренди, которым щедро потчевал хозяин.

Сердце Джека упало. Кейт богата, очень богата, судя по обмолвке Филлипса. Раз так, здесь она надолго не задержится. При таком-то богатстве она ни в чем не будет нуждаться... и ни в ком.

— Догадываюсь, неспроста вы приехали в карете моей бабушки, — выдавил Джек.

— Да, ее милость чрезвычайно добра, — просиял мистер Филлипс. — Я должен, не теряя времени, препроводить мисс Фарли в Лондон. Леди Кейхилл строит великие замыслы насчет мисс, уместно сказать, грандиозные замыслы.

— Держу пари, так и есть, — кисло пробормотал Джек.

— Возможно, у мисс Фарли есть свои собственные мысли на сей счет, — предположил Френсис. — Может, она не захочет уезжать отсюда.

— Не захочет уезжать отсюда! — изумился мистер Филлипс. Он обвел взглядом обшарпанную комнату. — И откажется поселиться в роскошном особняке в Лондоне, посещать балы и приемы? С какой стати ей противиться?

— Действительно, с какой стати? — буркнул Джек. — Простите меня, но я должен подняться наверх и позволить моему слуге осмотреть эту окаянную ногу.

Он устало заковылял по лестнице, почти довольный, что боль в ноге отвлекает от горестных мыслей. По пути остановился перед дверью Кейт и постоял там минуту-другую. В конце концов, понятно, что предпринять в отношении физических страданий. Час или около того массажа, полбутылки бренди, и боль утихнет.

Никакое из этих средств не поможет в случае боли иного сорта. На самом деле они лишь усугубят мучения: массаж неизменно вызывал в памяти то, как Кейт впервые дотронулась своими маленькими сильными ручками до его ноги, разминая, поглаживая, лаская... Так же и бренди — в пьяном забытии теперь никакого удовольствия, поскольку запах спиртного напоминает ночь, когда она ворвалась в его святилище, как маленький карающий ангел, и расшвыряла все его графины и бутылки. Ему никогда не забыть выражение ее лица той ночью... ни того, что случилось после... наслаждение, безумие, горечь.

Он должен позволить Кейт уехать. С ним у нее нет будущего. Не теперь. Не в тот момент, когда она стала богатой женщиной. Кейт могла бы согласиться принять его в обмен

на дом, пусть и обветшалый, на верность и защиту до конца жизни. О любви он даже говорить не смел. Пусть останется его тайной. Но дом... потерявшая все девушка удовольствовалась бы этим убежищем. Крышей над головой и обещанием семейного счастья. Клятва дать ей семью могла бы привлечь круглую сироту.

Все это в настоящий момент утратило свою значимость. Теперь Кейт нет нужды спешно выходить замуж — она может выбирать. Отправится в Лондон, а там богатой наследнице представится самый широкий выбор. Сейчас ни в коем случае не следует просить ее руки — ни к чему, чтобы Кейт подумала, будто он охотится за приданым. Проклятое наследство Делакомбов. И чертов мистер Филлипс. Если бы этот тип не появился так не вовремя, Джек мог бы уже добиться согласия Кейт выйти за него, за Джека. И даром времени он бы не терял, на следующий же день потащил бы ее в деревенскую церковь венчаться.

Майор посмотрел в один конец коридора, потом в другой, затем приложил ухо к двери и прислушался. Тихо. Только запах воска, которым она обычно полировала деревянные поверхности. Воск. Еще одно напоминание о Кейт. Джек неохотно отнял щеку от двери и захромал в свою комнату. На низком столике в коридоре стояли цветы, маленькие синие брызги в ворохе зеленых шипов. Наклонившись, он понюхал их, страдальчески закрыв глаза. Цветы пахли, как волосы Кейт. Должно быть, розмарин. Он вытянул веточку, растер пальцами и вдохнул аромат.

— Карлос.

Джек рассеянно спрятал веточку розмарина под рубашку.

— *Si, senior.*

— Сделай что-нибудь с этой проклятой ногой, ладно?

— Сейчас, *senior.*

Пока Карлос, стуча башмаками, спускался по лестнице, чтобы разогреть массажное масло, Джек начал снимать сюртук. На мгновение он застыл, а потом вернулся в коридор. Воззрился на вазу с душистым букетом. Потом осторожно поднял ее, отнес в свою комнату и поставил рядом с кроватью, где на цветы падали бы лучи утреннего солнца.

— Нет, это очень любезно со стороны леди Кейхилл, однако сейчас я в состоянии сама о себе позаботиться, и мне нет необходимости ехать в Лондон.

— Но леди Кейхилл весьма настаивала...

Почтенный адвокат попытался скрыть разочарование в голосе. Наследница оказалась крайне упрямой. Он исчерпал все аргументы: красочно описал удивительные вещи, которые ей предстоит увидеть или сделать, лавки, театры, концерты, балы, чудеса культуры, знаменитые места и людей, с которыми она могла бы познакомиться. Завлекательные речи не возымели ни малейшего результата.

Мистер Филлипс бросил на мистера Карстерза напряженный взгляд. Внук ее милости следил за беседой с сардоническим видом, сложив руки на груди. До сих пор он не произнес ни слова.

Мистер Филлипс выбился из сил. Скрывая под скучной внешностью сухаря романтическую натуру, он воображал себя кем-то вроде рыцаря, препровождающего потерянную принцессу в ее законные владения. Только принцесса по непонятной причине сопротивлялась и обладала не по-женски острым язычком и неподатливым умом, и никакие его слова не могли сдвинуть ее с места.

Самое несносное, подумал адвокат с возрастающим чувством несправедливости

происходящего, когда он упомянул об огромном состоянии, которым мисс Фарли получила право распоряжаться единолично, она ответила так, словно мысли ее были заняты совсем другим:

— Да, да, я и в первый раз расслышала. Очень мило, благодарю вас.

Мило! Пусть мистер Филлипс всего лишь поверенный, но почувствовал себя почти оскорбленным, когда к такому огромному состоянию прицепили словечко «мило». Он продолжил было убеждать упрямицу, когда его прервал резкий низкий голос хозяина дома.

— Я уже достаточно наслушался всей этой чепухи. Кейт, вы едете в Лондон, и никаких разговоров. Карлос! — позвал он, повернувшись к двери.

— *Si*, майор Джек?

— Скажи Марте за час собрать вещи мисс Фарли и отнести в карету. Вместе с мистером Филлипсом она будет сопровождать мисс Кейт в Лондон до дома моей бабушки.

— Она не сделает этого! — возразила Кейт, впервые встретившись с ним взглядом.

Джек прищурился.

— Да, конечно, вы правы. Карлос, скажи Марте упаковать только вещи, которые могут понадобиться в дороге. Они обзаведутся новым гардеробом и всем необходимым в Лондоне.

Командующий отмахнулся от задыхнувшейся в возмущении Кейт:

— Да... Карлос, пусть горничные соберут немного еды и напитки в корзину на случай, если мисс Фарли в дороге проголодается.

— Не слушайте его, Карлос! — воскликнула звонким от негодования голосом Кейт.

Карлос смиренно встретил ее взгляд.

— Простите, *senorita*, но я обязан исполнять приказы майора Джека.

В ответ на ее яростные проклятья Джек хрипло и безрадостно рассмеялся.

— Вижу, я все еще хозяин в своем собственном доме, — бросил он.

— Да, но мне вы не хозяин, и я отказываюсь подчиняться вашим распоряжениям!

— Я и не прошу вас подчиняться моим распоряжениям, — холодно процедил Джек.

— Я... я не пони...

— Что же тут непонятного? Это мой дом, и я волен выбирать, кому в нем находиться. Вы прекрасно знаете, что с самого начала меня вынудили терпеть ваше присутствие. Ну, а сейчас нет причин вам здесь оставаться долее. Поезжайте к моей бабушке и отправляйтесь сегодня же — или я самолично запихну вас в карету.

Он резко и четко отдавал приказы, как истинный офицер.

— Вы поняли меня, мисс Фарли?

Кейт отпрянула, затем отвернулась, пряча страдание.

Однако Джек разглядел выражение ее лица. В расстройстве майор запустил пятерню в волосы. Проклятье, он не мог вынести этот взгляд раненого зверька. Что, черт возьми, Кейт себе напридумывала насчет того, как обойдется с ней его бабушка? Пытать что ли будет? Сироте улыбнулась удача, о которой мечтает каждая молодая женщина. Она не понимает, от чего отказывается. О, он знал, что ее останавливает, хорошо знал. Но его бабуля быстро наставит глупышку на путь истинный.

Скандалное происшествие в прошлом ничего не будет значить вкуче с огромным наследством. Кейт обнаружит целый ворох подходящих женихов — только самые отъявленные ханжи смогут придраться к ее утраченной девственности. В конце концов, она не совершила ничего плохого. Кейт Фарли благородна до кончиков ногтей, любой дурак это увидит. Самая большая проблема состоит в том, что ей наверняка придется столкнуться с

охотниками за приданым. Впрочем, в этом вопросе Джек уповал на бабушку.

Лучше покончить со всем как можно скорее. Он ненавидел долгие проводы. И не знал, сколько еще сможет выносить скорбное выражение на ее лице без того, чтобы не притянуть бедняжку в свои объятия. Но быть связанной с озлобленным калекой — последнее, в чем нуждается Кейт. С новообретенным богатством перед ней простирается блестящее будущее, будущее, в котором ему нет места.

— Тогда договоримся встретиться в холле, скажем, через полчаса, чтобы напоследок попрощаться? Вот и славно.

Он кивнул изумленным слушателям и покинул комнату.

— Ну что за отличный парень! — через мгновение воскликнул мистер Филлипс. — Какая решительность, какая властность! Уверен, он был превосходным офицером. Кстати, он больше похож на свою бабушку, чем я себе представлял.

Всю дорогу карету трясло и подбрасывало на ухабах, у мистера Филлипса для обратного путешествия были заранее заказаны комнаты в гостинице, и его беспокоило, доберутся ли они к месту назначения до темноты. Кейт ухватила за ремень и устояла в окне, не обращая внимания на пробегающий мимо пейзаж, колдобины и соседей по экипажу. Она чувствовала себя несчастной, одинокой и расстроенной. Из глаз сочились слезы.

Когда ее бросил Гарри, она думала, что ей больше никогда не суждено ощущать столь ужасную боль. И ошиблась. Сейчас было в тысячу раз больнее. В Гарри она влюбилась с всем чистосердечием школьницы — Джека же она любила, как взрослая женщина: всем сердцем, телом и душой.

Дурочка, сама виновата: позволила себе привязаться, надеяться, мечтать, и сейчас все чаяния рассыпались в прах. Случилось то, что она предвидела и о чем тысячу раз напоминала себе.

Джек ее презирал. Мужчина, которого она любила, презирал ее.

Кейт набралась смелости и рассказала ему об Анри и Лиссабоне, цепляясь за призрачное предположение, что для Джека это не будет иметь значения. О, она не ждала, что он повторит свое предложение о замужестве, конечно же, нет... хотя самую чуточку ее глупое сердечко все же надеялось. Нет, само собой, это невозможно. Самое большее, на что она уповала, что он наконец-то поймет, отчего она не желает ехать в город к его бабушке, почему ей никогда не бывать на ярмарке невест. Кейт мечтала, что он позволит ей остаться, разрешит жить в своем доме и дальше...

Но майор выслушал ее историю, а на следующий день приказал упаковать вещи.

Джек не слишком деликатно и довольно стремительно избавился от ее оскверняющего присутствия: посадил в экипаж безо всяких там «с вашего позволения» и попрощался, словно с незнакомкой. Даже в глаза ей не посмотрел, только пробормотал «До свидания» лишенным каких-либо чувств голосом.

Кейт до крови закусила губу, вспомнив, как он мимолетно коснулся ее ладони и тут же отдернул пальцы, словно не мог вынести ее прикосновения. Френсис хотя бы склонился над ее рукой и поцеловал, как проделал при первой встрече, — видимо, он до сих пор считал ее леди. Наверное, Джек еще не просветил друга.

Невозможно примириться с этой переменой в Джеке. Всего лишь двадцать четыре часа назад она проснулась в его объятиях. Даже во сне, ласково убаюкивая, его сильные руки обнимали ее, словно заявляя свои права. Кейт смаковала воспоминания: вкус его кожи,

удовольствие от уколов щетины на впалых щеках, трепетное возбуждение тела, когда она во всю длину прижималась к нему. Блаженство и чудо того тайного украденного поцелуя, который из несмелого, вспыхнув, обратился в страсть. А потом, когда Джек открыл глаза, эти синие-синие глаза, и расцвел в своей замечательной, кривоватой улыбке, сказав «С добрым утром, любимая», — это был один из самых прекрасных моментов в ее жизни.

Именно тогда она поняла... поверила... в самых дальних уголках своего сердца и души, что любит его, и что — о, чудо из чудес! — он отвечает ей взаимностью. Ее одинокое разбитое сердечко наконец-то обрело тихую гавань. На мгновение Кейт позволила себе помечтать, что вот так же будет просыпаться каждое утро до конца жизни... «С добрым утром, любимая».

О, как же ей хотелось, чтобы так и случилось... но то было тщетное желание, мучительно отдававшееся в теле тянущей болью. Этому не суждено сбыться. Глубоко в сознании она всегда это понимала, в счастье так никогда до конца и не верила. Подобно истощенному ребенку, обреченному всю жизнь голодать, она рискнула всем, чтобы ухватить маленький кусочек, понимая, что никогда больше не попробует такого лакомства.

Не по этой ли причине Джек ее отверг? Из-за ее развязного поведения в коттедже? Не подумал ли он, что лиссабонские слухи насчет нее были правдивы? Какая ирония. Никогда в своей жизни она не чувствовала себя распутной, кроме как с Джеком Карстерзом. Впрочем, откуда ему знать об этом?

Быть похищенной один раз еще можно рассматривать как случайность. Но дважды? Сначала Анри, потом Джеремайя. Полуистеричный смешок вырвался из горла — трижды похищенная, ведь леди Кейхилл тоже ее умыкнула. Она явно пользуется успехом. Ничего удивительного, что Джек осуждает ее.

Жестокость его приговора прожигала сейчас сердце Кейт, как кислота проедает плоть... но еще не настало время сожалеть о своей минутной слабости, о том, что украдкой вкусила блаженства. Разве было бы легче жить, не узнай она никогда его объятий? Возможно. Но сейчас ее мечты приобрели реальное воплощение, и воспоминание поможет выдержать долгие унылые годы, простирающиеся впереди.

Прошлое было океаном боли, такое же будущее лежало перед ней. Кейт смирилась со своей судьбой. Жить одним днем — вот что остается. В первую очередь придется вытерпеть суровое испытание под названием «сезон».

Вытерпеть? Нет, решила Кейт. У нее хватит мужества принять деятельное участие в спектакле, она будет наскребать в себе силы, пока не исчерпает их до доньшка. Использует все возможности, все лучшее, что сможет предложить ей светское общество. Рано или поздно ее тайна выйдет наружу и вынудит с позором покинуть город, но это не уязвит ее, если она сама того не допустит. В конце концов, предупрежден — значит, вооружен.

Конечно, не стоило заводить здесь друзей, тогда не пришлось бы так переживать разлуку. Лучше бы выстроить вокруг себя ледяную стену потолще. Лучше бы не позволять себе думать о большем, чем недлительные отношения. Тогда, в неизбежный час отъезда, она смогла бы уйти, если не без сожалений, то хотя бы без боли.

Ей больше никогда не будет так больно. За время пути до Лондона, молча клялась Кейт, броня ее упрочится. Когда настанет час, она тихо исчезнет, не понеся ущерба, чтобы продолжить жизнь где-нибудь еще. На сей раз в ее распоряжении солидное содержание, и голодать не придется.

Во всяком случае, по части пищи.

Кейт сосредоточилась на пробегающем за окном пейзаже и вдруг почувствовала, до чего замерзли руки. Порывшись в небольшой дорожной сумке, вытащила перчатки. Затем уставилась на находку. Пара больших перчаток из хорошо выделанной кожи, разношенных и мягких, с меховой оторочкой. Перчатки джентльмена. Только вчера Джек заметил ее ледяные руки и дал ей эти перчатки. Она забыла вернуть их.

Маленькие озябшие ладошки скользнули в громадные меховые гнездышки, просторные, теплые и пахнувшие Джеком. Одну руку в перчатке Кейт приложила к щеке, другую — к сердцу. Потом забилась в угол экипажа и закрыла глаза. И наконец, убаюканная перчатками Джека, Кейт заснула.

— Как тихо, ве'но? — пробормотал Френсис.

Он пристально разглядывал друга. С побелевшим, застывшим лицом и с печалью в глазах Кейт уехала почти неделю назад. С того дня Джек проводил время в бешеной скачке по полям, доводя себя до изнеможения, сломя голову носясь верхом на лошади, словно за ним гнались невидимые демоны. А по вечерам молча и упорно вдрызг напивался.

Френсис во всем составлял компанию другу, понимая, что Джеку необходимо выплеснуть избыток сил, довести себя до смертельной усталости, вычеркнуть из памяти некое прелестное личико, заглушить муки совести. Во всяком случае, на какое-то время.

— Хочу кое-что высказать тебе, старина. Вряд ли тебе это понравится. Но, так или иначе, скажу.

Френсис осушил бокал.

Джек воззрился на друга с отвращением:

— Ты пьян.

Френсис кивнул.

— Наверно. Как и ты, — заметил он. — Все равно послушай.

— Ну, ради Бога, выкладывай, что там у тебя, а не ходи вокруг да около.

— Ладно. Думаю, ты сглупил. Не следовало тебе выдворять ее.

Джек залпом проглотил содержимое своего бокала и со стуком поставил его на стол рядом с собой.

— О, черт, и ты туда же. И так паршиво, что все домочадцы смотрят на меня, словно я швырнул девчонку в реку, повесив ей камень на шею. Пропади оно все пропадом! — воскликнул он. — Это было ради ее же блага! Тоже мне — трагедия... Будто я послал ее на казнь!

— Ну, скорее всего, именно так ты и сделал, старина, — произнес Френсис, помолчав.

Джек развернулся в кресле:

— О чем это ты, черт подери?

Френсис ответил не сразу. Он поднялся и плеснул еще немного бренди в бокалы. Потом поймал взгляд Джека.

— Это, чтобы напиться до смерти, — пояснил он. — Пожалуй, скажу тебе кое-что строго по секрету. Вопрос деликатный. Касательно Кейт.

Джек нахмурился:

— Если ты про то, что произошло с ней на полуострове, так я все знаю.

Френсис задумчиво закивал:

— Рассказала тебе в карете, верно? Так я и подумал, увидев ваши лица в тот день.

— Трудно было не заметить, когда все настолько очевидно, — кисло пробормотал

Джек.

— Маленькая бесстрашная душа. Такое очень больно перенести снова, — вздохнул Френсис. — Наверное, до смерти боялась, что ты тоже начнешь ее презирать.

— Презирать ее? *Презирать ее?* — в голосе Джека послышался гнев. Как вообще кто-то смеет презирать Кейт? — Что, черт возьми, ты несешь?

— Не говорил я ничего такого, — безмятежно отмахнулся Френсис, — не говорил, что кому-то следует ее презирать. Наобр'т. Толкую, что *она* в этом убеждена. Черт, все выглядело так, словно ты не чаял от нее избавиться. Меньше чем через двадцать четыре часа после того, как узнал, что ее... замарал... тот французишка, выгнал ее из своего дома. Девочка наверняка уверена, что ты ее презираешь. А что еще ей думать?

Джек побледнел.

— Кейт не может же... не может...

— Судя по всему, именно так она и решила, — тихо заключил Френсис, — что тут непонятного? Говоря напрямик, ее выгнали вон.

— Но я...

— Ну да, я знаю, почему ты так поступил, но знает ли она?

Джек застонал и в отчаянии запустил в волосы пятерню.

— Видишь ли, Кейт ведь наперед ждет, что ее будут презирать. Так уже случалось и не раз. Ее помолвка была расторгнута по этой самой причине. Не говоря уже о том, что это само по себе несладко, парень с ней не церемонился. Они ведь знакомы всю жизнь, любовь с детства и все такое. Что не помешало ему брезговать ею после скандала. Женишок прилюдно отменил свадьбу. И большинство народу думает, что он поступил правильно.

Джек снова застонал:

— Я не понимал... не предполагал...

— Та история выплыла наружу, все злобные сплетницы вцепились в малышку и с упоением терзали.

— Бог мой.

— Слышал бы ты, что некоторые из них шипели Кейт, волосы встали бы дыбом. Ха! Слабый пол! Ведьмы живьем рвали бедолажку этими своими леденящими манерами, причем всегда со сладчайшими улыбками на лицах. Заклеймили ее предательницей, потому что помогала раненым французским солдатам. Заявили, что она охотно проводила с ними время. Называли ее за спиной шлюхой... а кое-кто и в глаза все это говорил. И все так вежливо, так безмятежно... Признаюсь, Джек, это чуть не отвратило меня от женщин до конца жизни. Слабый пол.

Френсиса передернуло.

Прекрасное лицемерное лицо Джулии Давенпорт всплыло в памяти Джека.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — угрюмо пробормотал он.

Мужчины глотнули бренди. В камине плясал огонь.

— Так вот, то же самое может произойти и в Лондоне. Некоторые сплетницы, бывшие в прошлом году в Лиссабоне, обосновались сейчас в столице. Если и повезет ни с одной не встретиться, ты же знаешь, женщины обожают писать письма. Наверняка чья-то корреспондентка вспомнит ту историю и изложит в подробностях. Рано или поздно все выйдет наружу, я бы сказал — это только вопрос времени.

Джек был слишком потрясен, чтобы говорить. Он ощутил, как его желудок словно выворачивает наизнанку. О Боже, неудивительно, что Кейт выглядела так, будто собирается

на эшафот: пока она в Лондоне, над ее головой будет висеть топор, в любой момент готовый обрушиться на бедняжку.

Джек застонал и сжал ладонь. Бокал хрустнул. Френсис вскочил, встревоженно восклицая при виде крови, капающей с пальцев Джека. Тот нетерпеливо отмахнулся от друга.

— Едем в Лондон, — решил Джек. — Нельзя, чтобы она продолжала думать, что... О, заткнись, Френсис, это всего лишь проклятая царапина. К утру я должен быть в Лондоне. Ты едешь со мной или нет?

— О, безусловно, еду, старина, безусловно.

— Похоже, ваша юная подопечная неплохо справляется, Моды.

— Благодарю, Гасси. Даже собственной дочерью я не была бы более довольна.

Леди Кейхилл с приятельницами наслаждались так называемым «чаепитием с пирожными». На сервировочном столике громоздилась изысканная выпечка и разнообразные пряные закуски. Из носика чайника поднимался пар, дамы деликатно отпивали горячий напиток из изящных, не толще яичной скорлупы, чашечек. Графин хереса уже наполовину опустел.

— Очаровательная девушка, просто очаровательная, — дама в огромном тюрбане, украшенном перьями, потянулась за четвертым по счету пирожком с крабами и спаржей.

Леди Кейхилл просияла. Кейт в своей новой жизни чувствовала себя как рыба в воде и ни разу не совершила ни единого неверного шага. Поначалу леди Кейхилл опасалась, как бы Кейт не проявила себя истинной дочерью ученого — стяжать репутацию «синего чулка» стало бы непоправимой оплошностью.

Однако, к приятному удивлению леди Кейхилл, Кейт выказывала почти столь же восхитительное невежество, какое хотел бы видеть у своей подопечной каждый заботливый опекун. Казалось, ей больше нравилось посещать ярмарку, Пантеон или цирк Уэстли, чем проводить время в Британском музее или осматривать мраморные статуи лорда Элджина, которые стали настоящей археологической сенсацией. Она ведать не ведала о знаменитых мыслителях, писателях или философах. Ее речь не пестрела изречениями, почерпнутыми из тяжелых томов, и ей не угрожала опасность отпугнуть джентльменов долгими рассуждениями о поэзии. Создавалось впечатление, что единственными предметами, о которых Кейт была хорошо осведомлена, это лошади и Пиренейская война. А поскольку в обществе вращалось множество военных, одержимых лошадьми, то такие знания не расценивались как недостаток.

Леди Кейхилл наслаждалась похвалами в адрес Кейт.

— Разумная, любезная, хорошо воспитанная девушка, Моды. Бедняжка Мария была бы рада увидеть, какой прелестной выросла ее дочь.

Все закивали.

Успеха Кейт следовало ожидать, самодовольно отметила про себя леди Кейхилл. Кейт общительная девушка и умеет внимательно слушать. Более того, она управляла домом отца почти всю жизнь и на опыте научилась приспосабливаться к необычным условиям, что придавало ей неподдельный дух уверенности, многими принимаемый за признак хорошего происхождения.

К тому же, проведя большую часть своих лет в обществе мужчин, она не была ни застенчивой, ни кокетливой, ни жеманной по отношению к знакомым лондонским джентльменам. Казалось, Кейт с одинаковым удовольствием внимала и нескончаемым воспоминаниям о прежних битвах старичка-генерала, и сбивчивым признаниям юнца, проводящего первый сезон в обществе, и отточенным комплиментам повесы.

Внучка леди Кейхилл, Амелия, ввела Кейт в свой круг, состоявший в основном из молодых замужних модниц. Те отметили элегантный наряд мисс Фарли, озорное чувство юмора, остроумие и полное отсутствие интереса к своим мужьям и признали Кейт милой и очаровательной девушкой.

— Очень уж много внимания со стороны военных, — язвительно вставила пожилая дама, протягивая чашку за добавкой чая.

— И вы знаете почему, Джинни Холтон, так что не ворчите! — отрезала леди Кортни. — Вам прекрасно известно, что милая девочка сделала для моего Гилберта.

Остальные кивнули. Внук леди Кортни, Гилберт, испытывая мучительную неловкость из-за потерянной руки и устрашающей черной повязки, закрывавшей глаз, не высовывал носа из дома до тех пор, пока мисс Фарли, поддразнивая, не убедила его показаться с ней в свете.

— Она сказала Гилберту, что он похож на зловещего пирата и его грозный вид защитит ее от чересчур навязчивых джентльменов, — леди Кортни утерла глаза. — А затем Кейт добавила, что он не должен винить ее, если их окружит толпа юных леди, поскольку он выглядит до отвращения романтично. И хотя ей-то доподлинно известно, что он просто невыносимый зануда, другие девушки не так проницательны, как она... И он засмеялся — мой мальчик по-настоящему засмеялся, — и согласился ее сопровождать. С тех пор Гилберт не думает о прошлом.

— Стыдитесь, Джинни, — вторили остальные пожилые леди, — если военные любезны с Кейт, тут нечему удивляться. Вы так жестоки лишь потому, что у вашей Хлои нет ни намека на предложение! Жаль, конечно, но это не повод придирается к другим.

И то правда. Искренняя забота Кейт о внуке леди Гилберт не уронила ее в глазах более удачливых ратников. Вскоре в обществе отметили, что маленькой мисс Фарли оказывают внимание влиятельные джентльмены во главе с мистером Ленноксом, сэром Тоби Фенвиком и другими военными, которые, казалось, с одинаковым удовольствием были готовы принести ей рюмочку ликера, сопровождать ее в оперу, прокатиться с ней в экипаже в Гайд-парке или на корню пресечь притязания любого не в меру ретивого поклонника.

А таковых находилось множество, поскольку просочились слухи о ее наследстве. За Кейт ухаживали не только состоятельные и солидные мужчины, но и некоторые известные охотники за приданым.

Как только разговор перешел на более отвлеченные темы, леди Кейхилл откинулась в кресле. Она была почти довольна. Однако для решения задачи не хватало одного слагаемого. Оставалось только надеяться, что вскоре недостающий решится действовать и приедет в Лондон прежде, чем Кейт завладеет какой-нибудь лодырь и щеголь, нимало ее не заслуживающий.

— Что вы думаете, мисс? — горничная поднесла элегантную бутоньерку из искусственных цветов к волосам Кейт и вопросительно взглянула на отражение своей госпожи.

Кейт посмотрела в зеркало. Она с трудом узнала себя. Волосы пострижены по последней моде, пышные локоны вьются вокруг лица, разительно меняя внешность. Кейт никогда не думала, что такое возможно. Впервые в жизни она чувствовала себя элегантной и почти привлекательной, хотя такая мысль и казалась дочери преподобного Фарли греховной. Впечатление от ее изменившегося лица и прически усиливало нежно-зеленое платье, подчеркивающее цвет глаз. Оно немного осветляло немодный золотистый загар, появившийся от чрезмерного пребывания на свежем воздухе.

Леди Кейхилл и Амелия посадили Кейт на строгую диету из мятой клубники, чтобы освежить и очистить кожу, заставили принимать смягчающие масляно-молочные ванны и на

несколько часов, пока Амелия читала Кейт, прикладывали к лицу кусочки сырой телятины. Плюс ко всему дважды в день ей делали примочки из ананасовой воды — для чистоты и красоты кожи и чтобы убрать морщинки; яичные и лимонные маски — чтобы осветлить ужасный загар; овсяные маски — чтобы придать щекам яркость.

Кейт смеялась и жаловалась, что ее заставляют чувствовать себя главным составляющим какого-то странного рагу, однако потом признала, что благодаря всем этим усилиям цвет ее лица улучшился. Но все же это была пустая трата хороших продуктов.

А затем настал черед покупок — самая страшная вакханалия из всех, как думала Кейт, но, по мнению ее наставниц, «дело крайней необходимости». Кейт старалась оставаться разумной и практичной, но девушке, у которой прежде имелось так мало возможностей потакать женскому легкомыслию во всем, что касалось нарядов, оказалось трудно противиться восторгу, охватывавшему при виде изысканных туалетов, которые леди Кейхилл и Амелия уговорили ее приобрести.

К концу первого дня у Кейт голова шла кругом. Все началось с посещения магазина тканей. Нежные и приятные материи собирали в складки, сравнивали, прикладывали друг к другу, оборачивали вокруг Кейт, обсуждали, отвергали и выбирали — в большинстве случаев без участия той, кому все это предназначалось, потому что ей, по общему мнению, было слишком легко угодить. Затем все отправились к мадам Фаншо, модистке Амелии. Мадам, заранее оповещенная о финансовой состоятельности мадемуазель, пришла в очень уж бурно выражаемый восторг относительно лица мадемуазель, ее фигуры, настроения и *je ne s'est*

quoi ^[51], и уже с неподдельным восторгом выслушала ответ Кейт на беглом французском. Следующие несколько часов они внимательно изучали *La Belle Assemblée* и *Ackerman's Repository* ^[52] с многими десятками иллюстраций самых элегантных нарядов.

В конце концов Кейт безвольно позволила мадам Фаншо, Амелии и леди Кейхилл принимать все решения и оставила им на откуп все сомнения и бесконечные обсуждения, которые сопутствовали выбору каждой детали. Саму же Кейт нимало не заботило, будет ли желтый муслин скроен так, что подчеркнет прелестную линию плеч и шеи мадемуазель, или таким образом, что подчеркнет грудь, или вот этак, чтобы она казалась повыше. Единственный ее вклад в беседу заключался в высказанном сомнении, не слишком ли короткая у нее шея. Все три дамы попросту отмахнулись от ее слов, как слишком нелепых, чтобы обращать на них внимание.

И теперь Кейт смотрела на свое отражение в зеркале. Грудь ее была открыта больше, чем когда-либо в жизни. Кейт осознала, что горничная все еще держит искусственные цветы, ожидая ее ответа, и смущенно улыбнулась:

— Думаю, нет, Дора. Сказать по правде, я боюсь, что они упадут у меня с головы.

Горничная возмутилась, уверяя, что такое никак невозможно.

— Дело в том, что после новой стрижки я как-то странно себя чувствую, голова кажется непривычно легкой, поэтому я просто не замечу, если чего-то не будет хватать. Уверена, вы надежно закрепите цветы, но вы же понимаете мои чувства, не так ли? — перебила служанку Кейт.

Дора сдалась и ответила, что, конечно, понимает и что мисс выглядит элегантно и прелестно, и что сегодня снова будет успешный вечер.

Кейт наморщила носик. Да, разумеется, «успех» — вот что единственно важно. Разве можно забыть? Она старалась не позволять себе вспоминать о других вещах или задаваться вопросом, а что происходит в «Севеноуксе». Во всем этом лихорадочном светском общении

имелось одно несомненное преимущество: не оставалось времени на размышления. Например, сегодня она собиралась на бал, и было бы удивительно, если бы у нее нашлась даже минутка хоть раз подумать о майоре Карстерзе.

Джек откинулся на изящную колонну, скрестив руки на груди. На лице застыло мрачное выражение: он сердито смотрел в зал. То была идея Френсиса — явиться на бал в первый же вечер по прибытии в Лондон, и Джек пожалел о своей сговорчивости в ту же секунду, как вошел и увидел Кейт, чудесно преобразившуюся из жалкого заморыша, каким она предстала при их первой встрече. Он не мог отвести глаз от Кейт, а она танцевала, откинув голову, озорно смеялась, глядя в глаза мужчине, с которым Джек ходил в одну школу и который был титулованным, состоятельным и подходящей партией для Кейт.

— Черт возьми! — воскликнул майор, обращаясь к Френсису. — Какого дьявола она танцует с этим Фенчерчем? Да еще в таком платье!

Джек едва сумел оторвать взгляд от сливочно-белых округлостей, приоткрытых низким вырезом, и заметил, что партнер Кейт испытывает те же трудности. Как и множество так называемых джентльменов.

Френсис перевел взгляд с мрачного лица друга на смеющуюся Кейт и снова на друга. Увидел, как Джек сжал губы, и невинно произнес:

— Хороший парень этот Фенчерч. Кейт правильно поступит, если примет его ухаживания. Правда, это наилучший вариант.

— Полный невежа! — проворчал Джек.

— Боже правый, неужели? — спокойно изумился Френсис. — Ну надо же. Признаюсь, я этого не знал. Всегда думал, что вы с ним друзья, старина. Невежа? Ну-ну. Должен сказать, я удивлен. Все же он прилично выглядит, и титул у него имеется. Осмелюсь заметить, что, очевидно, благодаря этому он пользуется успехом у дам.

Джек заворчал. Он не находил ничего привлекательного ни в правильных чертах лица виконта, ни в густых выющихся светлых волосах, ни в высокой мускулистой фигуре. Виконт жить не может без спорта, только и всего. Проклятье, какого черта он ей говорит, что она так покраснела? Джек понял, что сжал кулаки, и сунул руки в карманы, чтобы скрыть это.

— Встань прямо, мальчик, и перестань опираться на стену, как последний лентяй. Сколько раз я тебе говорила вынимать руки из карманов? Ума не приложу, какие могут быть карманы в такой тесной одежде.

— Добрый вечер, бабушка, — вздохнул Джек, поворачиваясь к ней.

Поклонился, и пожилая леди окинула его оценивающим взглядом. Наблюдалось заметное улучшение с тех пор, как она встречалась с внуком в последний раз.

— Ты видел мою подопечную? — улыбаясь, спросила она.

Джек что-то проворчал.

— Очаровательна, не правда ли? Я горжусь девочкой. Жаль, что мать ее не видит. — Леди Кейхилл поднесла к глазам лорнет и близоруко нацелилась на танцующих. — С кем это она танцует, а, Джек?

— С Фенчерчем.

Леди Кейхилл усмехнулась. Он даже не повернулся, чтобы взглянуть. Более того, довольно подумала она, Джека настолько занимало, что делает Кейт, что он совершенно забыл об изъянах в собственной внешности: об изуродованной щеке и хромоте.

— Фенчерч? Ах, да, милый, высокий, привлекательный молодой человек, не так ли? Но

это не имеет значения. Все ее кавалеры такие. Девочка пользуется огромным успехом — через десять минут после того, как она приехала, в бальной карточке пустой строчки не осталось. Сомневаюсь, что будет возможность пройтись с тобой даже в контрдансе, Джек. Хотя ты можешь попытаться ее пригласить.

Джек фыркнул.

Леди Кейхилл подавила смешок и продолжила:

— О, только взгляни: танец закончился, и как они все торопятся придвинуть ей стул и принести прохладительные напитки. На минуту нельзя девочку оставить, чтобы ее тут же не окружили воздыхатели. Дочку Марии хорошо принимают. Но, впрочем, Джек, тебе неинтересно слушать болтовню старухи. Расскажи-ка, что привело моего любимого внука в Лондон?

Любимый внук пробормотал что-то неразборчивое и, нахмурившись, захромал прочь. Несомненно, Кейт пользовалась успехом в обществе. И это необъяснимо приводило его в бешенство. Он так торопился в Лондон, крайне обеспокоенный, готовый спасти несчастную бродяжку от всеобщего остракизма и унижения. Но нашел ее в прекрасном расположении духа, окруженную поклонниками, которые наперебой ходили гоголем перед ней! Ее бальная карточка заполнена настолько, что у него нет надежды даже на контрданс! Он снова фыркнул. Джек не собирался вступать в ряды ухажеров Кейт, умоляющих о минутке внимания! Он удалился за другую колонну и мрачно смотрел на нее оттуда.

Кейт видела, как он приехал. На мгновение ее сердце, казалось, перестало биться. Джек выглядел осунувшимся и усталым, широкие плечи простого черного сюртука искрились в свете сотен свечей. Он прибыл в дождь. Волосы Джека намокли и спадали на глаза темными непослушными завитками. Ей так хотелось пробежать сквозь толпу и броситься в его объятия. Ей так хотелось, чтобы он широким шагом пересек зал и обнял ее. Ей так хотелось его поцеловать.

Машинально она продолжила танцевать котильон, находя в движении так необходимое ей присутствие духа. Сердце ее сгорало от возбуждения. Зачем он пришел? Когда он заметит ее? Понравится ли ему, как она теперь выглядит? Пригласит ли на танец? О, как же она соскучилась по нему!

Кейт заставила себя не смотреть на Джека, не доверяя себе. Она выслушивала остроты виконта Фенчерча, бессознательно смеясь и улыбаясь, не имея ни малейшего понятия, о чем он говорит. Котильон скоро закончится, и Джек подойдет к ней. Не в силах сдерживаться, она воспользовалась фигурой танца, чтобы бросить на него еще один быстрый смущенный взгляд.

И застыла, встретившись с ним глазами. Его взор обжигал... а она похолодела. На лице майора не читалось ничего, кроме осуждения. Он смотрел прямо на нее, словно на презренную тварь. Кейт сбилась с шага, и ее улыбка погасла. Когда она оступилась, партнер учтиво подхватил ее, глядя на нее с беспокойством. Кейт пришла в себя и продолжила двигаться.

Какой же длинный танец! Каким-то образом ей удалось довести его до конца, слабо улыбаясь виконту. Она думала, что смогла превозмочь боль, причиненную осуждением Джека, но неожиданно увидеть его вызвало в ней такую радость, что столь явное отвращение пронзило ее ледяную броню, как горячий нож пронзает холодное масло, и вонзилось прямо в сердце. Снова.

Котильон закончился, но, прежде чем Кейт успела извиниться и найти укрытие, чтобы справиться с охватившим ее отчаянием, оркестр вновь заиграл, и она опять оказалась в кругу танцующих. Только гордость позволила ей выстоять, и если ее партнеру и показалось, что она немного невнимательна и рассеянна, то сияющая улыбка, подаренная Кейт, его явно не расстроила.

К концу второго танца Кейт ощутила, как в ней поднимается гнев. Джек по-прежнему подпирал стену, сердито глядя на нее с выражением ярости и неодобрения на лице.

Да как он посмел последовать за ней сюда, а теперь стоять там и насмехаться? Это его вина, что она здесь. Она не хотела приезжать в Лондон. И если ей и пришлось войти в светское общество под ложной личиной, как он, несомненно, думает, то к этому ее принудила его бабушка. А ведь он отправил ее к леди Кейхилл, следовательно, он и виноват больше всех. Как он смеет так на нее смотреть?

Гнев побудил Кейт грациозно проплыть в следующем танце и остроумно парировать комплименты своих воздыхателей. Целый час она танцевала, флиртowała, с улыбкой отклонила брачное предложение и добавила еще дюжину джентльменов к числу своих поклонников. Все это она проделала, пребывая в бешенстве под обжигающими взглядами, которые на нее издали метал мистер Джек Карстерз.

Джек заставил себя оставаться на балу час или около того, ища самых привлекательных дам. Пусть не думает, что он обделен женским вниманием! Только посмотрите на нее — отвечает на ухаживания самого большого сборища распутников и разгильдяев, какое он когда-либо встречал. И они еще причисляли себя к его друзьям!

В конце концов, не в силах больше стоять и смотреть, Джек ушел, внезапно сорвавшись с места и неучтиво проталкиваясь сквозь блистательную толпу.

Кейт видела, как он уходит в ночь. Джек даже не взглянул на нее за последние полчаса. Неожиданно она осознала, что у нее жутко болит голова. Кейт нашла леди Кейхилл и попросила, чтобы ее отвезли домой.

— Мистер Карстерз снова справлялся о мисс Фарли сегодня утром, миледи, — объявил дворецкий с ноткой неодобрения в голосе.

— И я догадываюсь по вашему тону, Фитчер, что мисс Фарли снова была «отлучке», — нахмурилась пожилая дама.

Фитчер ответил полным достоинства полупоклоном.

— Глупое дитя! Полагаю, мне придется поговорить с ней об этом. Попросите мисс Фарли спуститься вниз на минутку.

— Итак, юная леди, хотелось бы мне знать, почему мой внук вот уже неделю наведывается в этот дом, но, очевидно, никого не застает. И речь не обо мне.

Кейт покраснела.

— Я была так занята... — она умолкла под сардоническим взглядом леди Кейхилл. — Ну что ж, если хотите знать, я не желаю с ним разговаривать.

Ответом ей была приподнятая красивая тонкая бровь.

— Ну, почему я должна терпеть его тиранию? — голос Кейт звенел от возмущения.

— Тиранию?

— Да, мэм. Как будто мало того, что он так убийственно на меня смотрит и скрипит зубами, где бы я ни появилась: и в Олмаксе, и на концертах, и на частных балах. Так он еще

выставляет меня — и себя — на посмешище. Как бы я хотела, чтобы он вернулся в Лестершир и оставил меня в покое. Ему нечего мне сказать, кроме того, что я уже слышала... а если и есть, то я не желаю слушать, потому что знаю, что он скажет.

— Вы уверены?

— Да, мэм. Он презирует меня.

— Насколько я понимаю, вы едва ли говорили с моим внуком с тех пор, как покинули Лестершир.

Кейт снова покраснела.

— В этом не было необходимости, — тихо призналась она, — ваш внук ясно дал понять, что думает обо мне. И его поведение с тех пор только подчеркивает это.

Действия Джека приводили Кейт в ужас — он явно считал, что она какая-то беспринципная кокетка, и приехал, чтобы она не скомпрометировала его бабушку. Именно поэтому он с такой злобой смотрел на нее всякий раз, когда она улыбалась или обращалась к любому мужчине, неважно, кому именно. Ясно, что он ни на йоту не доверял ей.

Старая леди какое-то время смотрела на то, как ее юная подопечная нервно тербит бахрому шали.

— И вы не допускаете, что, возможно, ошибаетесь? Молодые люди, и девушки тоже, часто ненамеренно говорят глупости, особенно когда влюблены.

— Влюблены! Нет. Здесь, мэм, вы глубоко заблуждаетесь!

Бахрому порвалась под беспокойными пальцами. Не осознавая этого, Кейт заметалась по комнате.

Леди Кейхилл поднялась с дивана:

— Мое дорогое неразумное дитя, когда вам будет столько же лет, сколько мне сейчас, вы поймете, что молодые люди, особенно такие, как мой внук, не валяют дурака, преследуя девушку повсюду, только чтобы сердито смотреть на нее издали, если серьезно не затронуты их чувства. И только одно чувство способно вызвать такое поведение.

Она подняла руку, предупреждая возражения Кейт.

— Нет, довольно. Тема становится утомительной. Прошу вас подумать о моих словах, но сейчас мы больше не будем об этом говорить. Я собираюсь вздремнуть пару часов, прежде чем готовиться к сегодняшнему балу.

В дверях она задержалась и обернулась:

— Надеюсь, вы знаете, что мой внук будет присутствовать на вечере — Веллингтон почетный гость. Это последнее появление фельдмаршала в свете перед возвращением на Пиренеи.

— Господи, как *этой* женщине удалось пробраться к порядочным людям? Неужели хозяевам неизвестно, что она предательница и шлюха?

В тесном бальном зале резкое замечание слышали по меньшей мере два десятка человек. Головы повернулись как одна.

— Кого я имею в виду? Конечно, эту девчонку Фарли. Взгляните на нее, танцует, словно так и надо, бесстыжая девица. Да еще и на балу в честь нашего доблестного маркиза Веллингтона! Ну что за нахалка!

Голос постепенно затих, подхваченный охочей до сплетен толпой.

— Эта распутница предала наших храбрых солдат французам, жила как любовница с одним из них! Мне это известно, потому что мой муж находился среди тех, кто ее схватил. Ее отец, наверное, в гробу перевернулся — он, видите ли, был священником. Заметьте, меня всегда удивляло, почему преподобный Фарли никогда даже не смотрел на дочь, должно быть, он догадывался...

Толпа подступила ближе.

Что-то происходило. Кейт ощущала это. Так много взглядов исподтишка и летящий глухой шепот.

— Мисс Фарли, наш танец, полагаю. — Молодой франт склонился над ее рукой и повел на следующий тур. — Вы не слышали, мисс Фарли? Это чудовищно и захватывающе. По-видимому, какая-то распутница выдала себя за леди, хотя всегда шпионила на старину Бони и развлекалась с его офицерами. *И она сегодня здесь!* — он задумчиво оглядел зал.

Кейт отвернулась, почувствовав тошноту. Позвольте только закончить танец, молилась она беззвучно, тогда удастся незаметно уйти.

Но этому не суждено было сбыться. Перемещаясь в котильоне, Кейт обратила внимание, что ее партер с воодушевлением передает новости остальным. В какой-то момент он запнулся, остановился и в ужасе уставился на Кейт. Потом двинулся дальше, что-то прошептал и продолжил танцевальные па.

Теперь он тщательно отводил глаза, едва дотрагиваясь до партнерши, в жестах засквозило пренебрежение. Музыка все не кончалась. Кейт чувствовала, как ее сковывает лед. Никто на нее не смотрел, никто ее не касался, никто с ней не разговаривал.

Кейт наполнила горечь. Она знала, что все так и будет. По этой причине ей никогда не хотелось вновь появляться в обществе. Будь на то ее воля, она ни за что бы не прошла через подобное унижение снова.

— Сэди, будьте любезны проводить меня к матери. Не думаю, что ей бы понравилось, чтобы меня как-то связывали с изменницей.

Нос высоко задрался, и юная леди прервала танец на полушаге.

Несколько секунд спустя последовательность котильона совсем нарушилась, поскольку каждая дама со стороны Кейт, пылая праведным гневом, покинула танцевальную площадку в сопровождении своего кавалера. Кейт взглянула на партнера с молчаливым призывом. Если бы только он сопровождал ее, она могла бы уйти с достоинством.

Его лицо презрительно скривилось.

— Мой брат был ранен в Саламанке! — прорычал он и пошел прочь.

Кейт, замерев, осталась стоять посреди бального зала. Она знала, что ей следует идти, чтобы скрыться от этих глаз, шепотков и кивков. От ненависти. Отвращения. Жадных сплетен. Но не могла пошевелиться.

Она чувствовала, как оставшиеся танцоры мнутя вокруг, как гудят слухи и домыслы. Музыка смолкла в середине такта, когда оставшиеся пары покинули танцевальную площадку. Создавалось впечатление, будто все сосредоточилось на Кейт. Она видела, что толпа собирается плотной стеной, ощущала сверлящие алчные взгляды скучающих аристократов, жаждущих сенсаций, которые оживили бы их безопасные изнеженные и пресные жизни.

Львы и христиане [\[53\]](#).

Эта мысль придала Кейт силы двигаться. Она повернулась, ища леди Кейхилл, но той нигде не было. Кейт медленно пошла вперед в окружении зевак, пытаясь не обращать внимания на вал направленных на нее шупающих, злобных, презрительных взоров.

Ей нечего стыдиться. Она не даст им насладиться своим унижением. Кейт гордо выпрямила спину. Стоящие вокруг неохотно уступали дорогу. Дамы, которые лишь недавно уверяли ее в дружбе, отворачивались с заледеневшими лицами. Никто не желал встречаться с ней взглядом. Ее сверлили сотни глаз.

— Немногим лучше маркитантки.

— Какая дерзость — вести себя, словно она леди!

И еще один голос, недвусмысленно:

— Шлюха-изменница!

Кейт охватила дрожь. Она ничего не могла с этим поделать — не могла не замечать, презреть эти несправедливые оскорбления, которые кидали ей люди, отказывающиеся даже смотреть на нее. Девушка заставила себя идти, отчаянно надеясь, что ее дрожь незаметна наблюдателям.

Почему зал такой длинный? Еще четыре шага. Три... два...

Сильная рука в черном выскользнула из толпы и втокнула ее обратно в центр круга.

— Что?...

— Думаю, вы забыли про меня, мисс Фарли, — произнес Джек.

Его голос прорвался сквозь настороженную тишину. Кейт моргнула.

— Мой танец, полагаю. Вы не помните?

Он улыбнулся, глядя в ее растерянное лицо и сопровождая обыденные слова безжалостной хваткой на локте.

— Но...

На виду у всех Кейт не посмела этого произнести: она не обещала ему танец. Джек не танцевал. По крайней мере, с момента своего ранения. Он только прислонялся к стенам и колоннам и молча глазел на нее. Так с чего бы ему вдруг ее разыскивать? Именно теперь, когда весь мир снова против нее и она не хотела ничего, кроме как сбежать. Кейт попыталась вырваться, но майор держал ее слишком крепко.

Не обращая внимания на взгляд, полный душераздирающей мольбы, Джек двинулся прямо сквозь толпу, таща девушку за собой, обмениваясь на ходу веселыми приветствиями, будто они и не находились в самом центре скандала, когда за каждым их шагом следили сотни глаз.

Его неровные шаги отдавались эхом, пока он вел Кейт на безлюдную площадку для танцев. Наконец он выпустил ее локоть, но вместо этого взял за руку. Поклонившись, Джек

коснулся запястья легким поцелуем. Кейт ошеломленно уставилась на него. Он улыбнулся ей, озорно и нежно.

— Будьте мужественной, любовь моя, — шепнул Карстерз, выпрямляясь, — давайте покажем им, что старого калеку и храбрую героиню войны нельзя задеть какими-то сплетнями.

Джек кивнул в сторону оркестра. Взгляд Кейт устремился следом. Там с решительным видом стоял сэр Тоби. Он улыбнулся и приветственно помахал, затем повернулся к музыкантам. Зазвучала мелодия.

Глаза Кейт затуманились, стоило ей посмотреть на склоненное к ней красивое лицо. Она была готова выдержать все: издевательства, насмешку, брезгливость, ругань. Но доброта майора сломила ее выдержку.

Джек настойчиво шагал в затейливом танце, раненая нога добавляла действию оттенок неуклюжей пародии. Кейт грациозно исполняла свою партию, по возможности приспособливаясь к его хромоте.

Взгляд Джека не отрывался от ее лица. Она высоко держала голову, но двигалась вслепую. Никто вокруг не видел ее слез, струящихся по щекам. Джек хотел бы обнять ее, мечтал, чтобы пуританское английское общество переступило через свои запреты и приняло скандальный венский танец, который недавно стал пользоваться небывалым успехом в Европе. Карстерз нежно улыбнулся любимой. Да, было бы прекрасно держать Кейт в объятиях в вальсе.

Бальный зал превратился в пустыню, гости — в молчаливые привидения. Слышались только звуки оркестра, стук ботинок Джека и едва уловимый шорох атласных туфелек Кейт, пока снова не началось перешептывание.

Танец закончился, но под присмотром Табби следующий начался тотчас же. Когда и второй подходил к концу, Джек снова склонился над рукой Кейт и пробормотал:

— Боюсь, два танца — мой предел. Третий — и люди решат, что вы легкомысленны.

Кейт оцепенело уставилась на него. Ее осудили как шлюху и предательницу, а он утверждает, что три танца с одним и тем же партнером прославят ее легкомысленной особой! В горле назревал истеричный смешок. Снова заиграла музыка.

— Мой танец, полагаю, мисс Фарли. С тобой все, Карстерз. Леди обещала его мне.

Их слышал весь зал, но, не дожидаясь ответа, Френсис увлек Кейт в контрдансе.

Больше на танцевальной площадке никого не было.

— Мисс Фарли, не окажете ли вы мне честь в следующем танце?

Молодой человек склонился над нервно подрагивающими пальцами Кейт.

Он был одет в безупречный вечерний костюм. Один пустой рукав заколот. Кейт молча взглянула на него.

— Должно быть, вы меня не помните, мисс Фарли, но мы встречались в Бадахосе. Арнольд Бентэм к вашим услугам. Кузен Френсиса.

Кейт посмотрела на его пустой рукав. Джентльмен улыбнулся:

— Нет, мисс Фарли, эту руку я потерял в Саламанке. Вы спасли вторую в Бадахосе, и сейчас я предлагаю ее вам.

С единственной оставшейся рукой Арнольд Бентэм проводил Кейт на следующий танец.

Две пары присоединились к ним — Френсис и Эндрю Леннокс со своими партнерами. Джека нигде не было видно.

— Мисс Фарли, позвольте мне представить вам моего сына в качестве подходящего партнера? Он... он слишком мало практиковался, но для вас это ведь не столь важно? — раздался хорошо поставленный голос.

Кейт обернулась и замерла как вкопанная. Ее предполагаемый партнер стоял очень тихо, прямо улыбаясь ей, его рука лежала на локте дамы средних лет.

Лицо Кейт исказилось. Это уже слишком. Неожиданная доброта. Поддержка. А теперь еще и это.

Перед ней находился Оливер Гринвуд. Оливер Гринвуд, которого она встретила молодым испуганным лейтенантом в Торреш Ведраш, но тогда его глаза и щеки заливала кровь. Кейт навещала его несколько раз, когда прибыла в Лондон, но он был последним, кого она ожидала встретить на балу. Оливер Гринвуд ослеп.

— Мисс Фарли, для меня будет огромной честью, если вы встанете рядом, — произнес Оливер Гринвуд, кланяясь в ее направлении.

Кейт взглянула на миссис Гринвуд. На лице его матери отражалась борьба эмоций. Она кивнула Кейт со слезами на глазах.

Кейт сделала реверанс.

— Это будет честь для меня, — прошептала она, подавляя рыдания, и заняла позицию.

Неожиданно их окружили все, кто присоединился к этой партии.

Френсис, Табби, Эндрю Леннокс и другие неизвестные Кейт люди, которые казались ей смутно знакомыми и которые явно приходились друзьями Оливеру Гринвуду. И их партнерши — девушки, также по большей части неизвестные Кейт, девушки, которые ободряюще ей улыбались и кивали.

Каким-то образом они вступили в танец. Оливера справа мягко вели его друзья офицеры. Они вели и Кейт тоже, потому что она ослепла от слез. И когда танец закончился, слезы были не только на ее щеках.

— Могу я сопроводить вас к вашему опекуну, мисс Фарли? — поинтересовался Оливер Гринвуд.

— Еще не время, молодой Гринвуд, — добродушно раздалось позади них, — я хочу поговорить с этой юной леди.

— Сэр! — внимание всех обратилось в сторону говорящего.

Кейт повернулась. К ней приближались Джек и мужчина в темно-синем непритязательном аккуратном фраке — невысокий, худощавый, его голубые глаза сияли, глядя на нее поверх одного из самых знаменитых носов в Европе.

— Милорд! — выдохнула она и присела в реверансе.

— Итак, это и есть малышка Кейт Фарли, которая вскружила головы моим офицерам? — произнес маркиз Веллингтон.

Он снова улыбнулся Кейт, поклонился и поцеловал ей запястье. Вдох разнесся по залу.

— Я знал вашего отца, моя дорогая. Он был весьма приятным человеком. Сожалею о его кончине. И ваших братьев. Храбрые ребята, храбрые. Они бы вами гордились.

Маркиз взял ее руку и положил себе на локоть.

— Не желаете ли пройти по залу?

Не дожидаясь ответа, он пошел вперед, понизив голос, чтобы его могла услышать только Кейт:

— Молодой Карстерз поведал мне о происходящем. Свора никчемных кудахчущих

подстрекателей. Но мы их приструним. Осадим, покажем им, какие они трусы, да?

Веллингтон медленно шел по направлению к толпе, которая подалась вперед, желая поговорить с великим человеком. По дороге он представлял Кейт, словно являлся другом ее семьи: одному — как смелую юную героиню, другому — как храбрую благородную леди.

Вскоре к ним присоединилась группа женщин постарше, одна из которых взяла Кейт под руку, явственно оказывая ей поддержку. Кейт взглянула на нее — дама была ей незнакома.

Та склонилась к Кейт:

— Леди Шарлотта, моя дорогая. Мне ужасно жаль, что все так получилось. Если бы я знала... Но мы все играли в карты и только услышали, что произошло.

Она указала на своих компаньенок. Кейт узнала леди Кортни и несколько других подружек леди Кейхилл, но эту блистательную матрону видела первый раз.

Заметив, что Кейт все пытается разгадать загадку, леди добавила:

— Я мать Арнольда Бентэма, вы также знакомы с моим племянником, Френсисом. — Кейт понимающе кивнула, и дама продолжила: — Вы спасли моему Арнольду жизнь, мисс Фарли. И тем самым обеспечили себе вечную дружбу и поддержку с моей стороны и со стороны этих леди тоже.

Кейт медленно кружила по комнате. С одной стороны шел маркиз Веллингтон, с другой — группа самых влиятельных в обществе матрон. Ее изумил такой поворот колеса фортуны, она толком не могла понять, что происходит. Девушка кивала, делала реверансы и улыбалась, не замечая тех, кого встречала и кто пожимал ей руку.

Джек находился рядом, в паре шагов от нее, ее защитник. Она ощущала его присутствие, его силу. Ей хотелось коснуться его, но она не смела. Кейт повернулась, чтобы посмотреть на него через плечо. Их взгляды встретились, притянулись друг к другу, лаская, но она неумолимо пошла дальше, и их разделила толпа, наседающая, жаждая встретиться с великим человеком и его протеже.

Кейт с трудом в это верилось. Ее выхватили из худшего ночного кошмара и вовлекли в самую триумфальную процессию под руку с величайшим из живущих героев Англии. Но именно Джек спас ее. Он рисковал подвергнуться остракизму, встал рядом с ней на публике, объявил о своей поддержке перед всем миром. Джек, который был затворником, прячущим ото всех свои раны — именно он танцевал с ней, когда никто даже не смотрел ей в глаза.

И именно под руку с Джеком она хотела идти, в его объятиях желала находиться.

Кейт обернулась. И не увидела его. Тревожно оглядела зал. Где же он? Его нигде не было. Он помог ей в трудную минуту. Конечно же, он не бросит ее в час торжества! Не мог же он не знать, что триумф для нее ничто, если его нет рядом?

Через десяток голов Кейт перехватила взгляд Френсиса и задала ему безмолвный вопрос. Он нахмурился, потом пожал плечами и покачал головой. Лицо Кейт вытянулось. Джек ушел. Почему?

С тяжелым сердцем Кейт вернулась к пустым приветствиям доброжелателей и подхалимов.

— Что значит, уехала? Куда уехала? Ее никто не видел с того проклятого бала, и вот что я вам доложу, бабушка, — нет ничего более неблагоприятного. Ей нужно выезжать, встречаться с людьми, общаться, показать им, что ей нечего скрывать. Мы исправили

худшее, но если она прячется...

— Я сказала, она уехала, Джек. Совсем. Уехала.

— Куда? Что вы имеете в виду? — Неожиданно Джек побледнел и поспешно сел. —

Она оставила Лондон?

Леди Кейхилл взглянула на него с состраданием. Ее сердце сдавила тяжесть. Он вел себя как дурак.

— Куда она отправилась?

— Обратно в деревню, где я ее нашла.

— Боже мой, как вы ей позволили. Что она там забыла? Что заставило ее так поступить?

Джек поднялся и начал расхаживать туда-сюда, сгибая и разгибая пальцы. Неожиданно голос его стал резок:

— Кто ее сопровождает? Как она путешествует? И кто ее там встретит?

Его бабушка пожала плечами.

— Вы отпустили ее одну! — прорычал Джек.

— Об этом речь вообще не шла, и прекрати разговаривать со мной таким тоном. Я точно так же беспокоюсь о проклятой девчонке, как и ты! — сердито ответила леди Кейхилл. — Глупое дитя сбежало на рассвете.

— На чем она уехала?

— Не знаю, Джек, почтовыми или дилижансом, полагаю.

— Господи! Почтовые или дилижанс! Толкаться бог весть с кем. Разве ее не предупреждали об опасностях? Разбойниках, грабителях? Разве она не знает, как часто происходят несчастные случаи? Молю Господа, чтобы она поехала почтовыми. По крайней мере, у них есть охрана.

Бранясь, Джек выбежал из комнаты.

Леди Кейхилл осталась сидеть с удовлетворенной улыбкой на лице.

— Какого черта вы вытворяете?

Рев, способный докатиться эхом до самого неба, настолько напугал Кейт, что она выронила корзину. Но все же это был очень знакомый рев. Она оглянулась. На взмыленной, с вздымающимися боками и дрожащими ногами, лошади сидел Джек Карстерз и грозно буравил ее глазами.

Выглядел он ужасно. Весь покрытый грязью, небритый, со сбившимся на бок галстуком. Ее взор смягчился. Кейт посмотрела по сторонам. Узкая дорога, по которой она продолжала идти, не была пустынной. Несколько фермеров наострили уши. Кейт улыбнулась Джеку на радость наблюдателям.

— Добрый день, мистер Карстерз, — спокойно произнесла она ясным голосом. — Как видите, я направляюсь в деревню.

— Ах, направляетесь в деревню! И у вас даже мысли не возникло, что о вас могут беспокоиться?

Она молча подняла на него глаза. Зачем ему беспокоиться? И почему он так зол?

— Как, к дьяволу, вы сюда добрались?

— Наняла карету с эскортом.

— Карету с эскортом? Ах, карету с эскортом!

Казалось, это окончательно довело его до бешенства. Он тяжело дышал, во взгляде

плескалась синяя ярость.

— И что в этом такого?

— Только то, что в поисках вас я останавливался на каждой проклятой почтовой станции между этим местом и Лондоном.

— О нет, не может быть!

Кейт посмотрела на него, представляя, как это выглядело.

Затем хихикнула.

Насколько Джек потом понял, именно смешок заставил его так поступить. С рассерженным рычанием он наклонился, схватил Кейт за подмышки и втащил к себе на лошадь. Не обращая внимания на возмущенные крики, он прижал ее к груди и поехал прочь. Кейт сопротивлялась, но, так как конь убыстрял шаг, была вынуждена ухватиться за Джека, чтобы не упасть. Фермеры приблизились, некоторые держали прутья и дубины.

В то же мгновение Джек прижался губами к ее губам. Сопротивление Кейт утихло, как только ее захватило знакомое волшебство его поцелуя. Она наконец-то оказалась там, где больше всего на свете хотела быть. Одной рукой Кейт обняла Джека за шею, запутавшись пальцами в непокорных влажных волосах. Другой рукой нежно поглаживала его небритые щеки. Отбросив все преграды, она распахнула свое сердце и позволила себе просто любить его.

К тому моменту, как поцелуй закончился, они оставили ухмыляющихся крестьян далеко позади. Кейт вздохнула и потерлась лицом о колючий подбородок. Она льнула к Джеку, вбирая его вкус губами и наслаждаясь силой его объятий.

— Знаете ли, не было никакой необходимости убегать, — немного погодя произнес Джек. — Мы все держали в наших руках. Никаких сомнений — вы были бы приняты обществом. Нет нужды прятаться здесь.

— Убегать? — тихо переспросила Кейт. — Разве леди Кейхилл вам не сказала?

— Она мне сказала. Откуда, как вы думаете, я бы узнал, где искать?

Джек развернул девушку лицом к себе, глаза его горели, руки крепко ее сжимали. Он встряхнул Кейт:

— Что вы здесь нашли? Маленькую грязную деревню? Разваливающийся коттедж? Компанию неотесанной деревенщины? Вы же не можете на самом деле предпочесть это Лондону!

Кейт пристально посмотрела на него.

— Все, в чем я нуждаюсь в этом мире, находится здесь, — медленно произнесла она. — В Лондоне нет ничего из того, что мне необходимо, или того, что я хочу.

Она вернулась в кольцо его рук.

Джек побледнел, его хватка ослабла. Он невидяще уставился куда-то над ее головой.

— Ничего? — наконец спросил он.

— Ничего. Все, что мне нужно, находится здесь, — повторила Кейт.

Карстерз осел в седле.

— Так тому и быть.

Смирившись, он повернул лошадь обратно в деревню. Они ехали в молчании. Слышалось лишь пение птиц да мерный цокот подков. Кейт откинулась на грудь Джека, постукивая о его твердое теплое тело в такт лошадиной поступи. Ей было нечего сказать. Почему он не способен осознать ее чувства? Она сказала ему так много, как только смогла.

Зачем он поехал за ней? Его послала за ней бабушка? Было ли это обязательством? Он

спас ее репутацию, но потом дал понять, что не нуждается в ней. Хорошо, он желал ее, но она хотела большего.

Они все ближе и ближе подъезжали к деревне. И вот, наконец, стал виден крест небольшой церквушки. Джек остановил лошадь.

— Черт побери, если я это сделаю, и, черт побери, — если нет, но, будь оно все проклято, я это сделаю, и пошли к черту все обстоятельства! — неожиданно рывкнул Джек.

Он развернул коня и пустил его галопом в обратном направлении. Кейт вцепилась в Джека ради собственной жизни.

— Куда мы едем? Это не дорога в деревню, — пронзительно завизжала она.

Но в ответ майор только крепче прижал ее к себе и пришпорил скакуна.

— Коттедж в другой стороне, — крикнула Кейт, подскакивая в седле.

Лошадь продолжала нестись галопом. Джек молчал. Кейт расстроено уткнулась в его грудь.

— Джек! Куда мы едем?

Майор крепко стиснул ее:

— Я вас похищаю.

Кейт была ошеломлена. Похищает ее?

— Все так делают, почему не я? — прокричал Джек ей в ухо.

— Ох, Джек, нет. Только не вы, пожалуйста, не вы, — с дрожью в голосе произнесла Кейт и заплакала.

Испуганный, Карстерз остановил коня. Неловко соскользнул с него и опустил Кейт на землю. Ее ноги подогнулись, и она упала на траву. Он последовал за ней, схватив в объятия.

— Нет, Кейт, не надо, умоляю, не надо, — потерянно повторял он. — Пожалуйста, не плачьте.

Джек достал большой носовой платок и начал неуклюже промокать ей щеки.

— Не плачьте, дорогая. Я не вынесу ваших слез.

Кейт зарыдала еще сильнее.

Джек обнимал ее, нежно покачивая, пока всхлипы не стали стихать, и продолжал удерживать на коленях, прижав лицом к своей груди и нежно поглаживая растрепанные волосы. В конце концов, справившись с собой, Кейт отстранилась.

— Почему? — прошептала она.

Джек глубоко вздохнул и в отчаянии покачал головой.

— Я... я просто подумал, если вы и в самом деле приняли решение жить в сельской глуши...

— Продолжайте, — потребовала Кейт.

Карстерз явно испытывал неловкость.

— Ну... я подумал... вы могли бы...

— Могла бы что? — снова потребовала Кейт.

Он неожиданно взорвался:

— Вам следует знать. Я посчитал, что, если вы решили похоронить себя в неизвестности, по крайней мере, могли бы сделать это со мной! А теперь вы получили то, что хотели. Разве я не жалкий мерзавец? Самонадеянный дурак, который посмел думать, что вы согласитесь...

— Соглашусь с чем?

Сердце учащенно забилося. Они подошли к сути вопроса.

На что бы она с радостью согласилась, по его мнению? Быть снова похищенной? Стать

его любовницей? Его шлюхой? Согласилась с тем, что ее сердце будет навеки разбито?

Наступило долго молчание. Наконец Джек сунул руку во внутренний карман своего сюртука и вытащил заполненный документ. Мгновение он смотрел на него, его губы печально скривились, и он бросил бумагу на траву между ними.

— Взгляните сами. Вот свидетельство того, какой я на самом деле самонадеянный дурак. Давайте, откройте, посмотрите сами. Но только не смейтесь мне в лицо.

Дрожащей рукой Кейт потянулась к листику. Раскрыв, она перечитала его несколько раз, ее разум пытался осознать значение написанного.

— Это особое разрешение, — потрясенно произнесла она. — И оно выдано уже давно.

Джек получил его до того, как ее похитил Джеремайя Коул, в волнении сообразила Кейт.

— Да. Вот такой я дурак: подумал, что вы выйдете за меня замуж.

Майор рассмеялся сухим неприятным смехом, который резко оборвал.

— А почему вы просто не спросили у меня? — поинтересовалась она мягко.

— Спросил у вас? — голос его был полон горечи. — Зачем спрашивать, если нет возможности принять предложение. Какая леди согласится выйти замуж за такого, как я, — за калеку с отвратительными манерами да уроды впридачу? И без пенни в кармане? Ну и что это за партия для женщины?

— Для некоторых женщин это очень хорошая партия.

При этих словах Карстерз все-таки взглянул на Кейт:

— Возможно... Если женщина потеряла все — свой дом, семью, свое... свое доброе имя. Такая женщина могла бы счесть это достаточным. У нее не было бы иного выбора.

И он дал ей семью, отличный дом и спас ее доброе имя. Кейт чувствовала, что в ней растет злость. Он посмел думать о себе, как о плохой партии? А о ней, как об охотнице за богатством!

— А женщина, от которой отвернулась удача? — спросила она. — Женщина, чье доброе имя было восстановлено раздражительным нищим калекой — такую женщину следует обмануть, похитить, принудить?

— Я так поступил только потому, что вы сбежали. — Джек выглядел пораженным. — Мне показалось, вам не нужна лондонская жизнь, поэтому я подумал...

— Я приехала сюда, чтобы вернуть вещи, которые продала, когда у меня не было денег. Кое-что из драгоценностей моей матери, книги отца и тому подобное. Леди Кейхилл прекрасно об этом известно. Она ожидает меня ко вторнику. Я не убегала ни от кого и ни от чего. Вам следовало лучше меня знать!

— Я не думал...

Он безнадежно пожал плечами.

— Да, вы не думали! — разозлилась Кейт. Она придвинулась ближе и ударила его по руке. — Вы раздражительный и нищий, а еще — просто глупый! Вы большой безмозглый олух! Вы не разговаривали со мной неделями...

— Но вы бы не...

— И вы сверкали и плевались в меня синим пламенем через заполненные толпами танцевальные залы...

— Каким синим пламенем?

Кейт пропустила вопрос мимо ушей. Если он не осознает силу своих прекрасных синих глаз, она не станет осведомлять его об этом. Кейт снова ударила Джека, на этот раз в грудь.

— А теперь вам следует посадить меня на свою жалкую вонючую...

— Вонючую?

Одной рукой майор обнял ее.

— Вонючую, изможденную лошадь перед людьми, которых я знала еще ребенком, а потом без тени малейшего стыда вы должны поцеловать меня...

— Мне кажется, вы уже сами целуете меня на свой манер, — прервал ее Джек, перехватив маленький кулачок, когда тот оказался слишком близко к его подбородку.

— А потом, ты, увалень, если этого недостаточно, должен проскакать со мной по округе мили и мили...

— Ты очень красиво скачешь, — вставил он озорно.

— Надо же, решил, что я даже не заслуживаю вежливого предложения! Когда я сказала тебе, что люблю тебя!

И Кейт с яростью обрушила на него последний удар.

Джек сжал Кейт и уставился в ее лицо:

— Ты что? Ты такого не говорила!

— Говорила, — вспыхнула она.

— Когда?

Багровая краска залила щеки девушки:

— Когда сказала, что у меня есть все, в чем я нуждаюсь.

Он продолжал ошеломленно смотреть на нее. Потом его глаза загорелись:

— И я должен был понять из этого, что ты меня любишь?

Она смущенно кивнула.

Неожиданно майор рассмеялся. Звонко. Радостно.

— Ну какой же я и в самом деле олух! Ты так ясно это сказала, а я, такой глупец, не понял!

— Я же тебя поцеловала, — пробормотала Кейт обиженно.

Джек перестал смеяться, и она ощутила тепло его улыбки, когда он притянул ее ближе и обнял. Кейт отказывалась встречаться с ним взглядом.

— Да. Ты это сделала. И это было очень мило, — он склонился к ней, ища ее губы.

Кейт надулась:

— Я не целуюсь с отвратительными похитителями.

Карстерз снова рассмеялся и перевернулся вместе с ней так, что она оказалась на нем.

— Тогда, моя маленькая злочка, не будешь ли ты так добра поцеловать человека, который сходит по тебе с ума? Мужчину, которому нечего предложить, кроме сердца и тощей, но чистой лошади. И хотя он тебя не заслужил, однако с отчаянием и почтением просит тебя стать его женой.

Кейт замерла, и Джек ужаснулся, увидев, как из ее прекрасных глаз вновь полились слезы.

— Ох, любовь моя, прости меня. Что бы я плохого ни сделал или ни сказал, прости. О боже, я такой непроходимый дурак, но я так тебя люблю. Кейт, милая, пожалуйста, не плачь.

Слезы полились сильнее, заливая ее лицо. Он поцеловал мокрые щеки, глаза, рот.

— Не плачь, любимая. Я этого не вынесу.

Она посмотрела на него затуманенными глазами:

— Прости меня...

Его сердце сжалось от невыносимой боли.

— Прости меня, Джек, дорогой... Это потому что я так счастлива, — всхлипнула Кейт.

Как же хорошо, когда тебя так обнимают руки любимого, как безопасно и тепло. Щека Кейт покоилась у сердца Джека, голова упиралась в его подбородок. Она потерлась о грубую щетину и вздохнула от удовольствия. Потом встретилась глазами с Джеком, и нежность, которую увидела в них, согрела ее до самых кончиков пальцев.

Наконец Кейт заставила себя отстраниться. Джек неохотно позволил ей это. Она села и оправила платье. Он остался лежать и смотрел на нее с ласковой и гордой улыбкой.

— Я только что подумал о еще одной причине, по которой тебе следует выйти за меня, — протянул он.

— Хм?

— Стирка. Никогда не знал женщины, которая бы так славно с этим справлялась, — хмыкнул майор, вытаскивая травинки из ее волос.

Кейт оттолкнула его и пихнула обратно на землю. Положила ладони ему на грудь, отчасти чтобы быть уверенной, что он держится от нее на расстоянии, отчасти, чтобы чувствовать под своими пальцами его тепло.

Ее лицо стало серьезным, а глаза тревожно потемнели.

— Я хочу кое-что спросить, Джек. Тебя действительно не волнует то, что произошло со мной в Испании?

Его взгляд смягчился.

— Напротив, очень даже волнует... но не по тем причинам, что беспокоят тебя, любовь моя. — Он рванул ее к себе. — Меня волнует, что ты испытывала страдания и страх, что голодала и находилась в опасности, и тебя некому было защитить. Меня заботит, что ты осталась без поддержки и помощи, в которых так нуждалась, что стала предметом сплетен, жестокого обращения и даже хуже. Меня тревожит, что ты пришла в пустой дом и столкнулась с лишениями. И меня страшно волнует, что тебе пришлось зарабатывать на жизнь, скребя мои полы и терпя мой отвратительный нрав...

Его голос дрогнул и затих, Джек крепче сжал Кейт, сотрясаясь от переполнявших его чувств. Спустя некоторое время он перестал дрожать, его хватка изменилась. Губами он нашел губы Кейт — бесконечно нежные, бесконечно любящие.

— Клянусь, Кейт, ты больше никогда не будешь голодать, бояться, и никогда больше не испытываешь боль одиночества. Пока я жив, не позволю этому случиться. И еще я клянусь всю жизнь любить и защищать тебя.

Она ослабела от облегчения и радости.

— А я тебя, любимый, — шепнула Кейт.

И это было все, что она успела сказать, прежде чем его рот снова нашел ее.

После долгой и нежной паузы Джек добавил:

— Кроме того, я твердо убежден... — Он двинулся в узнаваемой эротичной манере, на его лице появилась дерзкая усмешка: — ...твердо убежден, что девственности совершенно нет места в браке.

Сбитая с толку ощущениями, которые вызвали его движения, Кейт медленно осознавала значение слов Джека, но понемногу догадалась о причинах его порочной насмешливой улыбки, смеха, глубокой страстной любви и понимания в синем взоре. Кейт хихикнула, ленивый смешок вырвался и у майора, когда он усилил объятия и прижал ее к себе как можно крепче.

Через несколько мгновений Кейт опустила его подбородок так, чтобы видеть глаза. В ее

влюбленном взгляде таился озорной намек:

— Итак, ты клянешься всегда любить и защищать меня...

— Всегда, милая.

— И убедишься, что я больше никогда не буду испытывать голод?

— Конечно.

— И обещаешь убивать для меня пауков.

— Сколько твоей душе угодно.

— И никогда не заставишь скрести твои полы.

— Нахалка! — Дразня, он щелкнул ее по носу. — Если помнишь, это была не моя идея.

— О да, теперь припоминаю. Ты предпочитаешь грязные полы, — знающе кивнула Кейт.

Низкий насмешливый рык и быстрый крепкий поцелуй стали ей ответом.

— И ты даешь слово, что мне больше не придется иметь дело с твоим «дурным нравом»?

Она потянулась и стала накручивать прядь его темных волос на свой палец. Затем слегка дернула, чтобы Джек хорошенько ее понял.

Зловещий взгляд сверкающих глаз заставил ее хмыкнуть.

— Это от многого зависит, — сказал он строго.

— От чего, дорогой? — промурлыкала она, невинно хлопая ресницами.

— От таких вещей, как например, будут ли кофейники и вазы оставаться на столах или летать по воздуху.

— О, даже и не знаю, смогу ли я пообещать такое, — поморщилась Кейт. — Видишь ли, кофейники так непредсказуемы.

— М-м-м, — протянул майор. — Вероятно, мне понадобится двадцать или тридцать лет, чтобы понять смысл жизни кофейников.

— О нет, — с нежностью в голосе не согласилась Кейт.

Джек насмешливо посмотрел на нее. Его сердце глухо стучало от неприкрытого обожания, которое исходило из ее глаз.

— Намного дольше, мой дорогой, намного, много дольше, — прошептала она и, дотянувшись, прижалась губами к его.

— Не урони меня, негодник!

— Тихо, девчонка! И прекрати извиваться, или я действительно уроню тебя!

Хохочущую Кейт Джек перенес через порог, затем глубоко и крепко поцеловал и, улыбаясь, поставил на ноги. Та, кто три недели назад согласилась стать его женой, просто светилась. Так ярко, что ему захотелось поцеловать ее еще раз. И еще.

Сияющие Карлос, Марта, Милли и Флоренс наблюдали со стороны. В конце концов, Кейт догадалась об их присутствии. Покраснев, она дернула Джека за рукав и кивнула. Мгновенно их окружили домашние.

Слуги внесли закуски, все поздравляли друг друга, а девушки собрались вокруг, восхищаясь платьем Кейт.

Вдруг подошла Марта с толстым конвертом, на ее лице застыла извиняющаяся улыбка:

— Мне так жаль вас прерывать, мистер Джек, но это письмо лежит здесь две недели кряду, и я заволновалась. Оно из Лондона и кажется очень важным.

Джек взял конверт и, нахмурившись, повертел в руках.

— От поверенных, — мрачно добавила Марта. — От поверенных не бывает хороших известий. Прошу прощения, сэр.

Она вышла, отозвав из комнаты остальную прислугу.

Джек вскрыл конверт и просмотрел листы. Затем сел со странным выражением на лице. Обеспокоенная, Кейт бросилась к нему:

— Что это, Джек? Плохие новости? Это же не от твоей бабушки?

— Нет. Это не плохие новости, — произнес Джек странным голосом. — Вот, прочти сама.

Кейт взяла бумаги. Сверху лежало письмо от поверенного, в котором тот сообщал, что имеются инструкции, которым ему надлежит следовать при наступлении определенных обстоятельств. Кейт нахмурилась. Это весьма озадачивало. Она перешла к следующему листу.

— Джек! — выдохнула Кейт.

— Читай, любовь моя, — попросил он. — Я сам пока в это не верю.

Кейт прочла:

«Джек, мой дорогой сын!

Когда ты получишь это письмо, мои поверенные уже или настояли, чтобы ты окончательно и бесповоротно разорвал отношения с Джулией Давенпорт, или прошел год и один день со дня мой смерти. Смею надеяться на первое.

В любом случае, ты унаследуешь все, что ожидал. Я никогда не собирался оставлять тебя нищим. Мое завещание лишь уловка умирающего, дабы освободить тебя от этой женщины.

Доктора сказали мне, что я умру в считанные недели, поэтому прилагаю все усилия, чтобы ты действительно смог стать счастливым. Знаю, мои действия причинят тебе боль, сын, и очень сожалею. Но поверь, это для твоего же блага.

Джулия Давенпорт — гарпия, Джек, вероломная жадная гарпия. Я рассчитываю, что она откажется от помолвки, когда узнает о лишении тебя наследства. Лелею мечту, что

ты будешь не сильно страдать, мой мальчик. И надеюсь на твое прощение.

Это жестоко, понимаю, потому что ты всегда выказывал себя любящим сыном, даже когда мы ссорились. Но я так хочу, чтобы ты был счастлив, Джек. Нет ничего более важного, чем истинная любовь. Твоя мать и я были очень счастливы, и мое сердце умерло вместе с ней. Ты так похож на нее, мой дорогой сын, и я точно знаю, что она никогда не простила бы меня, если бы я ничего не предпринял для твоего благополучия.

Найди другую женщину, Джек. С настоящим и любящим сердцем, которая полюбит тебя за то, каков ты есть, а не за удачу или положение в обществе. И когда ты ее найдешь, Джек, сразу женись на ней и никогда не отпускай.

Я буду носить пятьсот фунтов и расписку на этот проклятый «Севеноукс» с собой везде, куда бы ни отправился в мои последние дни, чтобы ты не оказался совсем без средств. И мне известно, что твои бабушка и сестра присмотрят за тобой. Тебя очень любят, сын.

Надеюсь, ты найдешь в себе силы простить отцовское вмешательство. Да хранит тебя Господь.

Твой любящий отец»

— О, Джек, он очень любил тебя...

Кейт была вся в слезах.

Не в силах произнести ни слова, Джек просто обнял жену. После долгого молчания он произнес срывающимся голосом:

— Я нашел женщину с настоящим любящим сердцем, отец. Вот она, здесь...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

[1] «Уайтс» (Whites), Сент-Джеймс, 37-38

«Уайтс» — один из старейших клубов Лондона, идейный «потомок» хулиганских светских кофеен и скандальных «шоколадных домов». Первоначально «Уайтс» создавался как клуб тори, но постепенно утратил свою политическую окраску, и на первый план вышла социальная жизнь. В клубе регулярно устраивали балы и праздники — роскошный прием был организован в честь победы над Наполеоном.

«Уайтс» славится подвигами своих членов на ниве азартных игр.

[2] Кресс водяной — многолетнее, быстроразвивающееся растение семейства капустных. Водяной кресс богат витаминами и нужными организму человека микроэлементами, в нем наблюдается благоприятное соотношение калия и кальция. В пищу пускают зелень растения целиком (листья и стебли). Вкусными получаются бутерброды с ветчиной, рыбой или сыром, покрытые зеленью водяного кресса. Нарезанную зелень добавляют в супы или используют как гарнир ко вторым мясным и рыбным блюдам.

[3] entree /фр. — право доступа/

[4] cailles a la Turque — фр. — перепела по-турецки

[5] ламбер-пай — lumber pie — старинный сладкий пряный пирог, начиненный

фруктами (ягодами, виноградом) и фрикадельками

[6]пастернак — Двулетнее овощное растение семейства зонтичных, утолщенный корень которого употребляется как пряность

[7]Война на Пиренейском полуострове была главным конфликтом на территории Иберийского полуострова в ходе наполеоновских войн. Союз Испании, Португалии и Англии сражался против Наполеоновской Французской империи.

Известно и другое название этой войны — война за независимость Испании (Guerra de la Independencia Espanola). В российской и советской историографии войну иногда называют испано-французской войной или Испанской революцией 1808–1814.

[8]А?ртур Уэ?лсли, 1-й герцог Ве?ллингтон (англ. Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington; 1769, Дунканкестл — 14 сентября 1852) — английский полководец и государственный деятель, английский фельдмаршал (3 июля 1813), участник Наполеоновских войн, победитель при Ватерлоо (1815). 25-й (с 22 января 1828 по 22 ноября 1830) и 28-й (с 17 ноября по 10 декабря 1834) Премьер-министр Великобритании.

Испанская кампания

1810 год ознаменовался делом при Бузако, обороной Торрес-Ведрасской укрепленной позиции, осадой Альмеида и взятием Сиудад-Родриго, причем действия Веллингтона постоянно были успешны. Испанские кортесы сделали его маркизом Торрес-Ведрасским, испанским грандом и герцогом Сиудад-Родригским, а принц-регент возвел его в звание графа Веллингтона.

В 1812 году Веллингтон взял Бадахос, разбил маршала Мармона при Саламанке и вступил в Мадрид. После неудачного приступа к Бургосу Веллингтон отступил в Португалию; но когда в 1813 году часть французских войск выступила из Испании, то он снова занял Мадрид и 21 июня одержал блестящую победу при Виттории. За это сражение, освободившее Испанию от французов, Веллингтон был произведен в фельдмаршалы.

В октябре 1813 года Веллингтон вступил во Францию, одержал несколько побед над маршалом Сультом и занял Тулузу, где узнал о заключении мира в Париже.

За подвиги свои Веллингтон был щедро награжден английским правительством: принц-регент пожаловал ему титул герцога, а парламент назначил 300 тыс. фунтов стерлингов на покупку имения.

[9]Колдстримская гвардия (Coldstream Guards) — Британская пехота (англ. British Infantry) состоит из полков гвардейской и армейской пехоты. В составе армейской пехоты также есть шефские полки, шефами которых являются члены королевской семьи. Гвардейская пехота: Гвардейские гренадеры (англ. Grenadier Guards); Колдстримская гвардия (англ. Coldstream Guards); Шотландская гвардия (англ. Scots Guards); Ирландская гвардия (англ. Irish Guards); Уэльская гвардия (англ. Welsh Guards). Армейская пехота: Королевский полк Шотландии (англ. Royal Regiment of Scotland); Королевский полк принцессы Уэльской (англ. Princess of Wales Royal Regiment); Полк герцога Ланкастерского (англ. Duke of Lancaster Regiment); Полк королевских фузилеров (англ. Royal Regiment of Fusiliers); Королевский полк Англии (англ. Royal Anglian Regiment); Йоркширский полк (англ. Yorkshire Regiment); Мерсийский полк(англ. Mercian Regiment); Королевские уэльсцы(англ. Royal Welsh); Королевский Ирландский полк(англ. Royal Irish Regiment); Парашютный полк (англ. Parachute Regiment); Королевские гуркхские стрелки (англ. Royal Gurkha Rifles); Стрелки (англ. Rifles).

Колдстрим (англ. Coldstream) — небольшой город в Шотландии в области Шотландские

границы. Расположен на северном берегу реки Твид.

[10]Бедлам (англ. Bedlam, от англ. Bethlehem — Вифлеем; официальное название Бетлемская королевская больница — англ. Bethlem Royal Hospital), первоначальное название — госпиталь святой Марии Вифлеемской, психиатрическая больница в Лондоне (с 1547).

Название Бедлам стало именем нарицательным, вначале — синонимом сумасшедшего дома, а позже — словом для обозначения крайней неразберихи и беспорядка.

Бетлем стал частью Лондона с 1247. С 1330 года тут была расположена больница, которая стала больницей для душевнобольных в 1377 году, хотя до 1403 года там было только 9 пациентов.

Лондонский Вифлеемский госпиталь для душевнобольных (англ. Bethlehem hospital for insane) построен напротив знаменитого Тауэра. Сюда с 1547 года свозили умалишенных и «блаженных». В 1815 году на этом месте построили гигантский, образцовый по тем временам госпиталь — душевнобольных здесь не держали в цепях и не морили голодом. В пьесе В. Шекспира Король Лир Эдгар, сын герцога Глостерского играет роль Бедламского нищего (Bedlam Beggar), чтобы остаться в Англии незамеченным после изгнания.

[11]мисси — missy — шутл., ласк., реже пренебр. обращение к молодой девушке; чаще используется прислугой

[12]la toilette — фр. — туалет (наряд, одежда); манера одеваться

[13]Бивак (бивуак) (нем. Biwak — франц. bivouac) (устар.), стоянка войск вне населенных пунктов для ночлега или отдыха.

Основными критериями при выборе места для бивака служили удобство сообщения, наличие источников питьевой воды, выгодная оборонительная или наступательная позиция. Устройства бивака и порядок размещения в нем подразделений были строго регламентированы. Пехота, артиллерия, кавалерия, обоз, полевые кухни располагались в определенном порядке с определенными интервалами.

[14]Сьюдад-Родриго — Ciudad Rodrigo — 8 января 1812 года город был осажден 35 000 англичан под командованием Веллингтона и взят штурмом через 11 дней. Англичане потеряли во время осады 1290 чел. убитыми и ранеными, в т. ч. 710 чел. во время штурма (включая генералов Кроферда и Маккиннона). Французы потеряли 300 чел. убитыми и ранеными, 1500 чел. пленными и 150 пушек.

Укрепленный городок Сьюдада-Родриго расположен в пустынной местности недалеко от португальской границы. Несмотря на историческое прошлое, он не затронут массовым туризмом. Жизнь тут оживает во время ежегодных коррид в период февральского карнавала, когда на улицах проходят энсьерро — бег быков.

Окружающий сельскохозяйственный район вряд ли можно назвать процветающим: об этом можно догадаться по сомнительному местному блюду эль-фаринато — сосиске из муки и жира, которую обычно едят с яичницей. Ранее здесь было популярно рагу из зеленой ящерицы, но меры по охране природы исключили его из местного меню. Славное прошлое здешних мест прослеживается в череде элегантно украшенных жилищ. Город был назван в честь графа Родриго Гонсалеса Хирона, который обосновался здесь в XII веке. В 1812 г. герцог Веллингтон отбил Сьюдад-Родриго у наполеоновских войск после долгой осады и кровавой битвы. Стратегическую важность пограничного города, в первую очередь символизируют массивные укрепления XII века.

Над городком возвышается замок Энрике II Трастамара (XIV в.), ныне превращенный в парадор. Суровые каменные стены стоят на остатках римского фундамента, а зубчатые

башни красиво освещаются по ночам. К типичному для XII века собору были добавлены прекрасный портал XIII в. Портада-де-ла-Вирген, сиденья для хора в стиле исабелиное. пышной резьбой работы Родриго Алемана, алебастровый ренессансный алтарь и крытые галереи смешанного архитектурного стиля. Довольно интересны богато украшенные гробницы знати.

Соседняя дверь ведет в более скромную Капилью-де-Серральбо с алтарной росписью Хосе Риберы. Направившись на юг, вы попадете в местный центр — на Пласа-депь-Буэн-Алькальде.

[15]битва при Саламанке — 22 июля 1812 г. англо-испанские войска численностью около 50 тысяч человек вступили в сражение при Саламанке с примерно равными им по силам французскими войсками маршала Мармона. Французы предприняли неосмотрительное передвижение через центр позиций Веллингтона, предполагая, что англичане отступают, после чего были разбиты, потеряв четвертую часть своей армии, причем был ранен и сам маршал Мармон. Вскоре Веллингтон занял Мадрид, но после неудачного приступа к Бургосу вынужден был снова отступить в Португалию.

Саламанка — город в Испании, автономное сообщество Кастилия и Леон, столица одноименной провинции. Основан в доримскую эпоху. В 1218 году основан всемирно известный университет. В 1985 году старый город объявлен ЮНЕСКО частью всемирного наследия человечества. Население — 160 тыс. человек, имеется железнодорожный вокзал и аэропорт, государственный и католический университеты.

[16]Дуэ?ро (исп. Duero), До?ру (порт. Douro), Ду?рий (лат. Durius) — река, берущая начало на территории Испании и впадающая в Атлантический океан в Португалии. Одна из крупнейших рек Пиренейского полуострова, общая протяженность — 897 км.

Двойное название реки, как правило, отражается на географических картах.

[17]Розмарин (лат. Rosmarinus) — род многолетних вечнозеленых кустарников семейства Яснотковые (Lamiaceae). Представители рода распространены в Средиземноморье и Европе.

[18]Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон (Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington)

Веллингтон дал свое имя резиновым сапогам, которые всячески пропагандировал. Они стали называться Wellington boots. Кроме того сам герцог Веллингтон имел также еще несколько прозвищ:

* «Железный Герцог» (Iron Duke) его стали называть, вероятно, после инцидента, случившегося в 1830, когда он установил металлические ставни, чтобы не дать мятежникам разбить окна в Эпсли-Хаусе (резиденция герцога Веллингтона — ныне музей). (Apsley House)

* Офицеры, служившие под его командованием, называли его «Денди» (The Beau) за привычку красиво одеваться, или «Пэр» (The Peer), после того, как он стал виконтом.

* Простые солдаты, служившие в его армии, называли его «Старый носач» (Old Nosey или Old Hookey) за выдающийся орлиный нос.

* Испанцы и португальцы называли его «Орел» (the Eagle) и «Дору» (Douro — название реки и региона в Португалии) соответственно.

* «Бык» (The Beef) по наименованию знаменитого блюда «Биф Веллингтон» (Beef Wellington dish — Мясной рулет из говяжьей вырезки, фаршированный белыми грибами, фуагра, спаржа, пармезан, с овощами гриль и соусом «Коррида»);

* также его называли по имени популярной игры (the popular board game) — «Риск»

(Risk).

[19]Мериносовая — меринос — порода тонкорунных овец. Мериносы отличаются от остальных пород овец высоким качеством шерсти, состоящей из тонких (15–25 мк) мягких волокон.

[20]Ротонда — (от лат. rotundus) — женская верхняя утепленная одежда в виде длинной накидки без рукавов и без застежки, с прорезями для рук. Летние Р. имели небольшой стоячий воротник, а зимние отделялись мехом. Были распространены в XIX — начале XX вв.

[21]Спенсер — короткий шерстяной жакет, названный в честь его создателя. Морскому министру (а потом министру внутренних дел) Великобритании в правительстве Питта графу Георгу Джону Спенсеру Второму (1758–1834) (George John Spencer, 2nd Earl Spencer) приписывают авторство короткого узкого пальто (или даже жакета) — спенсера (spenzer), впоследствии одежды мужчин и женщин.

Говорят, в 1790-х годах с лордом Спенсером приключился забавный случай — как-то раз он задремал у камина и прожег фалды своего фрака. Обнаружив это, лорд невозмутимо обрезал фалды до талии и превратил свой фрак в короткий жакет. Он поразил своим видом публику и ввел моду на подобные укороченные жакеты, которые позднее назвали его именем — Spencer.

Жакет-спенсер из Англии очень быстро перекочевал во Францию, а из мужского гардероба — в женский, поскольку идеально дополнял ампирные платья с завышенной талией. Что интересно, вместе с этим жакетом в женский гардероб вошли элементы отделки в стиле «милитари» — гусарские застежки и иные детали военной униформы.

Спенсеры носили и в качестве верхней одежды, и как деталь вечернего костюма (в этом случае их могли называть canezou). Соответственно, и материалы, из которых шились спенсеры, могли быть самыми разными. Наиболее часто упоминаются кашемир и шелк.

Мода на спенсеры продолжалась около 30 лет, с 1790-х до конца 1820-х, то есть до тех пор, пока носили платья с завышенной талией, поверх которых дамам необходимо было что-то надеть.

[22]Щелок — раствор древесной золы в воде. В основном состоит из карбонатов калия и натрия. Обладает сильнощелочной реакцией. Поэтому раньше использовался для мытья и стирки вместо мыла, для выделки кож. От этого слова произошло название класса химических соединений щелочи. До сих пор некоторые щелочи называют щелоками, к примеру, гидроксид калия — щелок калиевый, а гидроксид натрия — щелок содовый. В настоящее время это слово выходит из употребления.

[23]Перелаз (the stile) — ступеньки для перехода через ограждение (забор, стену). Например, вблизи деревень тропы перекрывают забором с перелазом, чтобы скот не убежал далеко.

[24]Бере?йтор, бере?йтер (от нем. Bereiter) — специалист по обучению лошадей и верховой езде; учитель, обучающий верховой езде, «объездчик» верховых лошадей, объезжающий лошадей, помощник дрессировщика лошадей в цирке.

[25]Спермацет — воскоподобное вещество, получаемое при охлаждении жидкого животного жира (спермацетового масла), заключенного в фиброзном мешке в голове кашалота. Прежде спермацет ошибочно принимали за сперму кашалота (отсюда название).

Содержание собственно спермацета в спермацетовом масле колеблется от 8 до 20 %. Его отделяют вымораживанием и фильтрованием или кристаллизацией из растворителей.

Спермацет содержится также в сале кашалота; в этом случае сало-сырец вначале вытапливают и из полученного жира охлаждением выделяют спермацет. Кристаллизуется спермацет при 6 °С, затем его очищают от жирной фракции отпрессовкой и путем нагревания со щелочью.

В XVIII в. из спермацета изготавливали свечи, позднее его использовали как смазочный материал и основу для приготовления кремов и мазей. Сейчас, в связи с прекращением добычи кашалотов, спермацет больше не добывается и не применяется.

[26]Кольдкрем — мазь для смягчения кожи, состоящая из спермацета, воска, миндального масла и других примесей.

В фармакопее носит название *unguentum Galleni*, по имени древнего врача Галлена, впервые его приготовившего — представляет ароматизированную эмульсию воска и спермацета в равных количествах и какого-либо масла, обыкновенно миндального, в количестве равном употребляемой воде. Приготавливается К. следующим образом. Берут 28 грамм воска, 28 грамм спермацета; сплавляют их на водяной бане, к сплаву прибавляют 500 грамм миндального масла, нагревают до полного растворения; сняв с бани, начинают прибавлять розовую воду тонкой струйкой, постоянно взбивая метелкой или каким-либо другим инструментом до тех пор, пока не прибавят 500 грамм. Прибавление воды должно по временам прекращать и массу сильно взбивать. Когда вольют всю воду, приливают эссенции, аромат которой желают придать К., и еще раз взбивают. Затем раскладывают в баночки, где К. застывает в твердую массу, и в таком виде пускают в продажу.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона

[27]Бадахос (исп. *Badajoz*) — город в Испании, автономное сообщество Эстремадура, центр одноименной провинции. Муниципалитет находится в составе района (комарки) Бадахос. Расположен на границе с Португалией.

16 марта 1812 года Веллингтон обложил Бадахос. Штурм 6 апреля обошелся в 4800 убитых и раненых (против 1500 убитых и раненых и 3500 пленных у французов). Хуже того — расвирепевшие солдаты устроили кровавый погром города. Около суток офицеры и жандармы не могли обуздать всплеск самых темных солдатских инстинктов. Именно ко времени сразу после Бадахоса относятся самые известные высказывания Веллингтона о том, что его солдаты — «подонки общества».

[28]Сьюдад-Родриго (*Ciudad Rodrigo*) — см. примечание к главе 5.

[29]Талавера (*Talavera*) — место сражения 28 июля 1809 между англо-исп. армией (19000 англичан и 34000 испанцев) под командованием генералов сэра Артура Уэлсли и Куэста и 46-тысячной франц. армией под командованием маршалов Журдана и Виктора при номинальном руководстве короля Жозефа Бонапарта. Англичане отразили все атаки, потеряв 6000 убитыми и ранеными. Потери испанцев достигли 1200 чел., но цифра вызывает сомнения, поскольку они почти не принимали участия в сражении. Потери французов составили 7389 убитых, раненых и пропавших без вести, а также 17 орудий.

[30]Бусако (*Busaco*) — место сражения 27 сент. 1810, в котором Веллингтон намеревался обезопасить свое отступление к Торрес-Ведрас. Англичане и португальцы, числом до 50000, заняли крутой хребет, а французы числом 65000 не нашли ничего умнее, как атаковать их в колоннах. Веллингтон показал им свою «систему» уже в самом классическом варианте — застрельщики на крутом склоне, убийственный мушкетный огонь, контратака в штыки резервов с другой стороны холма. В результате союзники потеряли убитыми и ранеными 1250 человек, а французы — 4500.

[\[31\]](#)Вероятно, речь идет о следующей фразе:

«В чем тайный смысл такой горячей спешки,

Что стала ночь сотрудицею дня?»

У. Шекспир «Гамлет, принц датский», акт 1, сцена 1 (перевод М.Лозинского).

[\[32\]](#)Саламанка (Salamanca) — см. примечание к главе 5.

[\[33\]](#)por favor — пожалуйста (исп.)

[\[34\]](#)Горе мне! О, я несчастный! (исп.)

[\[35\]](#)Матерь божья! (исп.)

[\[36\]](#)Стиль королевы Анны — Для периода, длившегося с 1702 по 1714 годы (названного в честь царствующей в то время английской королевы), характерна изящная мебель с прихотливыми изгибами. Кроме того, в декоре этого стиля прослеживается довольно сильное влияние китайского прикладного искусства. Кресло Королевы Анны с его витыми ножками (их еще называют кабриоль) не потеряло своей популярности до сегодняшнего дня. Особенно часто его можно встретить в элегантных столовых.

Знаменитое «ушастое» кресло начала XVIII века (стиль королевы Анны).

Форма ножек — так называемая кабриоль: элегантно изогнутая в виде буквы S и расширяющаяся кверху. Черта стиля: каждой ножке — по лапе, а в лапы — по шару.

[\[37\]](#)Дервиш (перс.????? — dervis — бедняк, нищий) то же, что и «каландар» или «календер» — мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

Крутящиеся Дервиши (Whirling Dervishes) обычно ассоциируются с Орденом Мевлеви в Турции.

Основал его Руми, или, как его называли, «Наставник с Сияющим Сердцем».

Руми — полное имя Джелал Ад-Дин Мохамед Руми («Рум» — так называлась Малая Азия), так Руми означает человек из Малой Азии. В Турции он известен под именем Мевляна (наш Мастер). Руми родился в Балхе (ныне территория Афганистана, во времена рождения Руми территория Персии, в 1205), большую часть своей жизни прожил в Конье (Турция). По образованию он был доктор права. Его отец был суфием, и также отдал своего сына в учении суфийскому мастеру.

Достаточно поздно Руми начал писать стихи (в возрасте 50 лет). В настоящее время Руми — второй по читаемости мусульманский автор после Пророка Мохамеда, представившего Коран. Руми основал к концу своей жизни Орден Мевлеви — «Крутящихся дервишей». Покинул материальный мир в 1273 году.

Руми требовал от своих последователей предельной самоотдачи; только выполняя все предписания, они могли ощутить вспышку религиозного просветления. И эти требования к членам братства во многом сохраняются по сей день. Обряд кружения — один из самых тяжелых и в то же время самых изощренных способов приближения к Всевышнему, отмечается в книге о жизни и творчества Руми. Это акт любви и драма веры. Музыка, декламация его стихов, ритмическое вращение — все это призвано вызвать у приверженцев учения чувство подъема, экстаза, мистического полета.

Ныне дома, где общаются между собой поклонники Руми, превратились в школы изящных искусств, музыки, танцев.

Танец дервишей или Танура:

Этот танец, несмотря на обманчивую легкость исполнения, является одним из сложнейших танцев не только в арабском мире, но и вообще в танцевальном мире. Здесь необходим уникальный вестибулярный аппарат, выносливость и крепкая физическая сила.

Все это нужно потому, что во время исполнения танца его исполнитель совершает вращения вокруг себя в течение 15 минут при этом, держа в руках бубны и другие предметы.

Это искусство передается от отца к сыну, т. е. фактически по наследству, а значит, является семейным делом. Маленький мальчик с детства обучается этому тяжелому ремеслу и повторяет за отцом завораживающие вращения.

Другое название этого танца — танура. Название это в переводе с арабского означает «юбка». Если посмотреть на костюм, который требуется для его исполнения, то станет понятно, откуда такое название. Это несколько тяжелых юбок, одетых одна на другую. Ткань плотная и тяжелая, порой вес костюма доходит до 10 кг, потому дервишу требуется немалая физическая сила.

Физиология происходящего:

Круговое вращение заставляет кровь двигаться очень быстро, нарушает обычное кровоснабжение мозга. Монотонность, длительность происходящего и определенный ритм танца приводят к достижению экстаза и снятию блоков с сознания.

Такой процесс благоприятно воздействует на весь организм — он омолаживается. Также действуют подготовительные тренировки, которые проходят желающие вступить в орден. Так, абитуриент может простоять на коленях, погрузившись в себя, трое суток. Не сдавшие экзамен или допустившие другое нарушение безжалостно отсеиваются. Прошедшие испытания приступают к постоянным занятиям.

[38] Королевский театр в Ковент-Гардене (англ. Theatre Royal, Covent Garden) — театр в Лондоне. Расположен в районе Ковент-Гарден, по которому и получил название. В 1808 г. первый театр Ковент-Гарден был уничтожен пожаром. Новое здание театра было возведено за первые девять месяцев 1809 г. по проекту Роберта Смерка и открылось 18 сентября постановкой «Макбета». Менеджмент театра поднял цены на билеты, чтобы окупить стоимость нового здания, однако публика на протяжении двух месяцев срывала спектакли постоянными криками, хлопками и свистом, в результате чего руководство театра вынуждено было вернуть цены к прежнему уровню.

[39] Королевский театр Друри-Лейн (Theatre Royal, Drury Lane) — старейший из непрерывно действующих театров Великобритании. В XVII-начале XIX вв. считался главным драматическим театром британской столицы. В 1963 г. театр отметил свое 300-летие.

[40] Almack's (взято с другого форума)

Чтобы верно охарактеризовать Олмакс (Almack's), надо представлять себе феномен assembly rooms (залов для балов, приемов, собраний). Явление распространилось в течение 18 века, чуть не в каждом городе такие строили иждивением (в складчину) окружающих помещиков, иногда как часть лучшей гостиницы в городе, иногда отдельно. Это было действительно несколько комнат, подходящих для танцев, игры в карты, чаепития в перерыве бала; куда можно было съезжаться семействам из своих сельских имений, встречаться, общаться, проводить балы по подписке (assembly balls = subscription balls), т. е. в складчину. Такие же строили при курортах (знаменитейшие — в Бате).

Almack's и был такой анфиладой assembly rooms плюс клубом для игры в карты в Лондоне, на Кинг-стрит. Построили его в 1764 г., первым владельцем был Уильям Мак-Колл (William McCall), начинавший как слуга герцога Гамильтонского. Название — по анаграмме его фамилии: он дал такое название, чтобы скрыть свое происхождение, боялся, что иначе наткнется на предрассудки. Карточный клуб был известен своими высокими ставками, соответственно и клиентура была из высших кругов. В течение трех месяцев лондонского

"сезона" (с Пасхи до 1 августа) в его залах проводились еженедельные балы по подписке, которые организовывал добровольный комитет дам, опять же из верхушки общества.

Допуск в Олмакс был честью, который современники сравнивали с представлением ко двору. Дамы были тиранки и устанавливали жесткие правила: например, однажды туда не пустили герцога Веллингтонского — за то, что опоздал. Впоследствии эти комнаты стали известны как Willis's (по имени следующего владельца), использовались главным образом для парадных обедов и были закрыты в 1890 г.; а карточный клуб переместился еще в 1778 г. на Сент-Джеймс-стрит, где стал известен под названием «Брукс» (Brook's Club).

[41]Бланманже (фр. blanc — белый и manger — есть) — десерт, желе из миндального или коровьего молока. Традиционный рецепт бланманже включает миндальное молоко, рисовую муку или крахмал, сахар и специи (ваниль, мускатный орех и другие по желанию). Современные рецепты часто включают также желатин (или другую желеобразующую добавку), т. к. его использование улучшает внешний вид блюда (желе более плотное, держит форму).

Бланманже с молотым миндалем.

Иногда в бланманже добавляют:

- * молотые орехи (миндаль, фисташки, грецкие и другие)
- * какао
- * ягоды, фрукты, цукаты
- * мяту или мятную эссенцию
- * ром или другой алкоголь

Есть свидетельства, что бланманже было одним из любимых блюд Пушкина.

[42]Серый с примесью другого цвета

[43]Охотничье общество в графстве Лестершир; по названию поместья Куорнден-Холл [Quornden Hall], на территории которого в 18 в. была проведена первая охота.

[44]Каррик (curricle) — модный, спортивный, очень легкий, двухколесный экипаж, запряженный парой лошадей.

Среди высшего общества времен регентства Георга IV популярным был двухколесный экипаж каррик — своего рода «Ягуар» на конной тяге. Легкий и скоростной, к тому же как нельзя лучше подходящий для того, чтобы продемонстрировать свое умение обращаться с вожжами, он быстро вошел в моду в качестве городского экипажа для молодого джентльмена. Однако в викторианскую эпоху его вытеснил более экономичный кабриолет — в отличие от пароконного каррика, в него запрягалась только одна лошадь.

[45]Вероятно, речь идет о каррике.

Каррик (гаррик) — carrick (англ.) — пальто со множеством воротников-пелерин (порой до 16 шт.). Получило свое название не то от ирландского города, не то от имени знаменитого в свое время английского актера Гаррика, который первым отважился надеть одежду такого фасона. В XVIII веке каррик часто использовался для езды верхом или в экипаже. Распространенная одежда кучеров.

[46]Касторовая шляпа (англ. beaver hat) (лат. castor — бобер) — из высококачественного сукна очень тонкой выработки, для ее изготовления применялся бобровый или козий пух.

[47]Анна Радклифф (англ. Ann Radcliffe, урожденная мисс Уорд, Ward; 9 июля 1764 — 7 февраля 1823) — английская писательница, одна из основательниц готического романа или так называемого «романов ужаса».

Анна Радклифф родилась в 1764 году в городе Холборн в семье галантерейщика

Вильяма Уорда; ее матерью была Анна Уотс. Фамилию Радклифф она получила, выйдя в возрасте 22 лет замуж за журналиста Вильяма Радклиффа, владельца и главного редактора газеты *English Chronicle*. Поскольку у них не было детей, Анна, чтобы занять свободное время, начинает заниматься беллетристикой. Это ее занятие поощряет и поддерживает ее муж.

В течение 7 лет она выпускает все свои книги, получившие впоследствии широкое распространение, затем прекращает заниматься литературой. Это происходит из-за того, что Анна от природы была застенчивым человеком и большая известность пугала ее, нарушая внутренне спокойствие.

Жизнь Анны Радклифф, как и ее творчество, окружены различными тайнами. Одна из таких легенд гласит, что, выдумывая новые сюжеты и страшные детали своих произведений, Анна сошла с ума и после этого умерла.

На самом деле Радклифф скончалась в 1823 году от пневмонии. Похороны писательницы состоялись в церкви Святого Георга около Гановер-сквер в Лондоне.

[48]Игра слов: *signor Montoni* ~ *sinner Montoni*. *Sinner* — негодяй, грешник и *signor* — синьор — звучат похоже по-английски.

[49]Эмили, героиня самого знаменитого готического романа «Удольфские тайны» Анны Радклифф, с первых глав книги попадает в мрачную атмосферу зловещих тайн. Удольфский замок стал для всех его обитателейместилищем ужасов и трагических происшествий, устрашающих даже самые мужественные сердца. Борьба с темными силами зла явилась смыслом жизни Эмили Сент Обер.

[50]Маде?ра — крепкое вино, изначально изготавливаемое на лесистом острове Мадейра (в переводе с португальского — лес). Вина данного типа могут быть как сухими, так и десертными. Объединяющим признаком служит выдержка виноматериала в процессе приготовления вина при достаточно высокой температуре (60–80 градусов Цельсия) в течение значительного времени. В результате в вине происходит сахароаминная реакция (меланоидинообразование, реакция Майяра), которая обуславливает янтарную окраску вина и карамельно-ореховые оттенки во вкусе и аромате.

[51]*je ne s'est quoi* — (фр.) нечто неопределенное, неуловимое.

[52]*La Belle Assemblee* и *Ackerman's Repository* — популярные журналы с описаниями и изображениями модных фасонов в XVIII веке.

[53]*Damnatio ad bestias* ((лат.), букв. «предание зверям»), *ad bestias*, *ad bestie*, часто упрощенно — Съедение львами, растерзание львами, точнее — растерзание дикими животными — вид смертной казни в Древнем Риме посредством бросания осужденного на растерзание зверям (часто львам) на цирковой арене. Этот вид казни был позаимствован Римом во II веке до н. э. с Древнего Востока, где аналогичное наказание существовало по меньшей мере с VI века до н. э., и стал излюбленным цирковым зрелищем римлян.

В I–III веках н. э. казнь применялась преимущественно для расправы с ранними христианами (лат. *christianos ad leones* — «христиан львам»), благодаря чему наряду со смертью на кресте стала одной из самых известных причин мученической кончины христианских святых. С принятием империей христианства практика сохранилась против других преступников и была окончательно отменена лишь в 681 году.

В переносном смысле «бросить на растерзание львам» означает «оставить кого-либо абсолютно неподготовленным в одиночестве среди агрессивных противников, практически без надежды избежать физического или (чаще) морального ущерба».